

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1889.

№ 3.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). *И. Корсунскаго* 151—176
- Очеркъ современной умственной жизни (окопчаніе). *А. Бъляева* 177—209
- Патріархъ Фотій (848—892 гг.). (продолженіе). *И—на.* 210—238

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Онтологія или метафизическое ученіе о бытіи вообще (по В. Вовне'у) (продолженіе). Архимандрита *Бориса* 71 — 86
- Нѣсколько словъ о Сопратѣ и утилитаріанизмѣ. *П. Лейнфельда* 87 — 106

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 1887—88 учебный годъ.— Свѣдѣніе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи установленнаго X епархіальнымъ съѣздомъ за вторую половину 1888 года.—Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1889.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакція журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν,
Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Февраля 15 дня 1889 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

Послѣ умиротворенія Востока, Россія, цѣлыхъ 15 лѣтъ не тревожимая никакими внѣшними событіями, все вниманіе свое обратила на внутреннія дѣла свои, на преуспѣваніе внутренняго благосостоянія страны и ея обитателей, и только въ 1848—1849 годахъ снова вынуждена была взяться за оружіе въ виду теченія дѣлъ внѣшней политики. Революціонныя движенія, главнымъ гнѣздилищемъ которыхъ и теперь, какъ въ царствованіе Александра I, была Франція, къ этому времени разрослись до ужасающихъ размѣровъ. Одна Франція, вслѣдствіе революціи, въ теченіе времени царствованія Николая три раза мѣняла свое правительство: въ 1830, въ 1848 и въ 1851 годахъ. Іюльская революція 1830 года въ Парижѣ покончила съ царствовавшимъ доселѣ домомъ Бурбоновъ въ лицѣ Карла X, представителя сего дома и вмѣстѣ представителя законной монархіи. Карль X былъ низверженъ и на его мѣсто вступилъ представитель младшей, Орлеанской линіи Лудовикъ-Филиппъ, но уже не какъ неограниченный монархъ, а какъ король, власть котораго была ограничена конституціею. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ связи съ революціей, главнѣйшимъ двигателемъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 24.

которой было среднее сословіе народа, начали быть вводимы въ дѣло и жизнь самыя разрушительныя начала конституціонализма и революціи. Уничтоженіе правъ состоянія и наслѣдства, общность должностей и капиталовъ, неограниченная законами свобода слова и дѣйствій и т. д. были естественными послѣдствіями приложенія этихъ началъ къ жизни и въ свою очередь вели къ разрушенію существующаго порядка. Не смотря на свою уступчивость, Лудовикъ-Филиппъ, само собою разумѣется, далеко не во всемъ могъ угодить заправителямъ конституціи, и послѣ 18-лѣтняго правленія, вслѣдствіе февральской революціи 1848 года, долженъ былъ оставить престолъ и удалиться въ Англію, а Франція объявила себя республикою. Но не болѣе какъ чрезъ 4 года послѣ того, именно 2 декабря 1851 года, избранный въ президенты республики всеобщею подачею голосовъ принцъ Людовикъ-Наполеонъ, племянникъ Наполеона I Бонапарте, путемъ государственнаго переворота, овладѣлъ неограниченною властію, а годъ спустя возстановилъ основанную дядей его французскую имперію и принялъ титулъ императора, съ именемъ Наполеона III. Но уже и іюльская революція 1830 года не осталась безъ вреднаго вліянія на умы въ Европѣ и между прочимъ воздѣйствовала на возникновеніе и у насъ въ Россіи Польскаго мятежа, о которомъ мы еще будемъ говорить въ свое время. Еще пагубнѣе по дѣйствовала на умы февральская революція 1848 года. Въ 1830 году оставалась хотя тѣнь единоличной власти въ лицѣ конституціоннаго короля; а въ 1848 г. прямо установилась республика, со всѣми вредными проявленіями и дѣйствіями многоначалія и въ то же время безвластія, и продолжалась почти четыре года. Благодаря февральской революціи 1848 г. революціонныя вспышки быстро распространились и по всей западной Европѣ. Такъ уже въ мартъ того же года революціоннаго характера безпокойства проявились въ Гамбургѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ, Цармѣ и др. и потребовали вооруженнаго вмѣшательства со стороны мѣстныхъ правительствъ. Затѣмъ, вслѣдствіе волненій такого же характера въ Мюнхенѣ, король Баварскій отказался отъ короны въ пользу сына своего Максимилиана II. Шлезвигъ-Гольштейнъ отложился отъ Давіи и учредилъ у себя времен-

ное правительство. Въ Палермо торжественно открытъ былъ парламентъ, и т. д. Но особенно потерпѣла въ этомъ отношеніи Австрія, составленная изъ разноплеменныхъ народовъ. Ломбардо-Венеціанскіе города возмутились противъ Австріи. Въ Краковѣ также произошелъ мятежъ, едва прекращенный послѣ жестокаго боя между мятежниками и австрійскими войсками. Кровавый бунтъ въ Прагѣ усмирень былъ также только послѣ сильнаго бомбардированія города. Но болѣе широкіе размѣры приняло и болѣе опасныя послѣдствія имѣло возстаніе въ Венгріи. По поводу мѣстныхъ и племенныхъ споровъ и притязаній возникли непріятности между венграми и крoатами. Интересы первыхъ защищаль главный венгерскій министръ графъ Баттіани, а права вторыхъ—банъ Іелашичъ, на сторонѣ котораго были и императорскія австрійскія войска. Австрійское правительство утвердило основанныя на законахъ справедливости предложенія крoатовъ. Это-то обстоятельство и послужило поводомъ къ возстанію венгровъ противъ австрійцевъ. Мелкія стычки между войсками венгерскими, бывшими въ числѣ 40 тысячъ, и австрійскими, усиленными крoатскими войсками бана Іелашича, вскорѣ перешли въ настоящую войну. Въ концѣ сентября 1848 года вспыхнулъ мятежъ въ самой Вѣнѣ. И между тѣмъ какъ банъ Іелашичъ занялъ Пештъ и Пресбургъ, венгры двинулись къ самой столицѣ Австріи—Вѣнѣ, гдѣ императорскихъ войскъ было всего только 15 тысячъ. Положеніе было критическое; и только по прибытіи Іелашича съ его войсками столица была освобождена отъ мятежниковъ, и послѣдніе были оттѣснены на правый берегъ Дуная. Тѣмъ не менѣе, въ виду этого печальнаго положенія дѣль императоръ Фердинандъ V отказался отъ престола въ пользу племянника своего Франца-Иосифа, который нашелся вынужденнымъ обѣщать расширеніе правъ венгерской націи въ различныхъ отношеніяхъ. Но отступивъ отъ столицы австрійской имперіи, венгры вовсе не отступили отъ своихъ плановъ, болѣе широкихъ, чѣмъ то обѣщано имъ было новымъ императоромъ, и успившись новыми подкрѣпленіями, имѣя такимъ образомъ всего войска свыше 50 тысячъ человекъ съ 150 орудіями, они представляли со-

бою такую сплу, съ которою вскорѣ не оказались въ возможности бороться успѣшно и сами правительственныя войска, общая численность которыхъ едва лишь немногимъ превышала ту же цыфру, если бы весною 1849 года не прибыли на помощь къ нимъ, по просьбѣ императора австрійскаго, русскія войска. Императоръ Николай, основныя политическія убѣжденія котораго намъ извѣстны, само собою разумѣется, никогда не могъ сочувствовать революціоннымъ движеніямъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ они ни проявлялись. Только монархическій неограниченный образъ правленія считалъ онъ вполне законнымъ и правильнымъ. А потому не только республиканскій, но и конституціонный образъ правленія не былъ ему по душѣ. «Въ глазахъ Императора Николая король *волею народа* не былъ равноправнымъ членомъ семьи государей *Божіею милостію*» ¹⁾. И этимъ-то объясняется его постоянное нерасположеніе къ Франціи съ тѣхъ поръ какъ въ 1830 году въ ней покончился возстановленный было послѣ войны 1813 года монархическій образъ правленія ²⁾. Само собою разумѣется, тѣмъ меньше расположеніе его могли заслужить революціонныя движенія, произведенныя Франціею. И такъ какъ представлялось возможнымъ, что такія движенія проникнуть и въ Россію, то Государь Императоръ, въ самомъ началѣ революціонныхъ движеній западно-европейскихъ, именно 14 марта 1848 года издалъ манифестъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ, имѣя въ виду какъ широкое распространеніе мятежа по западной Европѣ, такъ и въ особенности слухи о смутахъ, угрожавшихъ будто-бы и Россіи: «да не будетъ такъ! По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ въ помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будемъ, въ неразрывномъ союзѣ съ *Святою Нашею Русью*, защищать честь имени Русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ. Мы удостовѣрены, что вся-

¹⁾ Татищевъ, «Николай I и іюльская монархія» въ *Историч. Вѣстн.* 1887, № 11, стр. 286.

²⁾ Тамъ-же стр. 285 и дал.

кій Русскій, всякій вѣрнопопданный нашъ отвѣтитъ радостно на призывъ своего Государя; что древній нашъ возгласъ: за Вѣру, Царя и Отечество, и нынѣ предрекаетъ намъ путь къ побѣдѣ: и тогда въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святаго на Него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ: *Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь: Яко съ нами Богъ!*"¹⁾ Вслѣдствіе такого твердаго рѣшенія Императора—не допускать съ запада въ Россію стихій, могущихъ служить заразою революціонною, войска наши были поставлены на военную ногу, учреждены особы резервы и въ весьма значительномъ количествѣ двинуты къ западнымъ предѣламъ Россіи. И эта мѣра оказалась весьма благоразумною и благовременною. Въ началѣ марта 1849 года австрійское правительство, истощенное въ борьбѣ съ возставшими венгерцами, обратилось къ Государю Императору Всероссійскому съ просьбою о военной помощи. Государь Императоръ обѣщалъ помощь, но лишь на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы способъ и мѣра этой помощи были опредѣлены Его Величествомъ и 2) чтобы русскія войска дѣйствовали отдѣльно отъ австрійскихъ. Правительство австрійское приняло эти условія и снова повторило свою просьбу о помощи въ апрѣлѣ. Тогда началась такъ называемая венгерская кампанія. Центромъ русской арміи, общая численность которой доходила до 190,000 человекъ при 500 орудій, назначена была Галиція и главнокомандующимъ назначенъ фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій. Противъ Трансильваніи долженъ былъ дѣйствовать генералъ Лидерсъ; а генералъ Паниютинъ долженъ былъ отправиться къ Пресбургу для соединенія съ австрійскою арміею; наконецъ задача генерала Засса состояла въ томъ, чтобы отвлекать венгровъ отъ преслѣдованія австрійскихъ войскъ. 5 мая Государь Императоръ прибылъ въ Варшаву для свиданія съ Императоромъ австрійскимъ, а потомъ самъ повелъ войска до границъ Венгріи и затѣмъ передалъ ихъ своему сыну,

¹⁾ Полн. Собр. Законовъ Росс. Имперіи. Собр. второе. Т. XXIII отд. 1, № 22087, стр. 182.

Великому Князю Константину Николаевичу, котораго оставилъ вмѣсто себя при арміи для ободренія послѣдней въ ея дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ. Не смотря на то, что число войскъ у мятежныхъ венгровъ теперь доходило до 200,000 человекъ и 350 орудій, не смотря на то, что они предводимы были такими славными полководцами, какъ Гергей, Бемъ и др., наконецъ не смотря на ожесточенную борьбу мятежниковъ съ правительственными и русскими войсками, благодаря послѣднимъ, въ восемь недѣль венгерскій мятеж былъ усмирень. Послѣ многихъ пораженій, понесенныхъ мятежниками отъ русскихъ (и частію австрійскихъ) войскъ, они положили оружіе или разсѣялись. 1 августа Гергей или Георги, сдаваясь безусловно русскимъ войскамъ, писалъ графу Ридигеру: «дальнѣйшее кровопролитіе я признаю бесполезнымъ и для Венгрии пагубнымъ. Я безусловно слагаю оружіе предъ войсками Его Величества Императора Всероссийскаго, торжественно объявляя, что скорѣе подвергну весь мой корпусъ истребленію въ отчаянной битвѣ противъ сильнѣйшаго противника, чѣмъ рѣшусь безусловно сложить оружіе предъ австрійскими войсками»¹⁾. Такимъ же образомъ и другіе полководцы мятежныхъ венгерскихъ войскъ и крѣпости мало помалу сдавались войскамъ русскимъ, полагаясь на великодушіе послѣднихъ. Положило оружіе болѣе 80,000 мятежниковъ, сдано до 150 знаменъ и до 400 орудій (войсковыхъ и крѣпостныхъ). Русскія войска исполнили свой долгъ и покрыли себя новою славою. «Честь и слава вамъ,—возвѣщаль свою милость Государь Императоръ въ Высочайшемъ приказѣ арміямъ отъ 22 августа 1849 года,—честь и слава вашему побѣдоносному вождю. Вы себя, какъ и всегда, показали достойнымъ прозванія Всероссийскаго побѣдоноснаго воинства. Благодарю васъ всѣхъ и каждого; Я вами доволенъ, вами горжусь»²⁾. Эти слова возлюбленнаго Монарха были наилучшей наградой войскамъ за ихъ побѣдоносный подвигъ

¹⁾ Устрялова, *Русская Исторія*, II, 480. Спб. 1855.

²⁾ См. въ *Московскихъ Видомостяхъ* 1849 г.: № 106. Срав. Высочайшій манифестъ объ окончаніи венгерской кампаніи тамъ-же, № 104.

въ венгерскую кампанію. Тѣже слова и остальнымъ сынамъ Россіи должны были показать, какія чувства одушевляютъ Повелителя Россіи, какія заботы и мысли наполняютъ Его преданную благу отечества душу. Могли ли въ свою очередь и они относиться равнодушно къ событіямъ времени, къ которымъ Онъ относился такъ неравнодушно? Могъ ли въ частности Филаретъ, какъ истинный сынъ Россіи и духовный воевода сыновъ Россіи, опускать своимъ вниманіемъ и для ихъ вниманія эти событія? Еще прямо по возникновеніи февральской революціи 1848 года онъ писалъ намѣстнику Лавры архимандриту Антонію отъ 4 марта сего (1848) года: «что дѣлается во Франціи, теперь уже читаете въ вѣдомостяхъ. Съ одной стороны оправданія Господня явишася. Филиппъ ¹⁾ корону, повѣренную Карломъ для храненія, взялъ себѣ: и принужденъ отдать. Оттолкнулъ наслѣдника: и его наслѣдника оттолкнули. Мятежники 1830 года, пріятели Гизо, напали на министерскій домъ Полиньяка: мятежники 1848 года напали на министерскій домъ Гизо, тотъ же самый. Но за тѣмъ горе Франціи, и, вѣроятно, горе Европѣ! Господь да помилуетъ Россію» ²⁾. И подлинно Господь помиловалъ Россію отъ революціи; но за то Европа, какъ мы уже знаемъ, много пострадала отъ революціи, начавшейся въ гнѣздилищѣ ея—Франціи. «Во Франціи,—потому писалъ отъ 14 іюня того-же 1848 года Филаретъ въ отеческое предостереженіе одному изъ сыновъ Россіи (А. Н. Муравьеву), собиравшемуся путешествовать по Европѣ, — видны двѣ партіи: худая и злая. Теперь на сѣдалищахъ власти держится болѣе худая; а злая старается ее столкнуть. Есть ли это не удастся, можетъ продолжиться въ Европѣ время, не безпокойнѣе нынѣшняго; а есть ли удастся, нынѣшній дымъ и смрадъ можетъ обратиться въ пожаръ, и на Вашу путническую милость въ Константинополь, въ Аѳонъ, въ Греціи могутъ упасть головы» ³⁾

1) Т. е. Лудовикъ-Филиппъ. Филаретъ вообще не любилъ, безъ крайней необходимости, употреблять словъ и именъ иностранныхъ.

2) *Письма Филар.* къ Аят. II, 391.

3) *Письма Фил.* къ А. Н. Мур. стр. 277.

Этотъ своеобразный нѣсколько, но мѣткій и вѣрный взглядъ на французскую революцію 1848 года и на ея отношеніе къ Россіи и Европѣ отражается и въ проповѣдяхъ нашего святителя. Съ особенною силою и обстоятельностью высказалъ и развилъ Филаретъ въ своемъ словѣ на день «восшествія на Всероссійскій Престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича», говоренномъ въ Чудовѣ монастырѣ 26 ноября 1848 года и сказанномъ на текстъ: *Боже, тѣснь нову воспою Тебѣ: во псалтири десятиструннымъ пою Тебѣ, дающему спасеніе царемъ* (Псал. 143, 9, 10). Въ этомъ словѣ проповѣдникъ, указавъ значеніе приведеннаго сейчасъ текста въ исторіи ветхозавѣтнаго народа Божія и обративъ особенное вниманіе на изъясненіе словъ: *тѣснь нову*, обращается къ своимъ слушателямъ съ слѣдующими словами: «и мы нынѣ, благодарственно вспоминая день, въ который Богъ *вознесъ избраннаго отъ людей своихъ*, даровалъ намъ Благочестивѣйшаго Самодержца нашего, не новую, а всегдашнюю приносимъ за него молитву: но при мысли о новыхъ событіяхъ, сердце исполняется новыми благодарными чувствованіями къ *дающему спасеніе* Царю.—Третіе десятилѣтіе вращая скипетръ огромнаго царства твердою рукою, много имѣлъ онъ царственныхъ опытовъ, много совершилъ подвиговъ, много, храанный и покровительствуемый Богомъ, преодолѣлъ трудностей: но еще поваго рода испытаніе Царскаго духа и мудрости представилъ совершившійся нынѣ годъ. Въ царствахъ болѣе или менѣе союзныхъ съ Россіею, и частію сосѣднихъ, у народовъ многочисленныхъ, образованныхъ, въ минуты дреманія правительствъ, изъ вертеповъ тайныхъ скопищъ, безнравственныхъ и безбожныхъ, внезапно исторгся вихрь мятежа и безначалія, который, колебля и разрушая порядокъ одного царства по другому, угрожалъ миру и безопасности всѣхъ народовъ Европы: а противъ державы Россійской особенно дышала яростію съ шумомъ и воплями, какъ противъ сильной и ревностной защитницы законной власти, порядка и мира. Здѣсь можно сказать съ Девворою: *велия испытанія сердца* (Суд. 5, 16)! И терпѣніе хранить было трудно, и дать свободу ревности неудобно. Оставаться въ бездѣйствіи было пе

безопасно, и могла чрезъ сіе увеличиться дерзость враговъ мира; но и дѣйствовать было не благовременно, и сіе могло доставить предлогъ ищущимъ случая воспламенить войну. *Велія испытанія сердца.* Но сердце Царево утвердилось во Господѣ, и не поколебалось отъ трудностей. Благочестивѣйшій Государь, съ обычною Ему откровенностію, сказалъ свое Царское слово Своему народу о тревожныхъ движеніяхъ за предѣлами Россіи, могущихъ приразиться и къ ея предѣламъ, и изъявилъ Свою волю, равно непоколебимую, какъ въ томъ, чтобы хранить миръ, такъ и въ томъ, чтобы отражать враговъ мира ¹⁾. Внутреннимъ движеніемъ военныхъ силъ къ угрожаемымъ предѣламъ, не выходя изъ мирнаго положенія, Онъ сталъ въ положеніе грозное: и такимъ образомъ нравственно подкрѣплялъ вѣрныхъ союзниковъ и друзей порядка и мира, и поражалъ издавеча дерзость мятежа и безначалія. Если нѣкоторые сосѣдніе Государи, которымъ безначаліе, даже не покрываясь личиною, противостало во всемъ своемъ безобразіи, съ самыми разрушительными усиліями, благонадежно и съ успѣхомъ противопоставили ему законную власть и силу: сему, безъ сомнѣнія, не мало споспѣшествовало то, что за ними стоитъ крѣпкій защитительный оплотъ единоначалія и всякой законной власти—Россія. Итакъ, не новое ли это, что Самодержецъ Россіи мановеніемъ скипетра дѣйствуетъ такъ сильно, какъ оружіемъ, не прерывая мира, побѣждаетъ одну изъ самыхъ враждебныхъ силъ, словомъ угашаетъ возгоравшуюся войну, величественнымъ молчаніемъ заграждаетъ огнедышація уста? И годъ тревогъ и ужасовъ для многихъ народовъ у насъ остался годомъ мира и спокойствія.— Боже, *тыся нову* воспѣваемъ Тебѣ, *дающему спасеніе* Царю! ²⁾ Но знаменитый витія нашъ не ограничился однимъ внѣшнимъ, такъ сказать изображеніемъ революціи, а проникъ зоркимъ умомъ своимъ и въ ея глубочайшія причины и внутреннюю сущность, приглашая и слушателей своихъ къ разсмотрѣнію сего послѣдняго. Такъ въ той же самой проповѣди, изъ ко-

1) Разумѣется манифестъ, слова котораго мы привели выше.

2) *Сочин. Филар. IV, 576—579.*

торой мы сейчасъ сдѣлали выдержку, онъ, задавая вопросъ о томъ, «какія обстоятельства возбуждали» Псалмопѣвца «къ новой пѣсни о спасеніи царей»,—и по обыкновенію весьма искусно подходя къ главному предмету, говоритъ: путь къ разрѣшенію сего вопроса мнѣ видится въ самомъ псалмѣ. Псалмопѣвецъ молитъ Бога: *избави мя отъ водъ многихъ, изъ руки сыновъ чуждыхъ, иже уста глаголаша суету, и десница ихъ десница неправды* (Псал. 143, 7, 8). И въ слѣдъ за симъ восклицаетъ: *Боже, тѣснь нову воспою Тебѣ,—дающему спасеніе царемъ*. Чтобы понять сей внезапный переходъ отъ скорбной молитвы къ торжественному восклицанію, необходимо предположить, что въ людяхъ, которыхъ уста глаголютъ суету, которыхъ десница есть десница неправды, онъ видитъ великую опасность не только для частныхъ людей, но и для царства; и потому избавленіе отъ такихъ людей признаетъ великимъ благодѣяніемъ Божиимъ, достойнымъ торжественной благодарности.—Что умноженіе людей, которыхъ десница есть десница неправды, вредно и опасно не только для людей въ частности, но и для общества, о томъ сомнѣнія не предвидится. Но неужели такъ же вредны и опасны и тѣ, *иже уста глаголютъ суету*? Многія ли уста такъ строги, что-бы никогда не глаголати суеты?—Чтобы разсуждать о семъ основательно, требуется не поверхностный взглядъ на суету. Соломонъ написалъ цѣлую книгу для изясненія суеты: но для сего довольно взять только начало и конецъ его книги. Въ началѣ ея сказано: *всяческая суета* (Еккл. 1, 2); а въ концѣ: *Бога бойся, и заповѣди Его храни*: яко сіе всякъ человѣкъ (12, 13). Соединивъ сіи мысли, находимъ, что, по ученію Соломона, все, возвышающее человѣка надъ суетою, заключается въ страхъ Божию и въ храненіи заповѣдей Божіихъ; и что, напротивъ того, внѣ страха Божія и храненія заповѣдей Божіихъ, все въ человѣкѣ есть суета. Итакъ, *уста, глаголющія суету*, которыхъ Псалмопѣвецъ боится, какъ потопа, означаютъ усиленное обнаруженіе образа мыслей, въ основаніи котораго нѣтъ благоговѣнія къ Богу и Его заповѣдямъ. *Избави мя*, говоритъ, *отъ водъ многихъ, изъ руки сыновъ чуждыхъ, иже уста глаголаша суету*. Мужа боговдохновеннаго, конеч-

но, нельзя подозрѣвать въ напрасномъ страхѣ, или въ мало-душїи. Если же указуемая имъ опасность отъ суеты дѣйстви-тельно извѣдана: то хорошо ли мы поступаемъ, если видимъ, слышимъ и, можетъ быть, себѣ позволяемъ суету безъ опасе-нія и осторожности? И въ наше время, и близъ насъ не умно-жаются ли уста, глаголющія суету, въ забвенїи Бога и Его заповѣдей? Не глаголютъ ли они часто свободно, обаятельно, въ бесѣдахъ, на зрѣлищахъ, въ книгахъ?—Дѣло суеты начи-нается тѣмъ, что уменьшается вниманіе къ Божественному и вкусъ къ духовному, и усиливается склонность къ чувстви-тельному; плѣняются изящнымъ, ищутъ прїятнаго, съ охлажде-ніемъ къ истинному и доброму; болѣе занимаютъ игрою стра-стей, нежели слушаютъ разсудка и нравственнаго чувства. Но какъ Божественное, духовное, истинное, доброе, безсмертно, и потому сродно безсмертной душѣ человѣческой, и доставляетъ ей постоянное услажденіе; а чувственное тлѣннѣе, и потому для безсмертной души неудовлетворительно; прїятное, не упро-ченное истиннымъ и добрымъ, есть мгновенно, и перестаетъ быть прїятнымъ при повторенїи и пресыщенїи, отъ чего рож-дается непрїятная жажда новаго; страсти, при ослабленїи воз-жей разсудка и нравственнаго чувства, легко превращаются въ бѣшеныхъ коней: то дѣло суеты, получивъ силу, не мо-жетъ остановиться на однѣхъ забавахъ, но, смотря по обсто-ятельствамъ, больше или меньше, скорѣе или медленнѣе, по-дается впередъ. Куда?—Это, къ сожалѣнію, слишкомъ оче-видно въ наше время у *сыновъ чуждыхъ*. Многочисленные у нихъ *уста, глаголющія суету*, сперва говорили суету прїят-ную, потомъ нескромную, потомъ соблазнительную, потомъ явно порочную, наконецъ возмутительную и разрушительную; взволновали умы: вызвали, поощрили, даже вновь образовали людей, *ихже десница—десница неправды*, и такимъ образомъ произошли, по выраженїю Псалмопѣвца, *воды многи*,—по-топъ зла, который подмываетъ основанія всякаго благоустрой-ства и благосостоянія общественнаго и частнаго..... Благодареніе Богу и покровительствуемому Имъ Благочестивѣйшему Государю, что мы охранены *отъ водъ многихъ*, и отъ *сыновъ чуждыхъ, ихже уста глаголютъ суету, и десници ихъ десници*

неправды!» Но къ сему витія добавляетъ заключительное наставленіе: «да сохраняемъ себя съ своей стороны достойными вышняго охраненія! Средство для сего, простое и вѣрное, то, которое предложилъ Соломонъ, и которое, какъ лучшее изъ наслѣдствъ, передали намъ наши предки: 1) *Бога бойся, и заповѣди Его храни: яко сіе всякъ человекъ*; въ семь достоинство, благо и блаженство, человекъ и человечества. Аминь». 2) Затѣмъ весьма мѣткую и вѣрную характеристику началъ революціи Филаретъ представилъ въ своемъ словѣ «на день тезоименитства Государя Императора Николая Павловича», говоренномъ въ Чудовѣ же монастырѣ 6 декабря того-же 1848 года на текстъ: *яже свыше премудрость, первое убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ блаихъ, несумнѣнна и нелицемѣрна* (Лук. 3,17). Развивая и раскрывая понятіе «о свойствахъ истинной премудрости» въ семь словѣ, святитель витія, между прочимъ, говоритъ: «Въ наше время у нѣкоторыхъ народовъ возникла новая мудрость, которая вѣковыми трудами государственной мудрости обработанная и усовершенствованная государственными установленіями находитъ не только требующими исправленія, но совсѣмъ негодными и хочетъ все переломать и перестроить. По огромности предпріятія можно подумать, что это должна быть огромная мудрость; и вотъ случай прельщенія. И такъ, можетъ быть, не излишне испытать сію новую мудрость на оселкѣ апостольскомъ. *Чиста* ли она?—Нѣтъ. Она совсѣмъ не говоритъ о благоговѣніи къ Богу, которое есть единственный источникъ чистоты, и потому не имѣетъ мысли о томъ, что христіанство называется чистотою. *Мирна* ли она?—Нѣтъ. Она живетъ и дышетъ распрями не только ея послѣдователей съ непослѣдователями, но и послѣдователей между собою. *Кротка* ли? Нѣтъ. Надмѣнна, и дерзновенна. *Благопокорлива* ли?—Нѣтъ. Мятежна. *Исполнена* ли *милости и плодовъ блаихъ*?—Нѣтъ: жестока и кровожадна. *Несу-*

1) Въ букваряхъ, азбукахъ, грамматикахъ и т. д., изстари вдушихъ отъ предковъ къ потомкамъ на Руси.

2) Соч. Филар. IV, 579—581.

мнѣнна ли?—Напротивъ, она ничего не произвела, кромѣ сомнѣній, подозрѣній, нареканій и недовѣренности. *Нелицемерна* ли?—Она перемѣняетъ личину за личиною, смотря потому, какою когда лучше прельстить можно. По сему какая это мудрость?—Очевидно не та, которая свыше. Какая же? Не беру на себя дать ей имя. Вашему проницанію и безпристрастію предоставляю выборъ изъ именъ, предложенныхъ Апостоломъ: *земна, душевна, бѣсовски*. ¹⁾ Кромѣ того, когда пламя февральской революціи распространилось по Европѣ, когда оно стало угрожать пожаромъ и Россіи, когда, какъ для предупрежденія сего пожара, такъ и на случай утушенія пламени, Императоръ Всероссійскій рѣшилъ издать вышеупомянутый манифестъ и двинуть свои войска къ предѣламъ Имперіи, смѣжнымъ съ областію революціонныхъ вспышекъ, тогда святитель-витія счелъ особенно нужнымъ выдвинуть въ своей проповѣди вопросъ о богоучрежденности наслѣдственной царской власти и о благопотребности ея для народа, вопреки мнѣніямъ революціонеровъ. Это онъ и дѣлаетъ въ своей замѣчательной проповѣди на день рожденія Государя Императора 25 іюня 1848 года, сказанной на текстъ: *клятсѣ Господь Давиду истинною, и не отвержется ея: отъ плода чрева твоего посажду на престолъ твоемъ* (Псал. 131, 11). Здѣсь витія, установивъ, на основаніи сего текста, вышеупомянутыя «коренныя положенія царскаго и государственнаго права», говоритъ: «не Россіянинъ, можетъ быть, спросилъ бы меня теперь; почему на постановленное Богомъ для одного народа, и на обѣщанное одному Царю, я смотрю, какъ на общій законъ для царей и народовъ? И я не затруднился бы отвѣтствовать: потому что законъ, истекшій отъ благости и премуудрости Божіей, безъ сомнѣнія, есть законъ совершенный; почему не предлагать для всѣхъ? Или ты думаешь избрѣсти законъ, который былъ-бы совершеннѣе, нежели законъ, истекшій отъ Божіей благости и премуудрости?—Отъ Россіянина могу ожидать инаго вопроса: къ чему трудъ удостовѣренія о Божественномъ учрежденіи и благотворности наслѣдствен-

¹⁾ Тамъ-же стр. 585.

ной царской власти? Сіе ученіе уже написано на сердцахъ Россіянъ.—Знаю, возлюбленные, и радуюсь. Но если и не нужно удостовѣрять о томъ, что есть въ сердцахъ, тѣмъ не меньше естественно бесѣдовать о томъ. Таковъ законъ слова, который признала сама Премудрость: *отъ избытка сердца уста глаголютъ* (Матѳ. 12, 34). Кромѣ сего, время теперь повторять себѣ и подтверждать самыя извѣстныя истины: потому что духъ времени не оставилъ ни одной истины, которую бы не покушался колебать, или словомъ, или на дѣлѣ.— Когда темнѣетъ на дворѣ: усиливаютъ свѣтъ въ домѣ. Береги, Россія, и возжигай сплѣнье твой домашній свѣтъ: потому что за предѣлами твоими, по слову пророческому, *тма покрываетъ землю, и мракъ на языки* (Ис. 60, 2) *Шаташася языцы, и людіе поумишася тщетнымъ* (Псал. 2, 1) Переставъ утверждать государственныя постановленія на словѣ и власти Того, Кѣмъ *царіе царствуютъ*, они уже не умѣли ни чтить, ни хранить царей. Престолы стали тамъ не тверды; народы объюродѣли. Не то, чтобы уже совсѣмъ не стало разумѣвающихъ: но дерзновенное безуміе взяло верхъ, и попираетъ малодушную мудрость, не укрѣпившую себя премудростію Божіею. Изъ мысли о народѣ выработали идолъ; и не хотятъ понять даже той очевидности, что для столь огромнаго идола не достанетъ никакихъ жертвъ. Мечтаютъ пожать миръ, когда сѣютъ мятежъ. Не возлюбивъ свободно повиноваться законной и благотворной власти Царя, принуждены раболѣпствовать предъ дикою силою своевольныхъ скопищъ. Такъ твердая земля превращается тамъ въ волнуемое море народовъ, которое частію поглощаетъ уже, частію грозитъ поглотить учрежденія, законы, порядокъ, общественное довѣріе, довольство, безопасность. Но благословенъ *Запрещающій морю* (Матѳ. 8, 26)! Для насъ еще слышенъ, въ событіяхъ, Его гласъ: *до сего доидеши, и не преидеши* (Іов. 38, 11). Крѣпкая благочестіемъ и самодержавіемъ Россія стоитъ твердо и спокойно, подобно каменной горѣ, у подножія которой *сокрушаются волны моря*. Она спокойна. потому что державная рука Помазанника Божія держитъ ея миръ; и сугубо спокойна, потому что это миръ не дремлющій, но бодрствующій съ оружіемъ противъ

ненавидящихъ мира.— *Съ нами Богъ!* да взываетъ каждый изъ насъ за едино съ Благочестивѣйшимъ Самодержцемъ нашимъ. 1) Съ нами Богъ благодатию православныхъ вѣры. Съ нами Богъ благодатнымъ даромъ благословеннаго наслѣдственнаго самодержавія. Да пребываемъ же и мы съ Богомъ, чистою вѣрою и достойною вѣры жизнію, непоколебимою вѣрностію къ богодарованному Царю и соотвѣтственнымъ единоначалію единомушіемъ!..... *Съ нами Богъ*, вѣрные Богу и Царю, Россіяне! Въ Богѣ наша крѣпость. Въ немъ надежда. Отъ Него миръ, и, если нужно будетъ, отъ Него побѣда. Аминь». 2) Когда-же въ мартѣ 1848 года Государь Императоръ Всероссійскій, уже склонившись на просьбу Императора Австрійскаго о помощи противъ возставшихъ венгровъ и рѣшившись выступить съ своими войсками за предѣлы Россіи, предварительно прибылъ въ Москву, чтобы, слѣдуя благому обычаю своихъ предковъ, принять благословеніе отъ Московскихъ святыхъ святителей на предстоящее важное дѣло и поклониться Московской святынѣ, тогда Филаретъ, встрѣчая его въ Успенскомъ соборѣ 27 марта и не имѣя еще въ виду рѣшительнаго повелѣнія Императора о началіи венгерской кампаніи, могъ Его привѣтствовать между прочимъ лишь слѣдующими словами: «во дни, не обильные миромъ, Твой народъ въ мирѣ: потому что надъ нимъ бодрствуетъ Твой самодержавный духъ» 3). Но вотъ 9 апрѣля назначенъ былъ молебенъ съ водоосвященіемъ въ Георгіевской залѣ только что возобновленнаго предъ тѣмъ Императорскаго кремлевскаго дворца, въ высочайшемъ присутствіи. Назначеніе молебна именно въ Георгіевской залѣ имѣло особый смыслъ вообще и въ частности по отношенію къ предстоявшей венгерской кампаніи. При семъ Филарету самъ Государь повелѣлъ сказать приличествующую случаю рѣчь въ наставленіе собраннымъ въ залѣ воинамъ и въ ободреніе ихъ къ предстоящему подвигу. И Филаретъ за молебномъ сказалъ такую рѣчь, взявъ

1) Слова манифеста, вышеупомянутаго.

2) *Сочин. Филар.* IV, 553—554. 555.

3) Тамъ-же, V, 11.

въ основаніе ея объясненіе названія залы дворца и окончивъ ее слѣдующимъ благожеланіемъ и затѣмъ молитвою: «Да поможетъ Богъ державной мудрости держать Россійское вѣнство въ такомъ, какъ нынѣ положеніи, чтобы одинъ грозный видъ его достаточенъ былъ отражать войну, и чтобы не было нужды поражать враговъ. Но если когда дерзость враговъ и царственное правосудіе вызовутъ васъ къ брани: вы вспомните тогда особенно сей чертогъ, и каждый полкъ, и каждый воинъ скажутъ единымъ сердцемъ: станемъ подвизаться такъ, чтобы Царь въ своемъ Георгіевскомъ чертогѣ веселымъ окомъ воззрѣлъ на имена полковъ нашихъ! Боже воинствъ небесныхъ и земныхъ, праведно подвизающихся для царствія земнаго и небеснаго! Твоею помощію побѣдившій враговъ пророкъ, не безъ Твоего мановенія поставилъ памятникъ побѣды, и нарекъ его *камнемъ помощи* (1 Цар. 7, 12). Благослови и здѣсь устрояемый царственный памятникъ,—памятникъ не только мужества и побѣдъ христолюбивыхъ русскихъ воиновъ, но Твоей помощи, которою они побѣдоносны и непобѣдимы. И благочестивѣйшему Царю нашему даруй утѣшеніе видѣть написуемыя здѣсь имена всегда свѣтлыми честію и добродѣтелию. Аминь» ¹⁾. Объ обстоятельствахъ произнесенія этой рѣчи самъ Филаретъ отъ того-же числа апрѣля писалъ намѣстнику Лавры Антоцію слѣдующее: «Сегодня былъ молебень въ Георгіевской залѣ для основанія памятника воинству, и, по повелѣнію Государя Императора, я долженъ былъ говорить. Случай былъ необыкновененъ, и не понятенъ. Однако, Государь милостиво слушалъ меня, и послѣ сказалъ мнѣ милостивое слово» ²⁾. При всемъ томъ лишь въ маѣ стало окончательно и оффиціально извѣстно рѣшеніе относительно венгерской кампаніи, и данъ былъ приказъ войскамъ о выступленіи въ походъ. «Я думалъ», писалъ Филаретъ тому-же

¹⁾ Тамъ-же, V, 14. Значеніе подробностей устройства Георгіевской залы дворца можно читать въ описаніи послѣдняго, помещенномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1849 г. № 41. Описаніе-же освященія этой залы см. въ № 47.

²⁾ *Письма Ф. къ Ант.* II, 472—473. По преданію, идущему отъ современниковъ, Государь Императоръ сказалъ воинамъ по окончаніи рѣчи: «вы должны благодарить святителя за его наставленіе», при чемъ самъ первый благодарилъ его.

Антоію отъ 9 мая, — «что дано намъ ближе увидѣть Государя Императора и его семейство, чтобы съ большимъ утѣшеніемъ молиться о нихъ, а оказывается, что и съ большею печалію. Государь уже путешествуетъ, и Государь Наслѣдникъ, и великій князь Константинъ Николаевичъ, вѣроятно, и Михаилъ Павловичъ выступаютъ съ своими командами. Всѣмъ разлука и забота. Господи, спаси Царя и Домъ его, и Россію» 1) Издавъ былъ манифестъ о началіи военныхъ дѣйствій противъ мятежныхъ венгровъ, призывавшій сыновъ Россіи къ молитвѣмъ объ успѣхахъ русскаго оружія 2). Согласно тому Филаретъ слово свое въ день рожденія Государя Императора 25 іюня того-же 1849 года, говоренное въ Успенскомъ соборѣ, такъ прямо и начинается: «Тогда какъ мы во внутреннемъ мирѣ отечества, подъ мврнымъ кровомъ дома Божія, соединенные мыслию о Царѣ своемъ, благословляемъ день, въ который намъ дарована Его жизнь, для блага нашего предназначенія, — въ такомъ-же ли мирѣ Онъ, зиждитель и охранитель нашего мира, предметъ нашихъ всеобщихъ молитвъ? И чѣмъ теперь занять духъ Его? Не устремляетъ-ли Онъ орлихъ, дальновидныхъ взоровъ, за предѣлы отечества, чтобы наблюдать движенія союзныхъ и враждебныхъ силъ, и, въ пользу однихъ и противъ другихъ, направлять нравственную и военную силу Россіи? Не обращаетъ-ли въ тоже время также неусыпныхъ, также пронизательныхъ взоровъ на свою Россію, которой внутреннія дѣла требуютъ Его мановеній и во время Его занятія дѣлами внѣшними? Не въ бореніи-ли Онъ съ влеченіемъ сердца къ своему августѣйшему семейству, послѣ того, какъ отвлеченъ отъ него попеченіемъ о безопасности своего все-россійскаго семейства, и о восстановленіи также и у другихъ, болѣе или менѣе союзныхъ народовъ, общественнаго устройства, если только не въ конецъ оно тамъ разстроено разрушителями всякаго законнаго общества, которые, конечно въ

1) Тамъ-же, стр. 479.

2) Это—манифестъ отъ 26 апрѣля 1849 года, ссылающійся на манифестъ отъ 14 марта 1848 года вышеприведенный. См. текстъ его въ *Полн. собр. зак. Р. И.* Собр. втор. т. XXIV отд. I, стр. 235 № 23200.

горькую шутку, называются *общественниками?*¹⁾ Если при сихъ помышленіяхъ, къ радости о Царѣ присоединяется забота: то тѣмъ паче должны мы благоговѣть и молиться. Сего требовалъ отъ насъ и самъ благочестивѣйшій Государь недавнимъ Царскимъ словомъ, изреченнымъ въ слухъ всѣхъ сыновъ Россіи. Молитесь, сказалъ Онъ, потому что скоро могутъ начаться дѣйствія брани. Если предвозвѣщеніе брани поразительно для любви къ человѣчеству, которая не желала бы пролитія и вражеской крови: то, вмѣстѣ съ симъ, въ призваніи, по случаю брани, къ молитвѣ находитъ утѣшеніе и торжество вѣры. Молитва вѣры должна пріобрѣсти Царю союзника и поборника—въ Царѣ небесномъ. Но вотъ что не должно при семъ остаться незамѣченнымъ особенно: и мы, не призванные въ воинскій станъ и безоружные, не совсѣмъ чужды участія въ войнѣ,—участія не только мысленнаго, но и дѣйствительнаго. Мы не участвуемъ въ дѣлѣ войны: однако болѣе или менѣе участвуемъ въ достиженіи болѣе или менѣе совершеннаго въ ней успѣха. Какъ это? Вникните, и увидите. Если для времени войны, по сему собственно случаю и предмету, требуется молитва: то конечно предполагается, что молитва для войны можетъ быть полезна. Но извѣстно, что не всякая молитва равно дѣйствительна. Итакъ, если наша молитва о подвизающихся на брани братіяхъ нашихъ единодушна, усердна, крѣпка, чиста, достойна: то она способна болѣе или менѣе споспѣшествовать имъ въ пріобрѣтеніи вѣрнѣйшаго залога побѣды, Божія благословенія и помощи. Такъ подвизаясь въ молитвѣ, мы становимся дѣйствительными духовными сподвижниками подвижниковъ брани. Но если наша о нихъ молитва не единодушна, не усердна, не крѣпка, не чиста, не достойна: то, по мѣрѣ сихъ недостатковъ, она будетъ лишена дѣйствія, и мы лишимъ подвизающихся за насъ братій нашихъ нѣкоторой доли споспѣшествованія, которую могли и должны были доставить имъ. Если-же и совсѣмъ уклоняемся отъ молитвы за нихъ: то уподобляемся малодушнымъ воинамъ, бѣгущимъ съ поля битвы, которые и мужественныхъ смуща-

¹⁾ *Соціалістами* (societas—общество).

ють и затрудняютъ. Говоря сіе, ни мало не уменьшаемъ значенія и самостоятельности естественныхъ силъ и способностей, ни важности воинскихъ дарованій, искусства, ревности. Отдадимъ справедливость вѣрности, благородству, искусству, мужеству нашихъ вождей и воиновъ; но если молитва, Божіе благословеніе и Божія помощь также не суть слова безъ значенія: то Церковь и народъ, молящіеся за воинство, суть не маловажный для воинства подкрѣпительный, а можетъ быть, предъ очами духа и предварающій къ побѣдѣ отрядъ, по силѣ и достоинству молитвы». И затѣмъ изъ слова Божія и примѣровъ священной исторіи показавъ истинность своихъ мыслей о силѣ молитвы и вѣры въ Бога для побѣды надъ врагами и о противоположномъ сему, прилагаетъ это и къ своему времени, говоря: «и въ наше время не присутствуемъ-ли мы при судѣ Божіемъ надъ нѣкоторыми народами? Не можемъ-ли примѣчать и то, какъ они привлекли сами на себя судъ?» И потому, говоритъ, «да подвизаемся въ молитвахъ о державѣ Благочестивѣйшаго Царя нашего и о побѣдѣ воинства Его; и да не лишимъ нашу молитву силы нерадѣніемъ, или маловѣріемъ, или недостойнствомъ жизни». А въ заключеніе, имѣя въ виду слова взятаго въ основаніе проповѣди текста: *аще быша людіе Мои послушали Мене, Израиль аще бы въ пути Моя ходилъ: ни о чесомъ же убо враги его смирилъ быхъ* (Псал. 80, 14, 15) витія какъ бы пророчески говоритъ: «Словеса Господни не мимо идутъ никогда: и потому тоже слово, которое было ветхому Израилю обличеніемъ прошедшаго, гласитъ новому Израилю, какъ наставленіе для настоящаго и обѣтованіе для будущаго: аще, людіе Божіи, слушаете Бога, аще, новый Израиль, въ пути его ходитъ будешь: *ни о чесомъ-же враги твоя смиритъ*, и содѣлаетъ тебя не только ихъ побѣдителемъ, но, какъ уже и было, даже избавителемъ ихъ отъ домашняго ихъ зла. Аминь». ¹⁾ Дѣйствительно, въ теченіе іюля и первыхъ чиселъ августа довершено было усмиреніе венгерскаго мятежа, какъ мы припомнимъ изъ раньше сказаннаго. И Филаретъ, зорко слѣдившій за событіями вен-

¹⁾ Соч. Фил. V, 15—20.

герской кампаніи, ¹⁾ въ царскій день 22 августа (день коронаціи) нашли возможнымъ сказать проповѣдь на тотъ-же текстъ, что и 25 іюня, и по сему начать ее такъ: «Сіи слова Божіей судьбы недавно, въ подобный нынѣшнему день, полагали мы въ основаніе размышленія, призывая васъ къ молитвѣ о помощи Божіей во брани. Къ тѣмъ-же словамъ имѣемъ причину возвратиться нынѣ. Богъ *смирилъ* враговъ нашихъ. Сказать ли: *смирилъ ни о чesомъ же?*—не рѣшаюсь. Наше воинство понесло трудъ долгихъ и трудныхъ путей. Боролось не только съ врагами, но и съ природою. Проникло сквозь ущелія горъ, которыя сколь легко было врагамъ преградить, какъ уже почти загражденныя природою, столь трудно было намъ сдѣлать проходимыми. Дало нѣсколько битвъ противъ враговъ, которые не имѣли недостатка ни въ войнахъ, ни въ предводителяхъ, ни въ оружіи, ни въ предприимчивости, словомъ, ни въ чемъ,—кромѣ справедливости и законности. Города, селенія, пути,—все надлежало воинству нашему оспаривать у оружія враговъ; а гдѣ они не полагались на свое оружіе, тамъ обращали убійственную руку на свою землю и свою собственность, чтобы опустошеніе и лишеніе обратить въ оружіе противъ насъ. Такъ, по ихъ расчетамъ, самая побѣда, которая вела-бы насъ внутрь ихъ земли, должна была вести къ неисходной пропасти. Но *сома не правда себѣ*: а правда не обманута. Богъ далъ свое покровительство законности и справедливости: и русское воинство превозмогло всѣ трудности; его вѣрность, мужество, непоколебимость надъ всѣмъ восторжествовали. Наконецъ, да не мимо идетъ слово Божіихъ судебъ: враги наши представляютъ и то, конечно, неожиданное для враговъ, явленіе, что они *смирены ни о чesомъ же*, принуждены безъ сраженія отдаться побѣдителямъ. Не знаемъ, начали-ль они понимать законность и справедливость: но видимъ, что изъ опытовъ настоящей войны они поняли, во-первыхъ, ненадежность своего противоборства, во-вторыхъ достоинство русскаго Царя и его воинства. Одна мысль о своей ненадежности могла-бы повести ихъ не къ покорности, но

¹⁾ Для сего см. *Письма Фил. къ Ан. Н. Мур.* стр. 307, 308, 310, 313.

къ дѣйствіямъ болѣе дерзкимъ и отчаяннымъ; но мысль о достоинствѣ русскаго Царя и его воинства вела и привела ихъ къ заключенію, что не мало чести заключается и въ томъ, чтобы признать себя побѣжденными русскимъ, а не инымъ воинствомъ, чтобы безусловно предать себя великодушію русскаго Царя. И такимъ образомъ главный между ними властитель и вождь ¹⁾, хотя имѣлъ еще сто сорокъ огнедышущихъ усть ²⁾, готовыхъ поддерживать его жажду брани и надежду военной славы, предпочелъ однако надежду мира, который безусловно покорностію могъ получить для себя и для своего народа отъ Самодержца Всероссійскаго. Привѣтствуемъ тебя, Богомъ вѣнчаный и помазанный Государь! Богъ благословитъ Твою ревность о защитѣ законности. Далъ доброе свидѣтельство Твоей правотѣ, хранящей союзные договоры не въ письмени, но на дѣлѣ. Твои всегдашнія попеченія о Твоемъ воинствѣ вновь оправданы. Безцарные пруги, опустошавшіе землю, удалены отъ Твоихъ предѣловъ. Мечта самодѣльнаго народодержавія, взволновавшая многіе народы, многихъ царей приведшая въ недоумѣніе, нѣкоторыхъ поколебавшая, нѣкоторыхъ даже низринувшая, обличена державною властію, сущою отъ Бога, и возвращается изъ неудачной дѣйствительности въ область мечтаний. Остается намъ желать и молить Бога, чтобы достойный конецъ увѣнчалъ достойное конца дѣло, чтобы побѣда законности распространилась всюду, гдѣ противъ нея была воздвигнута брань, чтобы благодарность за безкорыстную помощь утвердила союзниковъ Царя нашего въ союзнической вѣрности, въ которой онъ твердъ по правотѣ и великодушію, чтобы успокоиваемые подвигами его сосѣди представили ему единственное, какое могутъ, вознагражденіе, успокоеніе отъ подвиговъ, отвнѣ миръ, въ которомъ безпрепятственно можетъ сѣяться, возрастать и созрѣвать плодъ внутренняго

1) Т. е. Гѣргей или Георгій вышеупомянутый. Срав. *Письма Фил. къ Мур.* стр. 307—308.

2) Т. е. огнестрѣльныхъ орудій; а по дополнительнымъ свѣдѣніямъ Гѣргей при с. Шеллошь сдалъ русскимъ 144 орудія, 30 тысячъ человѣкъ и 8 тысячъ лошадей строевыхъ и упряжныхъ. См. особ. приб. къ № 99 «Моск. Вѣд.» 1849 г.

благоустройства и благосостоянія» 1). Далѣе вптїя дѣлаетъ примѣненіе сказаннаго къ слушателямъ и предлагаетъ нравственное имъ назиданіе 2). Эта проповѣдь или слово, которое, безъ сомнѣнія, не даромъ отъ современниковъ прозвано было «сильнымъ и краснорѣчивымъ» 3) вмѣстѣ съ проповѣдію на 25 іюня, тѣсно съ ней связанною и нами уже приведенною, въ виду важнаго политическаго значенія ихъ обѣихъ, была вытребована, чрезъ Московскаго генераль-губернатора графа А. А. Закревскаго, въ Петербургъ ко двору 4) и тамъ, конечно, прочитана съ вниманіемъ и интересомъ, равно какъ и съ полнымъ одобреніемъ направленія какъ той, такъ и другой, что ясно изъ послѣдующаго.

Ободренный вниманіемъ двора къ его проповѣдямъ отъ 25 іюня и 22 августа, святитель Московскій, послѣ заключенія мира, какъ желаннаго слѣдствія войны по усмиренію венгерскаго мятежа, нашель нужнымъ коснуться венгерской кампаніи и въ царскіе дни 20 ноября и 6 декабря того-же 1849 года, въ которые онъ говорилъ проповѣди. Именно въ проповѣди на первый изъ этихъ дней святитель живо характеризуетъ самыя побужденія къ венгерскому мятежу и свойства соображеній, руководившихъ мятежниками. Излагая въ ней, на основаніи текста: *Господне есть царствіе, и Той обладетъ языки* (Псал. 21, 29), ученіе о еократіи, какъ основѣ государственной жизни и государственнаго устройства и права, святитель—вптїя между прочимъ говоритъ: «Въ наше время многіе народы мало знаютъ отношеніе государства къ Царству Божію, и, что особенно странно и достойно сожалѣнія, мало сіе знаютъ народы христіанскіе,—мало знаютъ не потому, чтобы не могли знать, но потому, что не хотятъ знать; и глаголющіеся быти мудры между ими съ пренебреженіемъ отвергають дознанное и признанное древнею мудростію. Имъ

1) *Сочин. Фил.* V, 25—27.

2) Тамъ-же, 27—29.

3) См. *Московскія Вѣдомости* 1849 г. № 102.

4) О семъ читаемъ въ *письмахъ* самого Филарета къ Алексію, архіеписк. Твер. стр. 49, 51.

не нравится старинное построение государства на основаніи благословенія и закона Божія; они думаютъ гораздо лучше воздвигнуть зданіе человѣческаго общества въ новомъ вкусѣ, на песокъ народныхъ мнѣній, и поддерживать оное бурями безконечныхъ распрей. Ихъ новыя построенія никогда не достроиваются, каждый день угрожаютъ паденіемъ, часто дѣйствительно рушатся: однако новые столпотворители вавилонскіе, не смотря на смѣшеніе мыслей, худшее древняго смѣшенія языковъ, кажется не думаютъ еще отстать отъ своего столпотворенія. Въ такія времена, какъ особенно нужно, такъ и особенно должно быть пріятно намъ, братія, часто напоминать себѣ и крѣпко содержать оправданное судьбою отечества нашего, преданное намъ отъ предковъ, или, лучше сказать, отъ пророковъ, ученіе, что *владеетъ Вышній царствомъ человѣческимъ*; что *Господне есть царствіе, и Той обладаетъ языки* ¹⁾. А въ проповѣди на второй изъ упомянутыхъ царскихъ дней, сказанной по освященіи храма Св. Архистратига Михаила, при открытіи 2-го Московскаго Кадетскаго корпуса, на текстъ: *сія есть побѣда, побѣдившая міръ, въра нами* (1 Иоан. 5, 4), витія, избравъ темою ея, согласно тексту сему, ученіе о вѣрѣ, побѣждающей міръ, по связи мыслей касается послѣдствій побѣдоносной венгерской кампаніи. Онъ прямо и начинаетъ проповѣдь, въ виду текста, словами: «Россія обильна побѣдами и умѣющими стяжавать побѣды. Это говорятъ дѣла. Это знаетъ Вселенная. Но вотъ еще разсадникъ побѣдъ. Еще учрежденіе для образованія благородныхъ воиновъ. Еще новый военный станъ, только не подвижной, а неподвижный, не въ шатрахъ, а въ домѣ, нѣкогда Царскомъ ²⁾; и— среди новаго военнаго стана новый храмъ *Бога мира* (Евр. 13, 20).—О, Боже мира! Гдѣ же обѣщанное Тобою чрезъ пророка время, когда *раскутютъ мечи на орала, и копія на серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча* (Ис. 2,

¹⁾ Сочин. Филар. V, 39, 40.

²⁾ Это былъ нѣкогда такъ называемый Головинскій дворецъ. Въ немъ же теперь помѣщался и 1-й Кадетскій корпусъ. О семъ, какъ и о подробностяхъ освященія храма 2-го Кадетскаго корпуса см. въ *Москов. Вѣдом.* 1849 г. № 148.

4), слѣдственно и учиться военному искусству не нужно будетъ? Безъ сомнѣнія, есть такое звѣно въ многосложной цѣпи времени; ибо глаголь, отъ Тебя изшедшій, не возвратится къ Тебѣ тощъ. Но мы не довольно разумѣваемъ времена и лѣта, которыя Ты положилъ въ своей власти. *Грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда речеши миръ и на люди Твоя, на царства, на грады, на веси, на дупи: но миръ Твой и у Тебя Самого слѣдуетъ тому же закону, который Ты предписалъ ему для Твоихъ посланниковъ: *ище будутъ ту сыны мира, почиетъ на нихъ миръ Твой, ище ли же ни, къ Тебѣ возвращается* (Лук. 10, 6), въ ожиданіи сыновъ мира.—Слава Богу, миръ обитаетъ въ отечествѣ нашемъ! Благочестивѣйшій Самодержецъ блюдетъ его: и если недавно поднималъ оружіе, то на защиту мира; и, завоевавъ миръ союзному царству, а по связи происшествій, конечно и многимъ другимъ, не умедлилъ возвратиться въ свой внутренній миръ. Но при всемъ томъ похвалится ли наше время обиліемъ сыновъ мира? У многихъ народовъ, на которыхъ наречено имя Бога мира, не утраченъ ли миръ внутренній? И миръ взаимный не въ безпрерывной ли почти опасности? Не видѣли-ль мы, какъ пламя раздоровъ, мятежей, междоусобій обнимало города, переходило изъ города въ городъ, изъ царства въ царство; и если потушено, то не мелькаютъ ли еще изъ-подъ пепла искры?—Для такихъ временъ, самая любовь къ миру должна быть вооружена, чтобы охранять миръ: самые сыны мира имѣютъ нужду въ искусствѣ брани и во всякой готовности къ отраженію враговъ мира. Итакъ, благодареніе прозорливой попечительности Самодержца, не престающей усиливать средства общественной защиты и безопасности. Да придутъ мудрые наставники, да придутъ благородные юноши, одни—преподавать, другіе—изучать науку воинствъ, науку побѣждать враговъ Царя и Отечества, науку защищать Царя и Отечество¹⁾. А за тѣмъ дѣлаетъ искусный переходъ къ главной мысли проповѣди—о вѣрѣ, какъ первѣйшемъ условіи настоящей побѣды, именно*

1) Соч. Фил. V, 47—48.

черезъ сопоставленіе себя, какъ учителя науки о духовной брани, съ преподавателями военныхъ наукъ въ кадетскомъ корпусѣ. Въ концѣ же проповѣди обращается съ воззваніемъ къ Архистратигу Михайлу о молитвѣ за упокой души не за долго предъ тѣмъ почившаго великаго князя Михаила Павловича, завѣдывавшаго всѣми военно-учебными заведеніями, не внесеннымъ въ позднѣйшія изданія этой проповѣди ¹⁾.—Въ виду важности достигнутыхъ венгерскою кампаніею результатовъ, а равно и въ виду таившихся еще подъ пепломъ искръ революціи, произведшей венгерскій мятежъ, Филаретъ и въ слѣдующемъ 1850 году не переставалъ касаться этого предмета. Такъ именно въ бесѣдѣ на вторую недѣлю по 50-цѣ и въ день рожденія Государа Императора 25 іюня, случившійся въ томъ году въ сію недѣлю, нашъ проповѣдникъ, рассуждая, на основаніи Матѣ. 4, 19, о духовныхъ ловцахъ члвковъ, и приводя примѣры сего въ апостолахъ и въ равноапостольномъ Князѣ Владимірѣ, далѣе говоритъ: «да благословится и благочестивая ревность и благотворная власть нынѣ Божіею милостію царствующаго Самодержца нашего Николая Павловича, который не только въ своемъ царствіи распространенію и утвержденію царствія Христова споспѣшествуетъ, и благоуправленными ловцами новыя ловитвы Христу приноситъ, но и за предѣлами отечества, тамъ, гдѣ мятущіеся народы, расторгнувъ мрежу Христову, расторгли узы повиновенія и чловѣческой законной власти, къ возстановленію богоучрежденнаго порядка Богомъ призванный, дѣйствуетъ рукою крѣпкою и мышцею высокою» ²⁾. И наконецъ 9 сентября того же года, встрѣчая Государа Императора въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, Филаретъ въ рѣчи своей къ нему говорилъ между прочимъ: «великодушно и мужественно

¹⁾ Тамъ же, 48—52 и примѣч. на стр. 52. Срав. *Письма Филар. къ Алексію*, стр. 59; также—къ *Мурашевѣ* стр. 313 и—къ *Антонію II*, 496. Это упоминаніе о почившемъ Великомъ Князѣ, по свидѣтельству современниковъ, вызвало невольныя слезы въ предстоявшихъ и слушавшихъ проповѣдь, любившихъ его, какъ Отца. См. *Моск. Вѣд.* 1849 г. № 148.

²⁾ *Соч. Фил.* V, 84; срав. 180.

поддержавъ потрясенный престолъ Твоего союзника, чрезъ сіе самое Ты поддержалъ многіе престолы, законность, порядокъ, уваженіе къ вѣрѣ и правдѣ, словомъ, все, чѣмъ тверды царства, чѣмъ благоденствуютъ народы: ибо противу всего того возставали враги Тобою низложенные. Чѣмъ явственнѣе здѣсь знаменія, что Провидѣніе избрало Тебя охранительнымъ и благотворнымъ орудіемъ не только для Россіи, но и для другихъ странъ образованнаго міра, угрожаемаго въ своей образованности, тѣмъ съ большимъ дерзновеніемъ и надеждою мы молимъ Бога, да продлитъ и умножитъ свои благословенія на Тебѣ, и на Твоемъ Державномъ Домѣ, и на Твоей Россіи¹⁾. Такъ много, въ разное время, сказано было Филаретомъ съ церковной кафедры относительно одного въ сущности предмета—венгерской кампаніи, вызванной угрожающими миру народовъ революціонными движеніями. Но кто-же прочитавъ вышеприведенныя выдержки изъ проповѣдей Филарета по этому предмету, не согласится съ высказаннымъ въ началѣ 1883 года, по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія великаго святителя, мнѣніемъ о той неподражаемой особености витійства его, въ силу которой онъ умѣлъ при повторительной встрѣчѣ съ вопросомъ, уже прежде у него разсмотрѣннымъ, найти новыя стороны въ предметѣ, изложить предметъ въ совершенно иной формѣ съ одинаковою глубиной и силою мысли? Мы уже не говоримъ о томъ, какой живой интересъ все высказанное святителемъ Филаретомъ въ этихъ проповѣдяхъ имѣетъ и для нашего²⁾ времени, въ которое также еще не прекратилась революціонныя движенія, тамъ и сямъ, въ томъ или иномъ видѣ, съ такою или иною силою проявляющіяся. Совершенно другое, со стороны разнообразія предметовъ, представляла собою для проповѣднической дѣятельности Филарета вскорѣ за венгерскою кампаніею слѣдовавшая Крымская война, къ обзорѣнію которой мы теперь переходимъ.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

1) Тамъ-же стр. 525.

2) *Приб. къ Твор.* 1883, XXXI, 276.

ОЧЕРКЪ

СОВРЕМЕННОЙ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

(Окончаніе *).

Графъ Л. Н. Толстой въ 12 томѣ своихъ сочиненій причины спеціализаціи наукъ ищетъ въ пристрастіи къ закону раздѣленія труда, въ укоренившемся убѣжденіи, что только при раздѣленіи труда можно достигнуть значительныхъ успѣховъ въ немъ. Это объясненіе справедливо, но оно слишкомъ обще. Люди и прежде примѣняли законъ раздѣленія труда, хотя въ меньшей, нежели теперь, степени и слѣдовали этому закону полубезсознательно. Возникаетъ вопросъ, почему именно въ наше время этотъ законъ сталъ господствующимъ, и почему примѣненіе его получило такіе широкіе и даже ненормальные размѣры. На этотъ вопросъ графъ Л. Н. Толстой не отвѣчаетъ, частныхъ и конкретныхъ причинъ спеціализаціи занятій онъ не указываетъ. При выясненіи этихъ причинъ, мы будемъ имѣть въ виду собственно спеціализацію наукъ.

Первая причина спеціализаціи наукъ заключается въ усилившемся запросѣ на людей ученыхъ и въ модѣ на образованіе и ученость. Между тѣмъ какъ прежде на поприще науки выступали только люди, обладавшіе талантами и горячею любовію къ наукѣ, въ настоящее время въ средѣ ученыхъ есть такіе, которые не имѣютъ выдающихся природныхъ способностей, не получили солиднаго общаго образованія и занимаются наукой, какъ ремесломъ. Разумѣется, такіе ученые

*) См. ж. «Вѣра Разумъ» 1889 г. № 1.

имѣютъ настолько пронизательности, чтобы видѣть, что захватить науку пошпуре имъ не подъ силу, и вотъ они, оберегая свое ученое реноме, благоразумно избираютъ для своихъ занятій самый маленькій уголокъ науки и получаютъ названіе спеціалистовъ. Они открываютъ (иногда уже открытое прежде) и описываютъ факты, но не въ состояніи освѣтить ихъ идеей; накопляютъ такіе факты, однородные съ которыми уже были извѣстны прежде и которые поэтому ничего не прибавляютъ для уясненія законовъ и только загромождаютъ науку.

Загроможденіе наукъ фактами указываетъ на другую причину спеціализаціи знаній,—на владычество въ теперешней наукѣ эмпиризма. Современные ученые наибольшее, почти исключительное значеніе придаютъ накопленію и описанію фактовъ. Они не довѣряютъ умозрѣнію и враждебно относятся къ апріорнымъ построеніямъ въ наукѣ, которыя, дѣйствительно, часто бывали слишкомъ скороспѣлыми. Само собой понятно, что антипатія къ умозрѣнію вызвала безусловное довѣріе къ опыту, къ свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ, при чемъ забыли о томъ, что и внѣшнія чувства вводятъ людей въ заблужденія, что во всякомъ случаѣ они не больше, какъ низшіе, чернорабочіе органы познанія и что отъ обмановъ ихъ не всегда могутъ предохранить и самые утонченные инструменты. Стремленіе обобщить научныя данныя въ большинствѣ случаевъ считается теперь преждевременнымъ и бесплоднымъ. На знамени современной науки начертано: опытъ, а не умозрѣніе, факты, а не идеи, знаніе, а не сужденіе. Но наука шла-бы къ цѣли прямѣе и легче, если-бы эти слова были соединены союзомъ. Эмпирическое направленіе въ современной наукѣ, сдѣлавшее изъ нея сборникъ безчисленнаго и не упорядоченнаго множества фактовъ, не освѣщенныхъ идеями, раздробило науки на спеціальности, которыхъ становится тѣмъ больше, чѣмъ больше накопляется фактовъ и чѣмъ слабѣе послѣдніе связываются идеями. Огромная масса разрозненныхъ фактовъ такъ трудно поддается изученію, что въ настоящее время даже и талаптливые ученые вынуждены замыкаться въ сферѣ одной, много—двухъ спеціальностей.

Благодаря эмпирическому характеру современной науки, излишнему пристрастию къ изученію фактовъ и антипатіи многихъ ученыхъ къ умозрѣнію, нынѣшняя наука скудна идеями. Недостатокъ великихъ идей составляетъ новую причину дробности наукъ. Посвящая свои силы исключительно на изученіе фактовъ, ученые теряютъ вкусъ къ умозрѣнію и ослабляютъ способность творчества, въ которой и зарождаются идеи. Можно-ли ждать широкаго взгляда на вещи отъ человѣка, который всю жизнь изслѣдуетъ малѣйшую частичку мірозданія и не имѣетъ ни времени, ни охоты, чтобы опредѣлить отношеніе этой частицы ко всему мірозданію? Въ концѣ концовъ умъ его, привыкшій къ изслѣдованію частныхъ и къ узкому кругозору, теряетъ самую способность дѣлать широкія обобщенія. Безъ идей части науки остаются несвязанными, и она распадается на спеціальности. При подавляющей массѣ фактовъ всего нужнѣе идеи, но именно въ это-то время идеи и не являются, потому что умъ, подавленный гнетомъ этой массы, оказывается бессильнымъ создать ихъ, бесплоднымъ. Но безъ идей наука существовать не можетъ; притомъ самый порядокъ вещей всегда ограничиваетъ крайности и увлеченія, и человѣкъ въ своихъ увлеченіяхъ къ счастію не бываетъ послѣдователенъ. Вотъ почему и теперь, не смотря на пристрастіе къ эмпиризму, дѣлаются попытки обобщеній, зарождаются идеи, создаются теоріи. Но такъ какъ для громаднаго большинства теперешнихъ ученыхъ не подъ силу объять количество фактовъ достаточное для построенія на нихъ болѣе или менѣе прочной гипотезы, то они создаютъ гипотезы, основанныя на сближеніи немногихъ фактовъ. Каково значеніе такихъ гипотезъ и какаю ихъ постигаетъ судьба, это понятно; принятыя, да и то только одной партіей ученыхъ, нынѣ, онѣ утрачиваютъ свой вѣсъ завтра. Какъ-бы въ наказаніе за пренебреженіе къ идеямъ и излишнее пристрастіе къ фактамъ, нынѣ развилась склонность гипотезы выдавать за теоріи, мнѣнія за несомнѣнныя истины, предположеніямъ придавать значеніе фактической дѣйствительности. До чего теперешняя наука скудна великими идеями и до какой степени она нуждается въ нихъ, это видно изъ того, что законы Дарвиновой гипотезы примѣняются те-

перь къ объясненію чуть не всѣхъ явленій жизни, и колеблющійся свѣтъ этой гипотезы вносятъ чуть не во всѣ науки. Мы не хотимъ сказать, что теперь совсѣмъ не появляются надежныя гипотезы и не создаются теоріи, но даже наилучшія изъ нихъ имѣютъ то свойство, что онѣ обнимаютъ только небольшой кругъ явленій. Онѣ имѣютъ цѣну, но не могутъ воспрепятствовать дробленію наукъ, потому что не объединяютъ цѣлыхъ и большихъ группъ явленій. Есть идеи, но нѣтъ идей великихъ; есть теоріи, но нѣтъ теорій широко-объемлющихъ. А при отсутствіи такихъ идей и такихъ теорій и при непрестанномъ возрастаніи фактическаго матеріала, науки не могутъ не дробиться все больше и больше. Напр., физика въ послѣднее время значительно обогатилась новыми фактами и гипотезами, открытъ даже новый законъ сохранения силы; но такъ какъ не появилось теоріи, которая бы объединила всѣ физическія силы, то эта наука по прежнему распадается на нѣсколько не связанныхъ между собою отдѣловъ или отраслей и отличается отъ прежней физики только тѣмъ, что эти отдѣлы разрослись до такихъ размѣровъ, что получили значеніе какъ-бы самостоятельныхъ специальностей.

Къ счастью въ самое послѣднее время увлеченіе эмпиризмомъ начинаетъ ослабѣвать и замѣчается поворотъ къ умозрѣнію. Можно надѣяться, что это послѣднее, постепенно усиливаясь, выведетъ на свѣтъ такіе умы, которые съумѣютъ воспользоваться массой опытнаго матеріала, заготовленнаго въ послѣднее время во всѣхъ наукахъ и построить изъ него величественныя зданія. Тогда возможна будетъ болѣе твердая и правильная оцѣнка кропотливой работы современной науки, — работы муравьевъ, которая по результатамъ можетъ оказаться гигантской. Но не придавая значенія этимъ догадкамъ, которыя могутъ и не оправдаться, мы имѣемъ право утверждать, что эмпирическое направленіе современной науки, чрезвычайное умноженіе знаній и дробленіе наукъ — факты чрезвычайно сложные, которые, притомъ, находятся еще въ процессѣ своего развитія. и пока нельзя сказать, какіе послѣдуютъ окончательные результаты этого процесса. Поэтому, хотя и можно, и даже должно, обсуждать эти факты, но окон-

чательный судъ надъ ними произносить преждевременно. Во всякомъ случаѣ эти факты вызваны не искусственно, они вытекаютъ изъ самаго порядка вещей, который,—пусть даже онъ дурень,—слагался вѣками и составляетъ историческую необходимость. Поэтому мы и не рѣшаемся подсмѣиваться надъ фактомъ чрезвычайнаго умноженія наукъ, большею частію съ окончаніемъ «логія», какъ это дѣлаетъ графъ Л. Н. Толстой; и если мы описываемъ темныя стороны этого факта, то описываемъ то, что есть, и нисколько не желаемъ умалять ученыхъ заслугъ тѣхъ, которые къ наукѣ имѣютъ призваніе и трудятся на ея пользу добросовѣстно, будутъ ли они эмпирики, или спекулятивные мыслители, узкіе спеціалисты, или люди съ широкимъ образованіемъ. *Suum cuique!*

Переходимъ къ изъясненію послѣдней и самой важной причины чрезвычайнаго умноженія и знаній и наукъ въ настоящее время. Причина эта заключается въ томъ, что намъ досталось ученое наслѣдство, накопившееся въ теченіи тысячелѣтій, въ томъ, что никогда люди не имѣли такой легкой возможности и такихъ разнообразныхъ способовъ пользоваться этимъ наслѣдствомъ какъ теперь. Подъ наслѣдствомъ мы разумѣемъ всѣ утраченныя знанія и всѣ сохранившіяся мысли всѣхъ прежнихъ поколѣній всего человѣческаго рода, а легкими способами пользованія имъ мы считаемъ книгопечатаніе, удобные быстрые способы передвиженія и многое другое, чего мы коснулись раньше.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше, говоря вообще, развивалось и распространялось просвѣщеніе, расширились наблюденіе и опытъ, умножались знанія. Сообразно съ этимъ умножалось число наукъ и усиливалась спеціализація въ ихъ изученіи.

Во времена до-христіанскія почти каждый ученый зналъ всѣ тогдашнія науки; до такой степени наукъ было мало и столь онѣ были неразвиты и бѣдны матеріаломъ. Со времени Аристотеля, жившаго въ 4-мъ вѣкѣ до Р. Х., наукъ стало больше, и почти въ двухтысячелѣтній періодъ, протекшій отъ Аристотеля до Гутенберга, онѣ, хотя и туго, но все-таки росли и умножались. Въ этотъ періодъ явленіе христіанства бы-

ло неизмѣримо важнымъ событіемъ, которое въ высокой степени способствовало развитію и распространенію между народами просвѣщенія, умноженію знаній и наукъ. Не вдаваясь въ подробности, довольно сказать, что вмѣсто двухъ міровъ іудейскаго и языческаго, стало четыре, каждый съ своимъ міросозерцаніемъ: къ двумъ прежнимъ прибавились міръ христіанскій и міръ мусульманскій. Съ новыми религіями явились и новыя науки (народженію многихъ новыхъ наукъ въ особенности способствовали процессъ упорной многовѣковой борьбы между этими четырьмя мірами), затѣмъ на умноженіе знаній и наукъ благотворно повліяло распространеніе христіанства почти между всѣми народами, что, въ соединеніи съ принесенной христіанствомъ идеей братства народовъ, усилило обмѣнъ знаній между народами, а обмѣнъ знаній есть могучее средство для ихъ возрастанія. Наконецъ, и это самое главное, христіанство дало такой обильный свѣтъ своимъ ученіемъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, что понятія человѣка были преобразованы къ лучшему въ самомъ корнѣ, его испытующій умъ поставленъ на прямую дорогу и христіанская истина сообщила духу небывалый дотолѣ приливъ силъ. Зародился цѣлый большой кругъ наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ религію. Кромѣ того христіанство оказало благотворное и сильное вліяніе на развитіе и усовершенствованіе философіи, права исторіи. Появилось не существовавшее прежде раздѣленіе наукъ на духовныя и свѣтскія. Естествознаніе съ медициной, исторія, философія и богословіе, расширяя свои предѣлы, стали постепенно обособляться. Впрочемъ, образованіе продолжало быть энциклопедическимъ: для ученыхъ было обязательно знаніе такъ называемыхъ семи гуманитарныхъ наукъ и искусствъ, въ которыхъ совмѣщалась почти вся сумма тогдашняго вѣдѣнія; ученые, по крайней мѣрѣ даровитѣйшіе, были богословами и философами, имѣли свѣдѣнія въ естествознаніи и въ исторіи.

Изобрѣтеніемъ книгопечатанія начинается новая эра въ исторіи просвѣщенія и науки. Для распространенія просвѣщенія и прогресса наукъ оно сдѣлалось такимъ же могущественнымъ двигателемъ, какимъ въ древнѣйшія времена было

изобрѣтеніе письменности. Распространеніе просвѣщенія, умноженіе знаній и усовершенствованіе наукъ пошли чрезвычайно быстро и въ широкихъ размѣрахъ, такъ что новое время въ этомъ отношеніи далеко опередило самыя блестящія эпохи въ исторіи просвѣщенія.

Одновременно съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія въ эпоху возрожденія возгорѣлась съ новой силой любовь къ наукамъ, искусствамъ, началось изученіе классическаго міра, возникла филологія. Въ слѣдъ за этимъ реформація усилила критику и дала новый толчекъ развитію богословія и другихъ наукъ. Между тѣмъ заблестала цѣлая плеяда гениальныхъ мыслителей и великихъ ученыхъ. Одни изъ нихъ указали новые методы для мышленія и научнаго изслѣдованія, или усовершенствовали прежніе; таковы: Бэконъ, Локкъ, Декартъ, Лейбницъ. Другіе сдѣлали великія открытія въ естествознаніи и положили начало новымъ наукамъ: всѣмъ извѣстны имена Коперника и Ньютона, Галилея и Кеплера. Третьи едва замѣтнымъ прежде отпрыскамъ естествознанія дали такое широкое развитіе, что могутъ считаться творцами новыхъ наукъ. Таковы: Бюффонъ, Линней, Лавуазье, Кювье; нельзя не упомянуть и объ Адамѣ Смитѣ, создавшемъ политическую экономію.

Въ это время, т. е. въ 16, 17 и 18-мъ вв. науки постепенно обособляются и распадаются на большія группы, каковы: богословіе, философія, естествознаніе съ математикой, медицина, исторія, юриспруденція; а филологія, соціологія и политическая экономія только еще зарождаются. Каждая изъ этихъ группъ становится уже настолько сложной и трудной для изученія, что богословъ изучаетъ и знаетъ только богословскія науки, естествовѣдъ—естественныя науки и т. д. Правда, Лейбницъ былъ философомъ, математикомъ и богословомъ, Локкъ—философомъ и врачомъ, Декартъ—философомъ и естествовѣдомъ; но это были исключенія. Притомъ, это составляетъ особенность знаменитыхъ философовъ, что они своимъ широкимъ умомъ обнимаютъ почти всѣ области знанія, хотя и не изучаютъ каждой науки въ частности; таковы: изъ древнихъ Аристотель, изъ новыхъ, кромѣ сейчасть упомянутыхъ, Кантъ и Гегель.

Но въ 16, 17 и 18 столѣтіяхъ были заложены только начала умноженія знаній и дробленія наукъ на спеціальности, а широкое развитіе эти начала получили въ послѣднія столѣтія.

Ножомъ критики и анализа въ богословіи начали пользоваться реформаторы и ихъ послѣдователи, а въ наукѣ вообще Бэкопъ, Декартъ и Юмъ; но никто не оттачивалъ его такъ остро и не рѣзалъ имъ такъ сильно, какъ Кантъ. Основная идея его философіи та, что вещь самое въ себѣ познать не возможно и что мы познаемъ только отдѣльные свойства вещи, явленія, познаемъ ихъ, какъ существующія въ пространствѣ и какъ слѣдующія одно за другимъ и одно изъ другаго во времени. Міръ, по такому взгляду, дробится на безграничное множество явленій или фактовъ, которые связаны только закономъ причинности и существованія въ пространствѣ и сосуществованія въ пространствѣ. Этотъ взглядъ нашель популярное выраженіе и широкое распространеніе въ такъ называемомъ позитивизмѣ, или положительной философіи. Позитивизмъ отрицаетъ возможность познать сверхчувственное бытіе, выбрасываетъ богословіе и метафизику изъ круга человѣческихъ знаній и ограничиваетъ ихъ сферой внутренняго и внѣшняго опыта: можно знать только явленія природы и переживаемые нами процессы жизни, факты и факты, внѣшніе и внутренніе, какъ нѣчто данное и положительное. Водворившійся недавно въ жизни и наукѣ матеріализмъ, допускающій существованіе только матеріи и силы, также направиль умы на изученіе силъ и явленій природы, т. е. фактовъ, какъ проявленій физическихъ силъ. Конттовское механическое міросозерцаніе, позитивизмъ и матеріализмъ дали эмпирическое направленіе наукѣ, внесли натурализмъ въ искусство и въ изящную литературу. Твердымъ, плодотворнымъ, настоящимъ знаніемъ стали считать только такое, которое основано на точномъ изученіи возможно большаго числа фактовъ; силы ума устремились на собраніе, описаніе и объясненіе фактовъ. Въ слѣдствіи такого направленія мысли фактовъ накопилось чрезвычайно много. Этому способствовало крайнее напряженіе умственной дѣятельности, которое никогда не доходило до та-

кихъ размѣровъ, какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Скоро рамки прежнихъ наукъ стали узки и тѣсны для накопившагося матеріала, и прежнія науки распались на множество частей, сдѣлавшихся самостоятельными спеціальностями, изъ которыхъ каждая готова выпустить изъ себя новые отпрыски, новыя науки. Наука, какъ скоро она сдѣлалась по преимуществу фактической, не можетъ не дробиться больше и больше. Кроме того, изошренный анализъ человѣческаго ума сталъ проникать въ тайны, которыя прежде или совсѣмъ были сокрыты, или не обращали на себя вниманія человѣка, каковы: предметы, сокрытыя въ нѣдрахъ земли, тайны, заключающіяся въ строеніи и въ развитіи языковъ, тончайшія ткани, животныя и растительныя и совершающіеся въ нихъ процессы, открытыя микроскопомъ простѣйшіе элементы. органическіе и неорганическіе и т. п. Изученіе этихъ предметовъ породило много новыхъ, неслыханныхъ прежде, наукъ.

Что касается до идеалистической философіи текущаго столѣтія, которая имѣла такихъ могучихъ представителей, какъ Шеллингъ и Гегель, то она только подлила масла въ огонь. Благодаря могущественному вліянію ихъ философіи на умы, всѣ силы духа устремились на интеллектуальную дѣятельность, и дѣятельность эта больше выразилась въ накопленіи знаній, нежели въ организаціи ихъ. Априорное построеніе наукъ изъ идеи, предпринятое Гегелемъ, оказалось неудачнымъ; понятное дѣло, что изъ менѣе сильныхъ умовъ никто не рѣшился повторить опыта, съ которымъ не справился геній отвлеченной мысли. Съ другой стороны, взглядъ Гегеля на міръ, какъ на процессъ діалектически, со ступени на ступень развивающейся, идеи, которая реализуется въ безграничномъ разнообразіи явленій и формъ жизни и бытія, не только не отклонялъ отъ изученія этихъ формъ, но и положительно склонялъ къ нему: его мысль объ абсолютной идеѣ, развивающейся въ мірѣ въ видѣ моментовъ, не удержалась, но за то привилась и распространился его взглядъ на міръ, какъ сложный и развивающійся извнутри себя процессъ. Наблюдать и объяснять мельчайшія подробности, безчисленные и едва замѣтныя движенія этого процесса и сдѣлалось главной задачей современ-

ной науки, которая, собирая мелочи, хочет создать изъ совокупности ихъ нѣчто великое. Въ то же время, благодаря эмпирическому характеру современной науки, никогда теоретическія знанія не получали такого широкаго приложенія къ жизни, какъ теперь; отсюда возникло множество наукъ практическихъ или прикладныхъ, прежде вовсе не существовавшихъ. Къстати замѣтимъ, что самъ Гегель, а равно и Шеллингъ были основателями нѣсколькихъ наукъ.

И такъ, благодаря многимъ обстоятельствамъ, въ особенности-же чрезвычайному умственному напряженію и эмпирическому направленію науки въ текущемъ столѣтіи, знаній, и притомъ фактически-дробныхъ знаній, накопилась такая безмѣрная масса, что науки теперь нужно считать не единицами и даже не десятками, а сотнями, чуть не тысячами.

Мы сдѣлаемъ краткій обзоръ главныхъ группъ современныхъ наукъ, не вдаваясь въ перечисленіе частныхъ специальностей.

Изъ старыхъ наукъ богословіе сначала раздѣлилось на нѣсколько большихъ группъ, каковы: богословіе пропедевтическое, систематическое, историческое, практическое. Но съ теченіемъ времени каждая изъ этихъ группъ развѣтвилась на нѣсколько наукъ, изъ которыхъ въ настоящее время каждая имѣетъ самостоятельное значеніе, обширную литературу и свои направленія. Теперь изучить всѣ богословскія науки съ достаточной полнотой и основательностію не подъ силу одному человѣку, какъ-бы ни былъ онъ талантливъ и трудолюбивъ.

Прежняя юриспруденція раздѣлилась теперь не меньше, какъ на двадцать специальностей, такъ что самый прилежный и способный студентъ въ теченіи четырехъ лѣтъ можетъ ознакомиться только съ верхами всѣхъ юридическихъ наукъ, а глубокое чисто научное изученіе хотя бы одной пятой доли ихъ и даже одной изъ числа главныхъ займетъ цѣлую не кратковременную жизнь.

Медицинскихъ наукъ стало такъ много, что даже такъ называемые «знаменитости» основательно знаютъ одинъ—два отдѣла медицины, такъ что не берутся даже и лѣчить болѣзни, не относящіяся къ ихъ специальности. обыкновенные-же вра-

чи даже и основныя медицинскія науки—анатомію, фізіологію и общую патологію знаютъ только практически и часто элементарно, а не ученымъ образомъ.

Въ вѣкъ возрожденія существовали только начатки філологіи, которые мало выросли въ теченіи и трехъ послѣдующихъ столѣтій, такъ что до настоящаго вѣка она почти не заслуживала и названія науки. Теперь, благодаря трудамъ В. Гумбольдта и въ особенности Боппа, подготовительнымъ трудамъ предшественниковъ Боппа и разработкѣ філологіи цѣлой плеядой послѣдующихъ лингвистовъ, языкованіе поставлено на твердыхъ научныхъ началахъ, получило широкое и быстрое развитіе, достигло блестящихъ результатовъ и заняло важное мѣсто въ ряду наукъ не только само по себѣ, но еще и потому, что въ короткое время оно оказывало важныя и совсѣмъ неожиданныя услуги другимъ наукамъ: исторіи, исторіи культуры, этнографіи, исторіи религій, антропологіи. Внутренній и внѣшній ростъ языкованія за послѣднія сто лѣтъ шелъ такъ быстро, что оно успѣло уже образовать изъ себя нѣсколько отдѣльныхъ наукъ.

Изъ естественныхъ наукъ до реформаціи издавна существовали только астрономія и нѣкоторые отдѣлы физики; механика, химія и естественная исторія были въ зародышѣ, а геологія и палеонтологія до конца прошлаго вѣка совсѣмъ не существовали; теперь-же естествознаніе, по количеству собраннаго матеріала и по множеству вопросовъ, уже поставленныхъ и вновь съ разныхъ сторонъ возникающихъ, представляетъ такую безграничную область, что серьезно мыслящій человѣкъ невольно сознаетъ свое ничтожество предъ необъятностію мірозданія, теряется въ необычайномъ разнообразіи изслѣдованныхъ предметовъ и съ робостію и нѣкоторымъ недовѣріемъ смотритъ на необъятную область того, что еще не изслѣдовано.

Задача понять планъ всего мірозданія и изучать его существенныя части хотя можетъ вдохновлять ученыхъ въ ихъ трудахъ самымъ величіемъ своимъ, но несамонадѣянные изъ нихъ сознаются, что удовлетворительное рѣшеніе этой задачи не только превышаетъ силы одного ума, хотя-бы и геніальнаго; но и совокупныя усилія людей всѣхъ временъ, прошед-

шихъ и будущихъ, не разрѣшать ея. Съ тягостнымъ сознаниемъ своего безсилія обнять цѣлое природы и всѣ ея части современный естествоиспытатель довольствуется тѣмъ, что избираетъ по вкусу для изученія маленькій уголокъ въ неизмѣримомъ зданіи міра и роется въ немъ, какъ кротъ въ норѣ; а тѣ изъ нихъ, которые осмѣливаются облетать своею мыслию весь необъятный лабиринтъ природы, отъ самихъ же собратьевъ своихъ получаютъ прозваніе верхоглядовъ и бесплодныхъ теоретиковъ. Поневолѣ число спеціальностей въ естествознаніи умножается.

Необъятна въ своихъ проявленіяхъ жизнь природы и пока мало поняты законы этой жизни: но еще разнообразнѣе и несравненно труднѣе для изученія и пониманія жизнь человѣческаго рода, — жизнь и бытъ многочисленныхъ племенъ и народовъ, жившихъ и теперь живущихъ на землѣ. Въ работахъ по исторіи въ однихъ случаяхъ подавляетъ масса матеріала, въ другихъ затрудняетъ скудость дошедшихъ памятниковъ и неувѣренность въ правдивости свидѣтельствъ; недавнее прошлое человѣческаго рода трудно уяснить вслѣдствіе необычайной сложности жизни и запутанности отношеній, а отдаленныя времена трудно изучить какъ по недостатку свѣдѣній, такъ и потому еще, что мы при оцѣнкѣ ихъ не можемъ отрѣшиться отъ современной намъ точки зрѣнія. Законы исторической жизни народовъ и всего человѣческаго рода почти вовсе не открыты и не установлены, а оттого вся безмѣрная масса историческаго матеріала представляетъ почти что одпѣ груды мусора, въ которыхъ матеріаль распределенъ чисто внѣшнимъ образомъ, по эпохамъ и народамъ. Правда, историческій матеріаль освѣщается нѣсколькими идеями, но онѣ даютъ свѣтъ неяркій и часто невѣрный, а философскія попытки представить всю исторію, какъ осуществленіе одной всеобъемлющей идеи, доселѣ не увѣнчались успѣхомъ. Жизнь человѣческихъ обществъ чрезвычайно сложна и потому представляетъ множество сторонъ для изученія ея.

Историкъ для спеціальнаго изученія по необходимости беретъ одну какую-либо сторону исторіи, или даже одну частичку стороны, а съ прочими частями исторіи онъ вынужденъ озна-

комитъся только поверхностно, а чаще опъ и совсѣмъ не знаетъ ихъ. Одинъ изъ нихъ изучаетъ историческую географію, другой посвящаетъ свою жизнь изученію исторіи своего роднаго народа, и опять тотъ ученый изучаетъ исторію быта своего народа, этотъ—исторію его религіи, иной исторію его права, или политическую исторію и т. д., тѣ работаютъ на поприщѣ всемірной политической исторіи, эти изслѣдуютъ военную исторію то новыхъ, то древнихъ народовъ, тотъ описываетъ подвиги великихъ людей, этотъ всю жизнь трудится надъ изученіемъ какого-нибудь великаго, имѣвшаго всемірное значеніе, событія; одинъ открываетъ и описываетъ историческіе памятники, другой подвергаетъ ихъ критикѣ, пишетъ цѣлую критическую исторію, одинъ хочетъ уловить и понять жизнь умершихъ и живущихъ народовъ по произведеніямъ пароднаго творчества и великихъ поэтовъ, другой обращается для этого къ историкамъ этихъ народовъ, одинъ слѣдитъ за внѣшнимъ ростомъ или упадкомъ народовъ, другой исключительное вниманіе обращаетъ на внутренній бытъ ихъ, на ихъ просвѣщеніе и вообще духовное развитіе; тотъ пишетъ фактическую исторію, этотъ, придавая фактамъ только второстепенное значеніе, смотритъ на нихъ, какъ на проявленіе идеи и старается прослѣдить развитіе этой идеи въ жизни народа или народовъ, а иной дѣлаетъ попытку всю всемірную исторію построить а priori, изъ одного принципа и создаетъ философію исторіи, иные историки всю жизнь изучаютъ религіи языческихъ народовъ и пишутъ исторію культовъ, другіе стремятся понять самый духъ языческихъ религій и пишутъ философію исторіи религій, особые историки изображаютъ судьбы религіи и жизнь еврейскаго народа и опять особые пишутъ исторію христіанской религіи, и эта исторія на столько сложна и обширна, что въ свою очередь распадается на нѣсколько спеціальныхъ наукъ. Всемірная исторія похожа на безбрежную равнину, размежеванную на множество нивъ. Немногіе ученые рѣшаются обозрѣть ее съ птичьяго полета; другіе, не полагаясь на свою дальноркость, съ птичьяго же полета рассматриваютъ и описываютъ только значительную часть ея. Но чѣмъ шире обозрѣваемое пространство, тѣмъ гуще ту-

манная дымка, скрывающая отъ наблюдателя отдаленнѣйшія окраины кругозора; тѣмъ болѣе ступшевываются и расплываются очертанія предметовъ; тѣмъ труднѣе съ должнымъ вниманіемъ разсмотрѣть и оцѣнить даже крупныя и ясно видимыя предметы—такъ ихъ много и столь они разнообразны—тѣмъ легче и неизбѣжнѣе опустить изъ виду или неправильно оцѣнить много важныхъ предметовъ, а о частностяхъ и говорить нечего; тѣмъ легче признать ложь за истину, истину за ложь, мелочное счесть важнымъ, важное—ничтожнымъ; не только стебли и кусты, но и цѣлыя поля этой обширнѣйшей равнины останутся не замѣченными и не изслѣдованными. И чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ шире раздвигаются границы этой равнины, тѣмъ труднѣе ставовится обработка ея. Поэтому современные историки обыкновенно берутъ одну, двѣ, или даже частичку одной изъ числа многочисленныхъ нивъ для ученой кропотливой обработки. Роясь въ своемъ уголкѣ, они, понятно, приобрѣтаютъ нѣкоторое знакомство и со смежными нивами. Но болѣе удаленныя отъ мѣста ихъ постоянной работы области исторіи остаются имъ не извѣстными; не успѣваютъ они изучать ихъ основательно даже и въ томъ случаѣ, если они отъ времени до времени дѣлаютъ въ нихъ ученые экскурсіи. Такимъ-то образомъ чрезвычайное умноженіе историческаго матеріала и расширеніе историческаго горизонта раздробили исторію на множество спеціальностей, какъ это случилось и въ другихъ сферахъ науки.

Изъ такихъ отраслей всемірной исторіи, получившихъ значеніе самостоятельныхъ наукъ, въ недавнее время возбудила особенное вниманіе ученыхъ и общества и стала быстро расти и развиваться археологія. Не прошло и столѣтія съ того времени, какъ эта отрасль знаній стала заслуживать имя науки и еще короче періодъ ея самостоятельнаго и обособленнаго отъ исторіи существованія, а между тѣмъ она уже сама распалась на нѣсколько отраслей, каковы: археологія до-историческая и историческая, церковная, библейская.

Не менѣе заинтересовала ученыхъ и стала быстро расти наука о религіяхъ. Только въ настоящемъ столѣтіи ученые миссіонеры и путешественники обратили особенное вниманіе

на языческія религіи, почти только со времени Шеллинга и Гегеля изученіе мѳологіи, культовъ и натуральныхъ религій породило двѣ новыя науки: философію религій и исторію ихъ; а между тѣмъ уже и теперь литература этихъ наукъ, особенно послѣдней, до того обширна и растетъ такъ быстро, что немислимо браться за изученіе всѣхъ религій; и это теперь, когда о многихъ племенахъ земнаго шара мы имѣемъ поверхностныя и крайне скудныя свѣдѣнія, когда только еще начали раскапывать и изучать религіозныя памятники древнихъ народовъ и переводить ихъ священныя книги на европейскіе языки.

Въ послѣднее время стала выдѣляться изъ общей исторіи и обратила на себя особенное вниманіе ученыхъ социологія, но одна изъ отраслей этой сложной, трудной и пока еще не опредѣлившейся науки—политическая экономія была основана еще Адамомъ Смитомъ.

Мы не будемъ затѣмъ говорить о библейской и церковной исторіи, объ исторіи философіи, исторіи литературъ, исторіи искусствъ и исторіи другихъ сторонъ и проявленій жизни личной, общественной, народной, государственной и международной: довольно напомнить объ нихъ, что нѣкоторыя изъ этихъ видовъ исторіи уже давно существуютъ, какъ самостоятельныя, сложныя и развѣтвленныя отрасли всемірной исторіи. Но большая часть спеціальныхъ отраслей исторіи развились въ текущемъ столѣтіи, когда накопленіе ученаго матеріала достигло небывалыхъ размѣровъ, когда дробленіе наукъ и спеціализація въ научныхъ работахъ возрасли до крайней степени, когда наконецъ возникло столько новыхъ наукъ.

Мы отмѣтили наиболѣе характерныя, по нашему мнѣнію, черты современнаго умственнаго строя и показали общее отличіе современной учености отъ учености прежнихъ временъ. Сознаемся, что мы больше обратили вниманія на худшія стороны современнаго просвѣщенія; но это не значитъ, что мы не признаемъ и недостаточно цѣнимъ его достоинствъ. Наша общая оцѣнка духовнаго прогресса теперешней эпохи вкратцѣ слѣдующая.

Духовная жизнь нашего времени во многихъ отношеніяхъ

оригинальна и благодаря этому наша эпоха выдвигается изъ ряда прочихъ эпохъ; необычайно широкое распространеніе просвѣщенія, многія сдѣланныя великія открытія и изобрѣтенія, собранія огромныхъ массъ научнаго матеріала, большіе успѣхи въ изученіи природы и въ пользованіи ея силами, широкое примѣненіе науки къ жизни и многое другое даютъ право нашему времени стоять на ряду съ самыми блестящими и великими эпохами всемірной исторіи; мнѣніе, будто наше время хуже «добраго стараго времени», несправедливо: думающіе такъ, если-бы они жили въ 17 или 18 вѣкѣ, были-бы недовольны своимъ временемъ и предпочли-бы ему раннѣйшія эпохи и т. д. и стремленіе возстановить старый укладъ жизни и замѣнить имъ теперешній есть несбыточная мечта; каждая эпоха живетъ своею жизнію, имѣетъ свои добрыя и дурныя стороны, выполняетъ извѣстную задачу, завѣщанную предъидущими вѣками, дѣлаетъ свое дѣло и имѣетъ значеніе, то большее, то меньшее, въ цѣлой жизни человѣческаго рода. Но не будучи пессимистомъ въ оцѣнкѣ духовной жизни нашего времени, мы не желаемъ быть и оптимистомъ: признавая высокія достоинства въ современномъ умственномъ движеніи, мы не желаемъ преувеличивать ихъ, или скрывать крупныя недостатки его. Еще такъ недавно слышались только похвалы современному прогрессу и повальное порицаніе унаслѣдованныхъ отъ древности преданій и порядковъ, ожидали отъ современной науки необъятныхъ результатовъ и питали надежды на ея безостановочно быстрое и безграничное развитіе, горделиво мечтали посредствомъ нея завоевать, такъ сказать, небо и устроить на землѣ рай. Но это было самообольщеніе, какъ результатъ необычайнаго порыва духа опьяненнаго успѣхами, достигнутыми посредствомъ этого юношескаго порыва, и вмѣстѣ какъ свидѣтельство объ односторонности современнаго прогресса и узкости кругозора его ревностныхъ поклонниковъ. Скоро обнаружилась обманчивость мечтаній и преувеличенность надеждъ; скоро вмѣстѣ съ сладкими плодами современной цивилизаціи появились горькіе и ядовитые; за напряженіемъ духа послѣдовало ослабленіе его, утомленіе жизнію и разочарованіе, ярко выразившееся въ

пессимистической философіи, въ умноженіи самоубійствъ и умопомѣшательствъ. Теперь настало время отрезвленія, и мы не только не слышимъ прежнихъ восторженныхъ похвалъ современному прогрессу, но слышимъ и явныя порицанія разныхъ дурныхъ сторонъ его. вмѣстѣ съ охлажденіемъ къ современности стало расти уваженіе къ старинѣ. Оно сказалось въ усилившейся въ послѣднее время модѣ праздновать юбилей лицъ, событій, учреждений; оно-же обнаружилось въ чрезвычайныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ недавнее время археологіей и всѣми вообще историческими науками, въ стремленіи отыскивать, сохранять, изучать и реставрировать вещественные и письменные памятники старины. Вообще, въ послѣднее время происходитъ, повидимому, переломъ въ умственной жизни образованныхъ народовъ.—Въ заключеніе нашего общаго взгляда на значеніе современнаго прогресса мы не можемъ не повторить того, что сказали въ началѣ,—именно, что въ настоящее время нельзя сдѣлать всестороннюю, объективную и строго научную оцѣнку его; потому что съ одной стороны, мы, находясь въ его круговоротѣ, не можемъ посмотреть на него издали и отнестись къ нему совершенно безпристрастно, а съ другой, онъ, какъ фаза историческаго развитія человѣчества, еще не закончился и не успѣли обнаружиться всѣ его хорошіе и дурные результаты, еще менѣе можно судить о томъ, какое значеніе будетъ онъ имѣть для послѣдующихъ эпохъ.

Что касается, въ частности, до эмпиризма въ наукѣ и реализма въ искусствахъ, то мы собственно вооружаемся противъ крайностей того и другаго направленія, противъ слѣпаго увлеченія ими и односторонности въ примѣненіи перваго къ наукѣ, втораго къ искусствамъ. Мы не можемъ не упрекать въ узкости и односторонности взгляда тѣхъ ученыхъ, которые, гордясь блестящими результатами, добытыми въ наукѣ посредствомъ опытнаго метода, одинъ этотъ методъ и считаютъ единственно научнымъ и только опытыя науки признаютъ дѣйствительными науками, а къ умозрѣнію относятся съ пренебреженіемъ и умозрительныя науки, какъ метафизику, богословіе и друг., вычеркиваютъ изъ числа наукъ, считаютъ

ихъ отжившими свой вѣкъ порожденіями прежнихъ невѣжественныхъ эпохъ. Мы заявляемъ, что одностороннее и чрезмѣрное увлеченіе эмпиризмомъ и реализмомъ вредитъ наукѣ, понижаетъ достоинство искусствъ, а чрезъ нихъ оказываетъ вредное вліяніе и на всю жизнь. Прежде это было не очень замѣтно; но въ настоящее время дурные плоды крайняго реализма въ искусствѣ и односторонняго эмпиризма въ наукѣ обнаружались такъ явно, что только самые ревностные сторонники того и другаго направленія не замѣчаютъ ихъ, или не хотятъ видѣть. Въ послѣдніе годы сталъ замѣтенъ поворотъ отъ реализма къ идеализму, отъ эмпиризма къ умозрѣнію. Но порицая пристрастіе къ реализму и эмпиризму и указывая дурныя послѣдствія этого пристрастія, мы вовсе не желаемъ умалять той пользы, которую можетъ принести наукѣ, искусству и жизни умѣренный реализмъ и опытный методъ, и не закрываемъ глазъ предъ огромными вкладами въ естественныя, а отчасти и въ гуманныя науки, которые въ наше время были пріобрѣтены широкимъ примѣненіемъ опытнаго метода, хотя это случилось и не безъ содѣйствія философіи и не безъ услугъ со стороны умозрѣнія, которыхъ, однакоже, многіе эмпирики и реалисты не хотятъ видѣть и признать. Прибавимъ къ этому, что эмпиризмъ современной науки не есть явленіе случайное: онъ порожденъ серьезными и давно дѣйствующими причинами. Излишнее пристрастіе къ опыту вызвано, прежде всего, разочарованіемъ въ пользѣ и пригодности для науки умозрѣнія, послѣ того, какъ умозрѣніемъ столько разъ злоупотребляли въ предъидущую эпоху; далѣе, оно питается наглядностію результатовъ, достигнутыхъ опытнымъ методомъ, которые, притомъ, оказались крупными и блестящими; наконецъ, оно поддерживается усталостію и слабостію мысли, которая утратила мощь, чтобы возноситься до высокыхъ созерцаній, и, рискуя не достигнуть ничего великаго и плодотворнаго въ умозрѣніи, обратилась къ опыту, который не требуетъ возвышеннаго ума и сильнаго напряженія его и обѣщаетъ успѣхи даже и посредственному мышленію. А если какое-либо явленіе произведено историческими причинами, а не произволомъ одного или многихъ лицъ, то

по тому самому его существованіе имѣеть смыслъ и какъ-бы оправдывается, и при оцѣнкѣ его цѣлесообразнѣе, правильнѣе и полезнѣе примѣнять исторически-реальную мѣрку, нежели смотрѣть на него съ отвлеченной и безусловной точки зрѣнія. При исторической точкѣ зрѣнія можно глубже и правильнѣе понять смыслъ явленія и легче парализовать дурныя стороны его и избѣгать дурныхъ результатовъ его. Въ настоящемъ случаѣ исторія наукъ даетъ намъ слѣдующія указанія. Умозрѣніе и опытъ должны восполнять другъ друга и взаимно уравнивать, чтобы парализовать недостатки, свойственные каждому изъ нихъ, и дѣлать болѣе цѣнными и плодотворными добываемые этими методами результаты. Опытъ даетъ умозрѣнію матеріаль и твердую почву, предохраняетъ мыслителя отъ увлеченій и заблужденій; умозрѣніе препятствуетъ эмпирику затеряться въ мелочахъ и drobныхъ фактахъ, проясняетъ, и расширяетъ его взглядъ, освѣщая пройденный путь и предугадывая направленіе будущаго пути; оно разрозненные факты приводитъ къ единству и посредствомъ гипотезъ и теорій изъ грудъ матеріала построетъ науку. Въ какой мѣрѣ нужно примѣнять умозрѣніе и опытъ, это въ каждомъ случаѣ опредѣляется свойствомъ науки и степенью ея развитія. Есть науки по самому существу своему умозрительныя, и есть науки эмпирическія; очевидно, въ первыхъ должно преобладать умозрѣніе, а во-вторыхъ—опытъ. Кромѣ того, во всѣхъ вообще наукахъ на низшихъ стадіяхъ ихъ развитія полезнѣе и долженъ быть больше примѣняемъ опытъ, а на высшихъ — умозрѣніе.

Чтобы отклонить недоразумѣнія, мы считаемъ нужнымъ дать разъясненіе касательно и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ нашей статьи,—касательно спеціализаціи въ разработкѣ науки, касательно чтенія и начитанности, касательно постановки учебнаго дѣла.

Нашъ общій взглядъ на спеціализацію въ разработкѣ и изученіи наукъ тотъ, что она есть зло, но зло неизбежное при настоящемъ состояніи наукъ. Чтобы по возможности ограничивать силу этого зла, нужно по крайней мѣрѣ не доводить спеціализаціи въ наукѣ до крайности. Умѣренная спеціали-

зачія, науки оправдывается неизбѣжностію ея при настоящемъ состояніи науки, да и сама по себѣ она полезна для науки; но спеціализація, доведенная до крайности, можетъ принести наукѣ больше зла, нежели пользы. И такъ какъ теперь спеціализація наукъ доведена до крайности, то всякій поворотъ отъ нея въ противоположную сторону, особенно если онъ будетъ вызванъ не искусственно, а самыми нуждами и состояніемъ науки, можно будетъ считать признакомъ прогресса науки, кризисомъ въ хорошую сторону. Поэтому мы не можемъ не привѣтствовать новаго устава Духовныхъ Академій, который уничтожилъ ненормальную и излишнюю спеціализацію въ изученіи богословскихъ наукъ, допущенную прежнимъ Уставомъ подъ давленіемъ духа времени.

Не можемъ также не замѣтить, что хотя спеціализація науки вызывается и отчасти оправдывается самымъ состояніемъ современной науки, но, съ другой стороны, неизбѣжность спеціализаціи свидѣтельствуетъ о ненормальности самаго положенія науки. Кромѣ того, она говоритъ о томъ, что чѣмъ дальше и больше растетъ наука, тѣмъ труднѣе становится пользоваться ею, овладѣвать ея сокровищами и расширять ея предѣлы, такъ что самый ростъ науки заключаетъ въ себѣ тормазъ для ея движенія впередъ. Выводъ отсюда тотъ, что прогрессъ человѣческаго рода имѣетъ предѣлы и что мечты о безконечномъ движеніи человечества впередъ въ цивилизаціи останутся мечтами. Еще болѣе ограничены предѣлы развитія индивидуальнаго разума.

Эта послѣдняя истина особенно ярко обнаруживается въ результатахъ такъ называемаго «ученія», какъ оно поставлено въ современныхъ школахъ. Безспорно, теперешнія школы лучше старинныхъ: теперь преподаютъ толковѣе, обучаютъ скорѣе и легче (особенно грамотѣ), съ учениками обращаются благороднѣе и человѣчнѣе, все вообще школьное дѣло ведется разумнѣе, цѣлесообразнѣе и находится въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, нежели прежде, педагогическіе приемы, ученія и учебныя пособія, весь школьный строй и обстановка теперь лучше прежнихъ. Это и понятно, если мы припомнимъ, что въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ было всеобщее

увлеченіе педагогикой; воспитаніе и школьное обученіе и образованіе считалось первымъ дѣломъ, разработкѣ котораго посвятили свои силы многіе талантливые люди. Но потому-то особенно и тяжело видѣть крупныя недостатки въ школьномъ дѣлѣ, что употреблены были всевозможныя усилія для усовершенствованія его, и было-бы странно умалчивать объ этихъ недостаткахъ и не заботиться объ устраненіи ихъ. Такъ гимназіи доводятъ до конца только самый незначительный процентъ вступившихъ въ нихъ учениковъ, а прочихъ выбрасываютъ изъ разныхъ классовъ своихъ. Посредственные и трудящіеся ученики бываютъ подавлены тяжестью учебнаго дѣла и выходятъ изъ школы съ разстроеннымъ здоровьемъ, съ надломленными силами, съ апатіей къ труду. Нынѣшніе педагоги часто забываютъ, что непосильный и односторонній трудъ не столько развиваетъ силы, сколько истощаетъ ихъ и притупляетъ, что одностороннее развитіе ума ослабляетъ силу характера ¹⁾. Въ нынѣшнихъ школахъ слишкомъ мало обращаютъ вниманія на индивидуальныя особенности учениковъ, не даютъ простора развитію ихъ, всѣхъ подгоняютъ подъ одну прямолинейную мѣрку, обезличиваютъ и парализуютъ оригинальность и самобытность.

Что касается до чтенія и начитанности, то достигаемое посредствомъ нихъ образованіе иногда не уступаетъ тому, которое пріобрѣтается школьнымъ ученіемъ; въ особенности начитанность полезна, какъ дополненіе послѣдняго. Но не часто ли бываетъ, что бессистемное чтеніе,—а такое всего чаще и практикуется,—болѣе ослабляетъ умъ, нежели просвѣщаетъ и укрѣпляетъ его. Что беллитристика низшаго разбора, которая для многихъ служитъ любимымъ чтеніемъ, развращаетъ воображеніе, не давая пищи ни уму, ни сердцу, что богословская начитанность людей, не получившихъ систематическаго образованія, ведетъ часто къ фанатизму, къ религіознымъ заблужденіямъ и сектантству, что начитанность всякаго рода иногда благопріятствуетъ развитію самомнѣнія и верхоглядства, можетъ ослаблять религіозныя убѣжденія, или

¹⁾ «Блѣдная мысль убила румяное слово» — вотъ яркая характеристика современныхъ школьниковъ и людей ученыхъ.

даже и совсѣмъ подрывать ихъ, можетъ даже отвлекать чело-вѣка отъ опредѣленной практической дѣятельности и сдѣлать бесполезнымъ членомъ общества. Вотъ эти-то и другія дурныя стороны начитанности мы имѣли въ виду. А наше время, когда книгъ много и стали онѣ общедоступны, когда, при томъ, въ писателяхъ понизилось уваженіе къ печатному слову и это послѣднее чаще, чѣмъ прежде, употребляется какъ орудіе для достиженія цѣлей своекорыстныхъ и ничего общаго съ просвѣщеніемъ не имѣющихъ,—особенно благопріятствуетъ тому, что начитанность становится орудіемъ обоюдоострымъ. Въ настоящее время даже и получившій школьное образова-ніе долженъ имѣть слишкомъ много здраваго смысла, критическаго такта, житейской опытности и познаній, чтобы онъ могъ изъ чтенія извлекать только хорошіе результаты; о не-образованныхъ начетчикахъ и говорить нечего.

Вообще нашъ очеркъ можетъ вызвать недоумѣніе въ чпта-телѣ нѣкоторою двойственностію проводимаго въ немъ взгляда на современное просвѣщеніе: съ одной стороны, мы признаемъ результаты современнаго умственнаго движенія великими и само это движеніе сильнымъ, а съ другой, мы нарочито выставляемъ напоказъ отрицательныя стороны его, а въ искусствахъ и литературѣ находимъ даже упадокъ. Но эта двойственность взгляда вполне отвѣчаетъ дѣйствительности. Движеніе мысли за послѣднее полу столѣтіе можно назвать силь-нымъ, но одностороннимъ, ростъ знаній—гигантскій, изобиліе произведеній научныхъ, литературныхъ и художественныхъ—чрезвычайное, но все это растетъ по преимуществу въ ширь, а не въ глубь и не въ высъ. Современная умственная жизнь кипуча и дѣятельна, но она слишкомъ часто размѣнивается на мелочи. Результаты современнаго духовнаго творчества разнообразны и велики по количеству, но не высокаго качества.

Кромѣ излишней разбросанности мысли препятствуютъ высо-тѣ полета ея и заставляютъ ее пресмыкаться по землѣ преобла-даніе матеріальныхъ интересовъ, эмпиризмъ и реализмъ, духъ меркантильности, отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, пониже-ніе высокихъ нравственныхъ идеаловъ.

Что эмпиризмъ, особенно односторонній, понижаетъ досто-

инство ученыхъ работъ и результатовъ и превращаетъ ученыхъ въ ремесленниковъ своего дѣла, это хорошо извѣстно; нечего распространяться и о томъ, что излишній реализмъ не даетъ мѣста вдохновенію и широкимъ замысламъ, ослабляетъ силу художественнаго творчества, создаетъ бездушныя копіи съ созданій природы, своего рода фотографіи: все это сказалося въ современной наукѣ, литературѣ и искусствѣ. Но въ настоящее время не менѣе ярко обнаружилось и то, что меркантильность, что упадокъ нравственности и пониженіе нравственныхъ идеаловъ оказываютъ губительное дѣйствіе на умственный прогрессъ, давая ему ложное направленіе. Мысль идетъ туда, куда влекутъ ее нравственные интересы человѣка, ея качество; сила ея движенія и достоинство ея плодовъ довольно точно соотвѣтствуютъ этимъ интересамъ: если они мелочны, извращенны, своекорыстны, низменны, или даже прямо отрицаютъ нравственность, то таковы-же будутъ и результаты движимой ими мысли, руководимыхъ ими науки, литературы, искусства; гдѣ нѣтъ возвышенныхъ нравственныхъ идеаловъ, гдѣ упалъ религіозный духъ, тамъ мысль не воспаритъ высоко и не уйдетъ далеко; если въ обществѣ распространены легкость нравовъ, продажность, эгоизмъ, невѣріе, то они не могутъ не заразить значительной части литературы, искусства и науки, которыя, вмѣсто того, чтобы искоренять эти пороки, сдѣлаются орудіями ихъ пропаганды, принесутъ только зло обществу и сами неминуемо пойдутъ къ упадку, потому что все не соотвѣтствующее своему назначенію падаетъ и гибнетъ. По мнѣнію Бокля, счастье, благосостояніе и вообще движеніе впередъ человѣчества опредѣляются только умственнымъ прогрессомъ послѣдняго, между тѣмъ какъ нравственные идеалы не прогрессируютъ и не оказываютъ вліянія на прогрессъ; но, увлеченный успѣхами современной науки, онъ забылъ, что само умственное-то движеніе человѣческаго рода находится въ зависимости отъ его нравственнаго состоянія, равно какъ и само воздѣйствуетъ на это послѣднее. Безусловно-ли полезны для человѣческаго рода успѣхи въ механикѣ, физикѣ и химіи, если при помощи ихъ въ жертву своекорыстію будутъ приносить здоровье милліоновъ людей (черезъ поддѣлку

сѣстныхъ припасовъ), если расчеты, злоба и безчеловѣчіе будутъ пользоваться ими, чтобы взрывать цѣлые города и избивать многотысячныя арміи? Возможно-ли появленіе великихъ поэтическихъ и художественныхъ созданій, если нѣтъ вѣры въ будущую жизнь, а вмѣстѣ съ нею подорвана вѣра во все идеальное и выше—земное? И много-ли найдется истинныхъ цѣнителей такихъ произведеній въ обществѣ, нравственный уровень котораго не высокъ? Съ другой стороны, стоять-ли на высотѣ своего призванія, возвышенны-ли и полезны-ли тѣ произведенія искусствъ и литературы, которыя, доставляя эстетическое наслажденіе, въ тоже время не возвышаютъ, а извращаютъ нравственный вкусъ, грязнятъ воображеніе? Полезна-ли столь распространенная нынѣ и могущественная по своему вліянію на жизнь ежедневная пресса? И да, и нѣтъ. Если она оживляетъ обмѣнъ мыслей, сближаетъ народы, служитъ торговлѣ, бичуетъ пороки и вѣнчаетъ подвиги, питаетъ патриотизмъ, пробуждаетъ лучшія человѣческія чувства и стремленія, сообщаетъ вѣрныя свѣдѣнія и т. п., то она полезна: если, напротивъ, распространяетъ завѣдомый обманъ и ложь, разжигаетъ страсти, ради интересовъ лицъ и партій жертвуетъ общимъ благомъ, сбиваетъ съ толку общественное мнѣніе, становится орудіемъ рекламы, и проч., то она вредна. И подобная двойственность замѣчается во всѣхъ сторонахъ современной умственной жизни. Что нынѣ болѣе, чѣмъ когда-бы то ни было, знаніе дѣлается орудіемъ обоюдострымъ, что оно чаще, чѣмъ когда-бы то ни было, не соединяется съ соотвѣтственнымъ нравственнымъ развитіемъ и въ такомъ разѣ приноситъ зло обществу,—намекъ на это находится въ принятыхъ недавно нашимъ правительствомъ мѣрахъ къ ограниченію правъ евреевъ на образованіе въ нашемъ отечествѣ. Эти мѣры вызваны тѣмъ, что образованные евреи знаніе и умственное развитіе обращаютъ въ орудія самой безцеремонной эксплуатаціи христіанъ, такъ что послѣднимъ гораздо тяжелѣе жить съ образованными, нежели съ невѣжественными евреями. Наглая ложь, безцеремонная реклама, подкупы, обманъ, всевозможные обходы закона, притворное принятіе христіанства—все пускается въ ходъ ради гешеф-

товъ: челоѡѡколюбіе, общее благо, патріотизмъ, совѣсть, долгъ и закопъ, страхъ Божій для такихъ людей—слова, ничего не стоящія. Современное цивилизованное еврейство представляетъ собою неопровержимое доказательство той истины, что умственный прогрессъ безъ нравственнаго—зло. Что современный умственный прогрессъ не имѣлъ силы поднять нравственность общества на соотвѣтственную высоту, это обнаружилось въ послѣдніе годы въ усиленіи наказаній. Раньше отмѣнили—было смертную казнь, а въ послѣднее время ее опять стали примѣнять въ разныхъ образованныхъ странахъ. Но жестокость наказаній всегда прямо пропорціональна количеству и силѣ преступленій, грубости нравовъ и жестокости общества, и не даромъ въ послѣдніе годы стали раздаваться голоса, что теперешніе образованные народы идутъ къ одичанію. Самымъ крупнымъ проявленіемъ и зловѣщимъ симптомомъ одичанія служитъ теперешній милитаризмъ. Нынѣ не только составляетъ рѣдкость соотвѣтствіе нравственнаго развитія съ умственнымъ, но иногда сила ума и знанія совмѣщается съ совершенною нравственною безпринципностію, съ положительной и наглою безнравственностію. Припомнимъ слѣдующія слова недавно умершаго художника Крамского, отличавшагося критическою зоркостію въ своихъ сужденіяхъ: «въ настоящее время, съ одной стороны, являются коллективныя, колоссальныя подлости и разбой, разбой утонченный и цивилизованный, а съ другой, грандіозныя и величественныя, захватывающія духъ, открытія науки, позволяющія уже почти построить философскую систему обнимающую міръ внѣшній и внутренній»¹⁾. Какъ и всегда бываетъ въ эпохи переломовъ, въ критическія эпохи, современная жизнь состоитъ изъ рѣзкихъ противоположностей. Нынѣ много людей образованныхъ, но за то много и сумасшедшихъ²⁾; нынѣ рядомъ съ усиленной филантропической дѣятельностію идетъ полуоффиціальныи грабежъ и т. п.

1) Историческій Вѣстникъ 1888 г. іюль, 137 стр.

2) Въ переведенной недавно на русскій языкъ книгѣ Шольца «Діететика духа» говорится, что число душевно-больныхъ возрастаетъ въ ужасающихъ размѣрахъ, увеличиваясь чрезъ одно поколѣніе на 25 и болѣе процентовъ и что первамъ и главнай причина этого лежитъ въ теперешней цивилизаціи.

Почему въ настоящее время именно нравственность стоитъ ниже, нежели какъ можно было-бы ожидать отъ умственно-просвѣщеннаго вѣка, это зависитъ отъ нѣсколькихъ причинъ, изъ которыхъ мы можемъ указать слѣдующія: господство философіи матеріалистической, позитивной и пессимистической; излишнее преобладаніе наукъ о природѣ и техническихъ, вообще матеріальныхъ, и соотвѣтственный упадокъ наукъ гуманитарныхъ. Преобладаніе матеріальныхъ интересовъ въ жизни, вызванное частію рѣзкими экономическими переворотами и новыми условіями экономической жизни, частію практическимъ характеромъ и матеріальнымъ духомъ современнаго просвѣщенія; необычное усиленіе вліянія на всѣ пружины жизни капитала, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе и главнаго обладателя и фактора его—еврейства; а главное—оскудѣніе религіозности и противохристіанское направленіе во многихъ сторонахъ современной цивилизаціи. Иные изъ этихъ дѣятелей, какъ напр. матеріалистическая философія, въ настоящее время ослабѣли, но другіе продолжаютъ дѣйствовать.

Но каковы-бы ни были причины упадка религіозности и нравственности, несомнѣнно, что онъ вліялъ, доселѣ вліяетъ и будетъ вліять самымъ гибельнымъ образомъ на умственный прогрессъ и матеріальное благосостояніе народовъ. Доказательства на лицо. Просвѣщеннѣйшая нація не достаточно цѣнитъ высоко-образованнаго, миролюбиваго и гуманнаго государя своего (Фридриха II), который заслуживалъ тѣмъ большаго сочувствія, что былъ несчастенъ, и тѣмъ большаго уваженія, что съ твердостію переносилъ страданія. Этотъ-же народъ до такой степени потерялъ чувство законной свободы и гражданскія права свои, что уже пересталъ протестовать противъ диктаторскихъ распоряженій талантливаго варвара, направленныхъ къ тому, чтобы всѣхъ мирныхъ гражданъ сдѣлать солдатами. Уже и теперь въ этомъ народѣ любовь къ просвѣщенію настолько угасла, стремленія къ мирному развитію сдвлены, уваженіе и благодарность къ добрымъ и мирнымъ сосѣдямъ ослаблены, чувство челоуѣколюбія притуплено, что онъ, въ лицѣ лучшихъ сыновъ своихъ, рукоплещетъ воинственнымъ рѣчамъ своего любимца, которыя содержатъ

плохо замаскированный призывъ къ кровопролитію и безпощадной рѣзнѣ,—рукоплещутъ и несутъ трудомъ добытыя сбереженія на приготовленіе орудій разрушенія. Такой народъ, особенно если это состояніе протянется долго, много-ли можетъ оказать услугъ просвѣщенію, принести счастья себѣ и другимъ, содѣйствовать духовному прогрессу и матеріальному благосостоянію. Ужаснѣе всего то, что и всѣ другіе европейскіе народы принуждены подражать ему, и зло становится всеобщимъ, грознымъ. Постоянно держать многіе милліоны людей самаго цвѣтущаго возраста подъ ружьемъ и оторванными на нѣсколько лѣтъ отъ мирныхъ занятій, тратятъ ежегодно милліарды рублей на сооруженіе военныхъ флотовъ и крѣпостей и на приготовленіе оружія и для этой цѣли вводятъ тяжкіе налоги и сокращаютъ расходы на народное образованіе и на другія важныя государственныя потребности—не значитъ-ли это вести правительство къ банкротству, государства—къ неоплатнымъ долгамъ, народы—къ нищетѣ, и разоренію и одичанію? Такая система развѣ не разовьетъ самаго широкаго пролетаріата? развѣ она не усилитъ социализма? Анархія и всеобщая междоусобная война—возможный конечный результатъ ея. Милліоны людей оторваны отъ согревающаго душу домашняго очага, на нѣсколько лѣтъ лишены семейнаго счастья и благотворнаго вліянія со стороны семьи, дѣти разлучены съ родителями, мужья съ женами, многіе противъ желанія остаются холостыми,—не ослабитъ-ли все это семейныхъ узъ? не умножитъ-ли числа незаконныхъ связей и незаконныхъ дѣтей? не поведетъ-ли къ всеобщему развращенію? не распространитъ-ли тѣ страшныя болѣзни, которыя ведутъ къ вырожденію племенъ и которыя уже и теперь, благодаря умноженію фабрикъ, развитію отхожихъ промысловъ, скученности населенія, въ большихъ городахъ и той-же военщинѣ, стали крупной и опасной язвой на общественномъ организмѣ? Не лучше будетъ, если теперешній, тяжкій во всѣхъ отношеніяхъ, вооруженный миръ разрѣшится войной; потому что, судя по громадности и повсюдности вооруженій, война можетъ охватить почти всю Европу, затянуться на много лѣтъ, принять истребительный характеръ, какъ это недав-

но и предсказывалъ Бисмаркъ съ циническимъ бахвальствомъ. А въ такомъ случаѣ разомъ будутъ разрушены плоды долготѣхнхъ усилій ума и воли человѣчества, вѣковыхъ трудовъ его; наукѣ, просвѣщенію, торговлѣ, промышленности искусствамъ, народному благосостоянію будетъ нанесенъ такой страшный ударъ, отъ котораго они не скоро оправятся. Страшнѣе всего то, что война родитъ войну, и за первымъ взрывомъ, съ небольшими промежутками, можетъ послѣдовать рядъ войнъ, начаться цѣлая военная эпоха, а это можетъ расшатать всѣ устои цивилизаціи новаго времени, довести народы до огрубѣнія, страны — до запустѣнія. Если осуществится только часть бѣдъ, которыхъ можно ожидать, то и въ такомъ случаѣ судьбы просвѣщенія въ ближайшемъ будущемъ нельзя представлять въ розовомъ свѣтѣ.

Гдѣ же братство народовъ? гдѣ гуманность и другія нравственныя начала? гдѣ владычество просвѣщеннаго ума? гдѣ мягкость нравовъ? гдѣ могущество современной цивилизаціи? если она позволяетъ играть своими судьбами произволу честолюбца, бессильна отклонить надвигающуюся противъ нея грозу и даже изощряется въ искусствѣ изобрѣтенія и приготовления смертоносныхъ орудій, которыя послужатъ къ ея-же собственному разрушенію.

Для читателей нашихъ замѣтокъ ясно видно, что когда мы говорили объ оскудѣніи великихъ талантовъ въ наше время, о пониженіи вершинъ литературнаго, художественнаго и ученаго творчества, вообще объ ослабленіи современной мысли, и пониженіи качества ея произведеній, то мы разумѣли не одну Россію, а весь образованный міръ. Причины современнаго упадка духовнаго творчества не мѣстныя, или національныя: онѣ вытекаютъ изъ общихъ, дѣйствующихъ, съ большей или меньшей силой, въ средѣ каждаго современнаго образованнаго народа законовъ жизни и духовнаго развитія. Иначе и не можетъ быть. Препрады, въ родѣ китайской стѣны, бессильны задержать даже непріятельскія арміи: тѣмъ менѣе онѣ могутъ воспрепятствовать вторженію изъ одной страны въ другую и повсюднему распространенію того, что невѣдимо неуловимо и неосвязаемо,

что можетъ перелетать чрезъ всякія преграды, проскальзывать чрезъ малѣйшія скважины, проходить самыми разнообразными, безчисленными и незамѣтными путями, — разумѣемъ духъ времени. Мысль всегда, по самому существу своему, была быстролетна.

Но если когда, такъ именно теперь быстролетность ея и широта распространенія достигли до поразительныхъ размѣровъ. Печатный станокъ и телеграфъ, паровозы и пароходы, разносятъ ее съ удивительной быстротой изъ каждаго цѣвизованнаго мѣста земнаго шара по всѣмъ странамъ, и она проникаетъ теперь въ самыя захолустныя и отдаленныя отъ центровъ просвѣщенія мѣста. Даже и неважныя сравнительно событія становятся извѣстными: европейскія въ Европѣ, американскія въ Америкѣ и т. д. Событія и движенія мысли болѣе важныя отражаются болѣе или менѣе во всѣхъ странахъ и становятся двигателями жизни и мысли не національной только, но и международной, всесвѣтной. Въ настоящее время народы обладаютъ никогда небывалыми удобствами для ознакомленія другъ съ другомъ, для быстрого обмѣна естественныхъ произведеній, произведеній промышленности, созданий духовнаго творчества, вообще для установленія всевозможныхъ международныхъ отношеній. Теперь экономическое и духовное богатство каждаго образованнаго народа быстрѣе, легче и въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ когда-бы то ни было, становится достояніемъ всѣхъ народовъ. Правда, обмѣну товаровъ могутъ препятствовать высокіе тарифы, какъ это есть въ настоящее время между Германіей и Россіей; но международный обмѣнъ продуктовъ мысли можетъ страдать отъ тарифовъ и другаго рода запрещеній очень мало. Не часто-ли бываетъ такъ, что преграды, постановляемыя распространенію мысли, достигаютъ какъ разъ обратной цѣли.

Представимъ нѣсколько примѣровъ того, какъ въ настоящее время легко, быстро и въ какихъ широкихъ сравнительно съ прежнимъ временемъ размѣрахъ совершается между народами обмѣнъ духовнаго капитала и завязываются разнообразныя международныя отношенія.

Въ вѣкъ Екатерины II и Александра I, не смотря на тогдашнее рабское, обезьяническое подражаніе русскихъ иностран-

цамъ, собственно французамъ, французскій языкъ знали только аристократы, да и они умѣли только говорить по-французски. Не получивши серьезнаго или даже какого-бы то ни было образованія, они не могли и не желали читать французскихъ классиковъ и еще меньше могли понимать ихъ. Слова Макартнея, англійскаго посла при дворѣ императрицы Елизаветы, что у русскихъ вельможъ и придворныхъ все образованіе состоитъ въ знаніи иностранныхъ языковъ, но что настоящимъ образомъ они не знаютъ ни одного языка (включительно съ русскимъ, прибавимъ мы), вполне примѣнимы къ аристократіи и болѣе поздней эпохи. Знаніе французскаго языка въ семействахъ среднихъ дворянъ, учившихся у иностранцевъ-кучеровъ и лакеевъ, представляло каррикатурную смѣсь французскаго съ нижегородскимъ. Другія сословія живыхъ иностранныхъ языковъ совсѣмъ не знали. Переводовъ даже величайшихъ твореній иностранныхъ писателей на русскій языкъ совсѣмъ не было. Теперь русскихъ, умѣющихъ читать произведенія французской, или нѣмецкой, или англійской литературъ, нужно считать десятками тысячъ, и они принадлежатъ къ разнымъ слоямъ общества. Не знающіе языковъ могутъ пользоваться почти всѣми сокровищами иностранныхъ литературъ въ переводахъ.

Лѣтъ 30—40 тому назадъ за границу изъ Россіи ѣздили почти только одни богачи, чтобы сорить тамъ русскимъ золотомъ съ чувствомъ холопскаго благоговѣнія предъ иноземщиной. Учиться чему-бы то ни было ѣздили туда только исключительныя, единичныя лица. А теперь не смотря на низкій курсъ нашего рубля, не смотря на то, что наше рабское преклоненіе предъ иностраннымъ проходитъ, за границу отправляются сотни и тысячи русскихъ: одни лѣчатся, другіе путешествовать, третьи учиться торговому, заводскому и фабричному дѣлу, совершенствоваться въ теоретическихъ и прикладныхъ наукахъ, или-же въ музыкѣ, пѣніи, живописи и другихъ искусствахъ и т. п. Въ самыя-же послѣдніе годы русскіе стали ѣздить за-границу не только учиться, но и показывать свое искусство предъ иностранной публикой и знакомить ее съ произведеніями духовнаго творчества русскихъ. Уже въ настоящее время, не смотря на распространенное за границей

предубѣжденіе противъ русскихъ, иностранцамъ нравятся русскія композиціи народнаго и виртуознаго творчества. Въ то время, какъ хоръ Славянскаго впервые познакомилъ англійскую публику съ русскою народною пѣсней, вотъ что писалъ одинъ изъ авторитетныхъ лондонскихъ журналовъ: «Еще недавно о русской музыкѣ и ея композиторахъ въ Англии не имѣли ни малѣйшаго понятія. Въ теченіе самаго непродолжительнаго періода времени стало очевидно, что славянскія націи забиваютъ германскую расу и грозятъ захватить въ недалекомъ будущемъ первое мѣсто въ искусствѣ какъ виртуозы и какъ композиторы. Появленіе на сцену великой и одаренной отъ природы націи несомнѣнно внесетъ новыя идеи и свѣжія силы»¹⁾. Не удивительно, что концерты Чайковскаго, данные имъ въ Лондонскомъ филармоническомъ обществѣ въ прошломъ году, возбудили живѣйшій интересъ въ англійскомъ обществѣ. Не говоримъ о Франціи, потому, что тамъ въ настоящее время восхищаются всѣмъ русскимъ, главнѣйше по политическимъ симпатіямъ. Однако, если-бы точно такія-же политическія отношенія существовали-бы въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ, то симпатіи къ намъ французовъ ограничились-бы только одной дипломатической сферой: какого-бы то ни было участія въ нашемъ умственномъ богатствѣ Франція въ то время не приняла-бы, да и не могла-бы принять. Основаніе органа печати съ цѣлію пропаганды всего русскаго во Франціи, появленіе на парижскихъ сценахъ русскихъ пьесъ и русскихъ артистовъ—все это и тому подобное было невысказано въ то время. Если иностранцы начали знакомиться съ нашей музыкой и драмой, слушать нашихъ виртуозовъ и дѣлать переводы нашихъ писателей, то дѣло на этомъ не остановится: дальше начнутъ изучать и другія проявленія и стороны русской жизни. Можно уже предсказать, что многіе изъ нашихъ современниковъ доживутъ до того времени, когда наши ученые будутъ читать публичныя лекціи о Россіи въ столицахъ Европы. Сначала они будутъ читать ихъ на французскомъ, какъ международномъ, языкѣ, или же на языкахъ мѣстныхъ; но чрезъ 50,

1) «Московскія Вѣдомости.» 1888 г. № 94.

много 100 лѣтъ, они будутъ читать ихъ по-русски, и аудиторіи не будутъ пусты. Извѣстный историкъ литературъ Брандесъ, читавшій въ Москвѣ въ 1887 г. публичныя лекціи на французскомъ языкѣ (одна изъ нихъ была о русскихъ писателяхъ), сознался, что до пріѣзда въ Россію онъ не зналъ Гончарова даже по имени: въ двадцатомъ столѣтіи иноземные Брандесы будутъ стыдиться обнаруживать подобное незнаніе, да оно будетъ и невозможно. До Крымской кампаніи почти никто изъ иностранцевъ, кромѣ постоянно жившихъ въ Россіи, не зналъ русскаго языка и никто,—это главное—не считалъ нужнымъ знать его: теперь въ одной Германіи найдутся не сотни, а скорѣе тысячи знающихъ по-русски. Въ настоящее время иностранные артисты говорятъ и поютъ въ Россіи по-итальянски, по-французски, по-нѣмецки; но не пройдетъ и ста лѣтъ, какъ многіе изъ нихъ будутъ у насъ пѣть, декламировать и говорить по-русски. Главная преграда, заслонявшая доселѣ для иностранцевъ Россію—пренебреженіе и презрѣніе ко всему русскому—теперь полуразрушена; другія препятствія для знакомства Запада съ Россіей, въ родѣ трудности изученія нашего языка, не высокаго уровня нашей культуры сравнительно съ западно-европейской и т. п., или временны, или не существенны. Какъ скоро начали дѣйствовать такіе могучіе рычаги для поддержки живыхъ, быстрыхъ и дешевыхъ международныхъ сношеній, каковы паровозы и телеграфы,—прекратить или даже ослабить эти сношенія не могутъ ни племенная или религіозная непріязнь, ни политическіе или какіе-либо иные расчеты. Если путевыя издержки съ теченіемъ времени будутъ сокращаться,—а этого можно ожидать,—или даже если они не будутъ только возрастать, то въ непродолжительномъ времени будутъ двигаться люди съ Запада на Востокъ, а люди восточные на Западъ въ такомъ значительномъ количествѣ, что мы теперь не можемъ себѣ этого и представить. Все болѣе и болѣе учающіяся всемірныя выставки, международные конгрессы ученые и всякіе другіе,—страсть къ путешествіямъ, которая при настоящихъ условіяхъ передвиженія и жизни будетъ развиваться больше и больше, и многія другія условія будутъ спо-

собствовать этимъ мирнымъ перекочевкамъ изъ одной страны въ другую и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомству и сближенію однихъ народовъ съ другими. Начало такого строя международныхъ отношеній есть уже и теперь, и теперь-же существуютъ и условія для дальнѣйшаго развитія этого начала.

И такъ, если и всегда духъ и характеръ извѣстной эпохи отражался во всѣхъ образованныхъ странахъ, видоизмѣняясь только сообразно съ національнымъ духомъ и государственнымъ строемъ той или иной страны, то въ настоящее время, при теперешнихъ условіяхъ международныхъ отношеній, этотъ законъ проявляется еще сильнѣе и шире. Поэтому характеристика теперешней умственной и нравственной жизни какого-либо народа будетъ неосновательна и неполна, одно-стороння и поверхностна, если этотъ народъ будетъ взятъ изолированно, если не примется въ разсужденіе воздѣйствіе на него другихъ народовъ и не будетъ изученъ и понятъ характеръ общаго духовнаго состоянія эпохи. Правда, народы отличаются другъ отъ друга расовыми, племенными, національными, государственными, религіозными, культурными и иными особенностями, и эти особенности придаютъ своеобразный отпечатокъ одному и тому же умственному движенію, одной и той же фазѣ развитія, смотря по народу и странѣ; мы это признаемъ безспорнымъ. Но, съ другой стороны, каждый человѣкъ, къ какому-бы племени, расѣ, народу, государству и религіи онъ ни принадлежалъ, въ какой бы странѣ ни жилъ, есть прежде всего человѣкъ и общіе законы человѣческаго развитія имѣютъ силу во всѣхъ людяхъ, хотя въ частностяхъ они дѣйствуютъ и проявляются разнообразно, получаютъ своеобразные оттѣнки. Мы описываемъ общія черты современнаго умственнаго движенія и не касаемся національныхъ и всякихъ другихъ частныхъ и своеобразій. Это движеніе съ существенными его свойствами замѣчается теперь не въ одной Россіи, а во всѣхъ вообще образованныхъ странахъ, и говоря о состояніи печати, литературы, науки, искусствъ, о распространеніи знаній и образованія, ученыхъ и литераторовъ и вообще обо всемъ интеллектуальномъ строѣ нашего времени, мы разумѣемъ не одну Россію, а весь образованный міръ.

ПАТРИАРХЪ ФОТІЙ.

(Продолженіе *).

Папа Николай не признаетъ легатовъ и низлагаетъ Фотіа.—Фотій отлучаетъ Николая.—Фотій обращаетъ Болгарь.—Его посольство Кирилла и Мефодія къ Кагану.—Проповѣдническая дѣятельность этихъ двухъ апостоловъ въ Моравіи.—Апостольскіе труды этихъ двухъ святыхъ.—Ихъ отношенія къ Риму и къ латинскому клиру.—Вопросъ о славянскомъ языкѣ и его употребленіи въ церковномъ богослуженіи.—Противорѣчивыя рѣшенія римскихъ епископовъ.—Возмущеніе въ Константинополѣ.—Смерть императора Михаила.—Императоръ Василій.—Онъ возобновляетъ Игнатія и низлагаетъ Фотія.—Сочиненія Фотія противъ латинцевъ.—Николай пытается отвѣчать ему.—Смерть Николая.—Папа Адрианъ II.—Эней, епископъ парижскій, рѣшается отвѣчать Фотію.—Ратрамнъ пишетъ въ томъ же смыслѣ.—Легаты Адриана II въ Константинополѣ.—Соборъ, признаваемый на Западѣ восьмымъ вселенскимъ.

Игнатій, принося жалобу Николаю на осужденіе, произнесенное противъ него, очень польстилъ гордости этого папы. Въ доказательство этого, достаточно привести слѣдующее заглавіе его аппеляціонной жалобы: «Игнатій, угнетенный тиранніею и пр., нашему святѣйшему господину и блаженнѣйшему предсѣдателю, патриарху всѣхъ престоловъ, преемнику св. Петра, князя апостоловъ, Николаю, вселенскому папѣ и его святѣйшимъ епископамъ, и благоразумнѣйшей вселенской римской церкви». ¹⁾ Св. Григорій Великій отвергъ подобныя титулы, какъ *дьявольскіе вымыслы*; это видно изъ его писемъ къ Іоанну Постнику; но папство время св. Григорія Великаго не существовало болѣе: оно уступило мѣсто

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 24.

¹⁾ См. *Label. Ignat.* въ *Collection de Conciles, P. Labbe*, томъ VIII. Многие ученые сомнѣваются въ подлинности этого письма. Мы съ трудомъ вѣримъ, чтобы Игнатій, не смотря на своя хорошія отношенія къ Риму, могъ обращаться къ папѣ въ выраженіяхъ, приведенныхъ нами сейчасъ.

учрежденію политико - церковному, для котораго *власть* была единственною заботою. Игнатій, льстившій честолюбію Николая, былъ совершенно правъ въ глазахъ этого папы. А Фотій, державшійся древняго ученія, признававшій римскаго епископа только *первымъ*, не усвоившій ему никакой личной власти, долженъ былъ оказаться заблуждающимся. Такимъ образомъ папа, безъ всякаго изслѣдованія дѣла, произнесъ анаѹему и объявилъ низложеніе Фотія на соборѣ, созванномъ въ Римѣ въ началѣ 863 года. «Мы объявляемъ его, говоритъ онъ, лишеннымъ всякой степени священства и всякой церковной должности и лишаемъ его всего этого властію Бога всемогущаго, свв. апостоловъ Петра и Павла, всѣхъ святыхъ шести вселенскихъ соборовъ и *судомъ* св. Духа *высказываемымъ чрезъ насъ*» ¹⁾. Онъ осмѣлился даже въ опредѣленіи своемъ обвинить Фотія въ жестокомъ обращеніи, котораго предметомъ былъ Игнатій. Это была клевета, почерпнутая изъ доносовъ враговъ Фотія, клевета, повторяемая потомъ всѣми римскими писателями, трактовавшими о разногласіяхъ возникшихъ между этимъ патриархомъ и Николаемъ ²⁾. Наконецъ изъ всего того, что сдѣлалъ этотъ папа, открывается, что онъ рѣшился не принимать въ расчетъ никакихъ доказательствъ, оправдывавшихъ Фотія, чуждъ былъ всякой осмотрительности въ отношеніи къ нему. Для него нѣсколько монаховъ, приверженцевъ Игнатія, прибывшихъ

1) Collection de Conciles, P. Labbe, т. VIII.

2) Мы не придаемъ никакого значенія всѣмъ рассказамъ враговъ Фотія касательно преслѣдованія Игнатія: 1) потому что подробности о страданіяхъ послѣдняго не разъясняютъ главнаго вопроса; 2) потому что подробности эти носятъ на себѣ печать очевиднаго преувеличенія и 3) потому что Фотій не долженъ быть признаваемъ отвѣтственнымъ по всемъ этомъ въ глазахъ исторіи. Не возбудилъ ли противъ себя Игнатій несправедливости Варды, своею очень мало благоразумною ревностію, своими поступками въ отношеніи къ Григорію Сиракузскому, своими враждебными чувствами къ правительству? Вотъ вопросы такого рода, въ отношеніи къ которымъ нельзя признать Игнатія вполне невиннымъ даже съ помощію рассказовъ его приверженцевъ. Отказъ признать себя низложеннымъ вызвалъ противъ него жестокости Варды; мы этого не отвергаемъ, хотя подробности объ этихъ жестокостяхъ представляются намъ въ такомъ видѣ, что мы мало расположены допустить ихъ вполне. Но Фотій былъ-ли виновникомъ этихъ жестокостей? Мы отвѣчаемъ отрицательно. Прежде всего потому, что безпристрастные писатели не

въ Римъ, имѣли гораздо большій авторитетъ, чѣмъ соборъ, составленный изъ 325 епископовъ, огромнаго числа духовенства и монаховъ, разсуждавшихъ въ присутствіи безчисленной толпы народа. Надобно согласиться, что образъ дѣйствій Николая имѣлъ совершенно другой мотивъ, а не защиту Игнатія, или справедливость въ отношеніи къ его дѣлу. Онъ признавалъ себя *обладателемъ божественной власти и органомъ св. Духа*. Во имя только этого онъ усвоилъ себѣ всѣ права. Но вселенскіе соборы, на которые папа ссылается для оправданія своего осужденія, постановили, что епископъ можетъ быть судимъ и осужденъ только своими провинціальными епископами, но не усвоили римскому епископу большей власти, чѣмъ остальнымъ. Что-же касается притязаній Николая на божественную власть, то извѣстно, какъ надобно смотрѣть на это, и его доказательства этой власти равносильны по своему достоинству съ утверждаемымъ имъ положеніемъ.

Императоръ Михаилъ, узнавши о рѣшеніи римскаго собора, написалъ къ Николаю письмо, исполненное угрозъ и призрабій (864 г.). Нѣтъ надобности говорить, что враги Фотія усволяютъ это письмо самому же Фотію подъ тѣмъ предлогомъ, что императоръ заботился лишь о своихъ удовольствіяхъ. По возрѣнію враговъ, эта причина можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ этого усвоенія. Николай отвѣтилъ восточному императору очень длиннымъ письмомъ, наполненнымъ фактами апокрифическими, ложными доказательствами и историческими ошиб-

приписываютъ ему ихъ нѣкимъ образомъ, и еще потому, что онъ самъ въ своихъ письмахъ къ Вардѣ протестовалъ противъ жестокостей, направленныхъ противъ его противника. Мы привели уже одно изъ этихъ писемъ и мы найдемъ новыя доказательства этого же, анализируя всю переписку, столь достойную великаго и святаго епископа. Заподозривать же ее, не будетъ-ли это значить, что только въ отношеніи къ Фотію интимная переписка не можетъ служить документомъ, достойнымъ вѣроятія? Римскіе историки утверждаютъ, что Фотій писалъ свои письма къ Вардѣ лицемерно; но писатели безпристрастные и независимые, соглашающіеся съ этими письмами, ужели тоже были лицемерами? Повѣрятъ-ли, что явные враги Фотія одни обладаютъ привилегіею говорить истину, повѣствуя о Фотіѣ? Если бы надобно было судить о человѣкѣ на основаніи свидѣтельствъ его враговъ, то кто когда либо могъ остаться невиннымъ? Держась подобнаго правила, можно дока-

ками, самыми грубыми. Изъ этого письма отърывается, что императоръ противопоставилъ папскимъ притязаніямъ множество фактовъ указывавшихъ первенству римскаго епископа справедливыя границы. Николай перетолковываетъ ихъ самымъ поверхностнымъ способомъ; его доказательства ложны, и онъ смѣшиваетъ нѣкоторые факты, условливавшіеся обстоятельствами, съ своими притязаніями на абсолютную власть, которую себѣ усволяетъ. Вотъ одинъ примѣръ его ложныхъ доказательствъ:

«Надобно знать, что Никейскій соборъ, равно какъ и всякій другой, не усвоилъ никакой привилегіи римской церкви, такъ какъ собору этому извѣстно было, что въ лицѣ Петра Римская церковь одарена всѣми правами власти полнѣйшимъ образомъ и что она получила управленіе надъ всѣми овцами Христа» ¹⁾. Онъ доказываетъ это мнѣніе свидѣтельствомъ папы Бонифація: «если, продолжаетъ онъ, внимательно изслѣдовать опредѣленія Никейскаго собора, то по-истинѣ можно найти, что этотъ соборъ нисколько не расширялъ правъ Римской церкви, что скорѣе соборъ принималъ власть Римской церкви за образецъ въ дѣлѣ сообщенія правъ Александрійской церкви». Однако Николай не упоминаетъ при этомъ, что соборъ призналъ власть Римскаго престола въ отношеніи къ пригороднымъ (suburbicaires) церквамъ, какъ основанную единственно только *на обычаи*, а не на *правѣ божественномъ*; онъ не замѣчаетъ также и того, что если Александрійской церкви *усвоили* власть *аналогическую* съ властію Рима, то очевидно были убѣждены, что эта послѣдняя власть не имѣла ничего божественнаго, потому что соборъ никому не могъ усвоить власти божественной.

Съ подобною то силою доказательства Николай отвѣчаетъ на всѣ возраженія своего противника въ опроверженіе папской авторитѣта.

Папа оканчиваетъ свое письмо, различая двѣ области, въ которыхъ должны проявлять свое дѣйствіе священство и импера-

¹⁾ Quae in Petr. onoverat eam totius jura potestatis pleniter meruisse, cunctarum Christi ovium regimen accepisse.

торство. Если Михаилъ имѣлъ надобность въ знаніи того, что онъ не имѣлъ никакого права въ дѣлахъ церковныхъ, то само папство не должно ли было понять, что оно тоже не имѣло никакого права въ дѣлахъ свѣтскихъ?

Восточная Церковь должна была протестовать противъ притязаній Николая. Притязанія эти находились въ противорѣчій съ древнимъ правомъ. Самы ультрамонтаны вынуждаются согласиться съ этимъ, хотя не прямымъ образомъ. Одинъ писатель ¹⁾, выставляющій себя историкомъ Фотія и принимающій за несомнѣнную истину всѣ утвержденія явныхъ враговъ этого патріарха, вынужденъ былъ очевидностію выразиться слѣдующимъ образомъ: «Схизма николиѣ уяснила (*mis au grand jour*) ученіе относительно первенства св. престола. Никогда преимущества этого престола не были лучше утверждены, какъ въ борьбѣ папы Николая противъ схизматичесествовавшихъ фотиніанъ». Можно ли думать, что до IX столѣтія не было никакого случая сдѣлать ясными эти преимущества, если только дѣйствительно они принадлежали римскому престолу? Предшествовавшіе историческіе факты достаточно краснорѣчиво отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Несомнѣнно, что вопросы болѣе важныя, чѣмъ изложеніе епископа, были возбуждаемы между Востокомъ и Западомъ еще съ самаго начала существованія Церкви, но эти вопросы вмѣсто того, чтобы сдѣлать папскую власть болѣе обширною, привели ее лишь къ справедливымъ ограниченіямъ. Въ IX же вѣкѣ обстоятельства перемѣнились; папство пожертвовало древнимъ католическимъ ученіемъ ради своихъ честолюбивыхъ мечтаній, и оно пользовалось всѣми обстоятельствами для осуществленія на опытѣ духовной автократіи столько же противорѣчащей св. Писанію, какъ и ученію Отцевъ и соборовъ.

Сильный древнимъ правомъ, Фотій призналъ ничтожнымъ отлученіе Николая и продолжалъ исполнять свои епископскія обязанности съ ревностію и преданностію, чрезвычайно зло искажаемыми его врагами. Со времени вступленія своего на патріаршескую ка-

¹⁾ Jager, Histoire de Photius, кн. IV, стр. 114, изд. 1854 г.

едру, Фотій обратилъ все свое вниманіе на уничтоженіе остатковъ опустошеній, которыми иконоборцы покрыли Константинополь. Церкви и монастыри были разрушены, соуды и священныя украшенія расхищены и уничтожены, иконы поруганы и сожжены. Иконоборческое ученіе, такъ долго торжествовавшее, не могло исчезнуть вдругъ, не смотря на анафемы, которыми оно было поражено. Существовало еще много тайныхъ иконоборцевъ, которые продолжали въ тайнѣ исповѣдывать свои заблужденія; нѣкоторые же осмѣлились даже открыто высказывать богословскія возраженія противъ почитанія иконъ, какъ это видно изъ переписки великаго патріарха. Конечно, эти иконоборцы не могли съ какимъ либо удовольствіемъ видѣть вступленіе на Константинопольскій престолъ племянника Тарасія, ихъ великаго противника,—члена семейства, всегда отличавшагося любовью къ православію. И Фотій, равно какъ отецъ его, тоже подвергались преслѣдованію за свою вѣру. Такимъ образомъ новый патріархъ проявилъ очень дѣятельную ревность въ дѣлѣ исправленія опустошеній, въ которыхъ виноваты были иконоборцы. А этимъ и возбудилъ противъ себя многихъ враговъ. Впрочемъ Фотій рѣшительно не обращалъ на это никакого вниманія, и съ настойчивостью продолжалъ дѣло, за которымъ признавалъ величайшую важность.

Между тѣмъ, какъ этотъ святой патріархъ былъ занятъ своими дѣлами, одно славянское племя, извѣстное подъ именемъ Руссовъ ¹⁾, направилось въ Константинополь для ограбленія его. Племя это занимало область, называемую нынѣ Бессарабією, и населяло земли, для которыхъ Кіевъ былъ столицею. Предки этого племени были просвѣщены Евангеліемъ, но христіанство не имѣло успѣха среди нихъ. Въ эпоху, когда Руссы возымѣли намѣреніе ограбить Константинополь, они имѣли во главѣ своей двухъ вождей, Аскольда и Дира. Руссы покрыли Босфоръ двумя стами вооруженныхъ лодокъ ²⁾,

¹⁾ По Нестору, самому древнему русскому лѣтописцу, соотечественники его стали называться русскими только около 862 года. Но онъ не говоритъ по какому поводу и по какой причинѣ они усвоили себѣ это названіе.

²⁾ См. Leo Grammat., Constant. Porphy. Zonar, Nicetas, Несторъ и Manasses, *Chron.*

опустошили берега и острова Пропонтиды и подплыли къ самому Константинополю. Ихъ появленіе распространило ужасъ въ этомъ городѣ.

Патріархъ провелъ цѣлую ночь въ молитвахъ; всѣ жители, пораженные ужасомъ, соединили свои молитвы съ его молитвами. Императоръ Михаилъ тоже находился въ церкви. Утромъ Фотій вышелъ изъ церкви, неся образъ Пресвятой Дѣвы, и со всею процессією направился къ морю. Императоръ и народъ слѣдовали за нимъ, воспѣвая гимны и умоляя божественное милосердіе. Прибывши къ берегу моря, Фотій погрузилъ образъ Дѣвы въ волны и тотчасъ страшная буря разсѣяла лодки Руссовъ. Аскольдъ и Диръ, тоже приведенные въ ужасъ этимъ событіемъ, объявили себя христіанами и просили епископа и священниковъ для наставленія ихъ въ христіанствѣ.

Съ этихъ поръ Фотій долго занимался обращеніемъ славянъ въ христіанство. Онъ тотчасъ избралъ епископа и священниковъ, которые отправились въ Кіевъ, столицу Руссовъ. Когда посланные прибыли туда, Аскольдъ и Диръ созвали огромную сходку для сужденій о религіозномъ вопросѣ и для рѣшенія того, должны-ли они оставить древнюю религію предковъ. Привели епископа и спросили его, что онъ можетъ сказать собранію по поводу этого вопроса. Епископъ открылъ Евангеліе и сталъ проповѣдывать о Христѣ, Его чудесахъ, Его жизни, и о чудесахъ праведныхъ людей Ветхаго Завета. Находясь еще подъ впечатлѣніемъ страшной бури, которую всѣ признали чудомъ, Руссы потребовали чуда аналогичнаго съ тѣмъ, которое совершилось съ тремя отроками, брошенными въ огненную печь.

«Если ты бросишь книгу въ огонь, сказали они, и если она не сгоритъ, тогда мы повѣримъ тому, чему ты учишь насъ». Пропо-
вѣдывавшій епископъ возвелъ очи свои къ небу и сказалъ: «Господи, прославь имя Твое среди этого народа», и положилъ св. книгу въ огонь, который былъ разведенъ. Огонь разрушилъ корешокъ книги, но тебсть ея не испыталъ никакого поврежденія. Пораженные этимъ чудомъ, многіе изъ присутствовавшихъ просили

крещенія. Но большая часть остались язычниками и составили заговоръ, во главѣ котораго сталъ Олегъ, фанатически преданный заблужденіямъ предковъ.

Можно думать, что молва объ этомъ событіи сильно распространилась среди всѣхъ славянъ. И вотъ Хозары, сосѣди Руссовъ, послали въ Константинополь пословъ съ просьбою прислать къ нимъ священниковъ способныхъ учить ихъ на ихъ собственномъ языкѣ, который былъ славянскимъ,—равно какъ учить и другія племена славянскаго происхожденія.

Хозарскій царь понималъ, что только апостолы, знакомые съ славянскимъ языкомъ, одни могли сообщить его народу истинное знаніе христіанства.

Императоръ Михаилъ, принявши отъ него депутацію, рѣшился вступить съ хозарами въ сношенія, по соглашенію съ патриархомъ Фотіемъ. Императоръ и патриархъ обратили взоръ свой на двухъ братьевъ, Кирилла и Меѳодія, родомъ изъ Фессалоникъ, гдѣ говорили на славянскомъ языкѣ столько-же хорошо, какъ и на греческомъ. Оба брата, какъ мы уже упомянули, получили отличное воспитаніе въ Константинопольскихъ школахъ, находившихся подъ руководствомъ ученаго Льва, ихъ прежняго архіепископа ¹⁾. По окончаніи образованія, Кириллъ сдѣлался священникомъ, а Меѳодій сталъ правителемъ одной области въ Фессалоникійской провинціи. Вскорѣ Меѳодій оставилъ свой постъ и поступилъ въ монастырь на Олимпійской горѣ. Кириллъ, младшій изъ двухъ братьевъ, послѣ того, какъ прославился въ Константинополѣ своими познаніями, отправился въ монастырь, находившійся близъ Мраморнаго моря. Затѣмъ онъ переселился къ брату своему, въ Олимпійскій монастырь. Тамъ то, безъ сомнѣнія, братья основательно изучили славянскій языкъ, который они знали съ самаго дѣтства своего и который, быть можетъ, былъ ихъ природнымъ языкомъ, такъ какъ многіе лѣтописцы утверждаютъ, что братья были родомъ славяне. Они изобрѣли азбуку, по характеру своему почти похожую на греческую, къ которой присоединили много новыхъ буквъ для обозна-

¹⁾ Кириллъ былъ извѣстенъ тамъ подъ именемъ Константина философа.

ченія извѣстныхъ славянскихъ звуковъ, которыхъ произношеніе не могло быть выражено греческими буквами. Затѣмъ они составили грамматику, и изъ славянскаго языка образовали языкъ, на которомъ возможно было не только говорить, но и писать. На этотъ то языкъ они перевели св. Писаніе, литургію св. Іоанна Златоуста и многія церковныя книги.

Въ то время, когда они предавались этимъ трудамъ въ Олимпійскомъ монастырѣ, патріархъ Фотій позвалъ ихъ въ Константинополь для объявленія имъ просьбы Хозарскаго царя ¹⁾. Оба брата съ радостію приняли порученную имъ миссію и отправились къ берегамъ Чернаго моря; прежде всего они остановились въ Херсонесѣ, гдѣ нашли мощи св. Климента, ученика апостоловъ и третьяго епископа римскаго. Этотъ святой былъ изгнанъ въ эти страны Траяномъ. Они положили мощи въ церкви Херсонеской, отправились моремъ къ Азову и прибыли къ Хозарскому хану. Ихъ приняли съ почестію; но ихъ успѣхи не были очень велики; большая часть Хозаръ остались язычниками, или исповѣдующими іудейство. Тѣмъ не менѣе нѣкоторая часть Хозаръ приняла христіанство, и ханъ писалъ императору, что онъ допустилъ христіанскую проповѣдь въ своемъ государствѣ. Оба апостола возвратились въ Константинополь, принеся съ собою и мощи св. Климента.

По окончаніи своей миссіи, они рѣшились было возвратиться въ свой монастырь; но въ это время Борисъ, царь Болгарскій, выразилъ расположеніе принять крещеніе. Его сестра, будучи плѣнницею въ Константинополѣ, и припавши тамъ христіанство, много способствовала къ возбужденію въ братѣ желанія стать христіаниномъ.

Узнавши объ этихъ добрыхъ расположеніяхъ, императоръ Михаилъ и Фотій послали къ Борису священниковъ для наставленія его въ вѣрѣ. Между этими, посланными къ нему апостолами, находились и два брата, Кириллъ и Меѳодій, которые, возвратившись изъ своей миссіи къ Хозарамъ, приобрѣли такимъ образомъ новый

—) *Vit. Constant., Нестора Лимонуса, Vit. Clement; Translat s. Clement.*

случай продолжать свои апостольскіе труды ¹⁾. Огромное число Болгаръ обратилось въ христіанство и Фотій писалъ къ *своему возлюбленному сыну*, царю Болгарскому, принявшему въ крещеніи имя Михаила, письмо, которое можно причислить къ числу прекраснѣйшихъ произведеній христіанской литературы.

Это письмо дѣлится на двѣ части: одна часть его касается теоретическаго ученія, а другая—нравственности.

Въ своемъ письмѣ Фотій обращаетъ вниманіе царя на то, что онъ преподаетъ ему ученіе первоначальное, въ такомъ видѣ, какъ ученіе это преподали апостолы, безъ измѣненія и безъ искаженія: ученіе небесное, православное, какое изложили семь вселенскихъ соборовъ. Онъ изображаетъ картину этихъ семи досточтимыхъ соборовъ съ удивительною точностію какъ съ точки зрѣнія исторической, такъ и съ точки зрѣнія догматической. Невольно убѣждаешься, что ученый патріархъ былъ мастеромъ своего дѣла и зналъ въ совершенствѣ исторію Церкви.

По поводу седьмаго собора, онъ распространяется о почитаніи иконъ, креста и св. мощей. «Ты не долженъ, говоритъ онъ, удаляться отъ ученія, преподааннаго мною тебѣ; не уклоняйся-же отъ него ни направо, ни налево; храни его въ неповрежденномъ видѣ». Вотъ великій принципъ, къ которому постоянно возвращается православный патріархъ.

«О царь, говоритъ онъ еще, ты, который для меня такъ дорогъ во Иисусѣ Христѣ, и который сталъ моимъ духовнымъ сыномъ, посмотри, сколь многихъ возмутителей возбуждалъ демонъ противъ единой, истинной религіи; сколько сѣялъ онъ ересей, смуть, вражды, заговоры и раздоры, посмотри также и на то, какъ христіанское благочестіе побороло все это, и какъ оно одержало надъ всѣмъ этимъ блистательную побѣду».

«Если кто либо, присовокупляетъ онъ, дерзаетъ прикасаться къ

¹⁾ Въ различныхъ лѣтописяхъ, въ которыхъ приводятся рассказы объ обращеніи Болгаръ, есть упоминаніе о монахѣ, по имени Меодій, который нарисовалъ для царя картину, изображавшую страшный судъ. Не былъ-ли этотъ Меодій братомъ Кирилла?

неповрежденному ученію, то онъ обезображиваетъ его. Дьяволъ и теперь старается исказить каѳолическую и апостольскую Церковь, старается омрачить ее; но она противопоставляетъ злоухищреніямъ и нападєніямъ его непреборимую силу. Итакъ утверждайся на камиѣ вѣры православной, и не прибавляй къ этой вѣрѣ ни дровъ, ни сѣна, ни соломы, ни другихъ горючихъ матеріаловъ.

Въ нравственной части письма Фотій прежде всего устанавливаетъ основы христіанской нравственности; далѣе онъ говоритъ о частныхъ добродѣтеляхъ, которыя Болгарскій царь долженъ исполнять какъ въ своей частной жизни, такъ и въ управленіи своимъ государствомъ. Никогда обязанности государей не были изложены съ большею точностію. Читая это удивительное письмо, невольно чувствуешь, что Фотій былъ великимъ христіаниномъ и великимъ государственнымъ человѣкомъ; его совѣты внушены высочайшею мудростію ¹⁾.

Греческая миссія среди Болгаръ продолжалась два года ²⁾, и именно въ это время Николай вмѣшался въ нее, какъ мы объ этомъ расскажемъ.

Въ то время, когда св. братья Кирилль и Меѳодій проповѣдывали Евангеліе Волгарамъ, славяне, жившіе по берегамъ Дуная, послали въ Константинополь посольство для испрошенія священниковъ, знавшихъ славянскій языкъ, и для наставленія въ христіанской религіи.

Эти славяне уже давно поселились на границахъ римской имперіи. Они находились въ отношеніи къ имперіи не какъ подданные, а какъ данники, сохранявшіе свою автономію подъ управленіемъ своихъ туземныхъ вождей. За предѣлами же этихъ славянъ имперія окружена была какъ-бы кольцомъ различными славянскими племенами, которые, смотря по обстоятельствамъ, заявляли себя то ея друзьями, то ея врагами.

По временамъ эти племена вели борьбу между собою, и имперія пользовалась однимъ изъ нихъ противъ другихъ.

¹⁾ Phot. *Epist.* 1 изд. Londin.

²⁾ Phot. *Epist. Encycl. ad patriarch.*

Посреди этого хаоса, императорскій тронъ, не смотря на свое паденіе, всегда блисталь яркимъ блескомъ и все правители народовъ старались поддерживать съ нимъ сношенія, признавая это честью для себя.

Въ началѣ IX столѣтія Карль распространиль свое владычество на южныхъ нѣмцевъ и на часть славянъ, смежныхъ съ Баварією. Онъ образоваль тамъ многія владѣнія, признавшія верховную власть западнаго императора. Св. Бонифацій, апостоль южныхъ нѣмцевъ, учредиль среди нихъ многія епископства, во главѣ которыхъ поставиль епископство Зальцбургское. Это первенствующее епископство получило церковную юрисдикцію надъ славянскими владѣніями, примыкавшими къ Баваріи. Когда Карль посѣтилъ Баварію, то Арндтъ былъ епископомъ Зальцбургскимъ и получилъ порученіе организовать все страны въ церковномъ отношеніи. Для исполненія этого порученія Арндтъ самъ отправился въ славянскія земли, строилъ тамъ церкви, посвящалъ священниковъ и съ согласія императора усвоилъ нѣкоему Теодоріку епископскія права, безъ назначенія ему постоянной резиденціи, для продолженія начатаго Арндтомъ дѣла ¹⁾.

Адальрамъ, преемникъ Арндта, ввѣрилъ славянскія церкви Оттону, который около половины этого столѣтія былъ замѣщенъ Освальдомъ, подъ юрисдикцією Адальвина, занимавшаго тогда Зальцбургскую кафедру.

Еще со времени первыхъ вѣковъ христіанства въ этихъ странахъ существовало нѣсколько вѣрующихъ; первымъ епископомъ ихъ признають даже св. Андронника, ученика св. Павла. Многіе другіе апостолы тоже посѣщали ихъ; а въ частности въ VII вѣкѣ ихъ посѣтилъ Рупертъ, епископъ Вормскій, въ VIII вѣкѣ—Виргилій, епископъ Зальцбургскій, а въ IX—Урольфъ, епископъ Пасавскій. Все они пріобрѣли послѣдователей и строили церкви, при которыхъ учреждали клиръ ²⁾, но священники этого клира не знали славянскаго языка; вѣрующіе присутствовали при богослужб-

¹⁾ Anonym., *Zalzb.*

²⁾ V. Balland. et Surius. 27 mart.; 29 nov.

ныхъ дѣйствіяхъ, ничего не понимая и не имѣя возможности воспользоваться сообщаемыми имъ наставленіями.

Послѣ смерти Карла, одинъ славянской вождь, по имени Моимірѣ, задумалъ основать государство болѣе обширное и болѣе могущественное, чѣмъ существовавшія до сихъ поръ.

То была Моравія, заключающая тогда обширныя страны по сѣверному берегу Дуная. Людовикъ Благочестивый подозрительно посмотрѣлъ на честолюбіе Моиміра; онъ выступилъ противъ него, побѣдилъ его и на мѣсто его поставилъ Ростислава, роднаго племянника Моиміра. Этотъ послѣдній оказался столько же предприимчивымъ, какъ и Моимірѣ. Онъ побѣдилъ Превина, одного славянскаго вождя, друга нѣмцевъ, разбилъ и самаго императора, опустошилъ Германію и въ Нитрѣ, мѣстопробываніи Превины, поставилъ Святополка, своего собственнаго племянника. Сынъ Превины, Коцель, продолжалъ владѣть областію своего отца на правой сторонѣ рѣки Дуная. Три правителя эти заключили между собою союзъ и единодушно просили у императора Михаила прислать къ нимъ славянскихъ апостоловъ. Они выражались слѣдующимъ образомъ: «къ намъ пришли различные проповѣдники христіанства, итальянцы, греки и нѣмцы, и насъ учатъ разнообразно; мы славяне люди простые, и никто не учитъ насъ вразумительнымъ для насъ образомъ. Итакъ, хорошо было-бы, чтобы вы прислали къ намъ челоуѣка, который-бы далъ намъ возможность понять истину вполнѣ»¹⁾.

Южные славяне почти все находились въ борьбѣ съ германцами и не хотѣли оставаться подъ управленіемъ ихъ епископовъ; они предпочитали организовать славянской клиръ, который могъ-бы просвѣтить ихъ евангельскимъ свѣтомъ на ихъ собственномъ языкѣ. Вотъ почему они обратились къ Константинопольскому императору.

Императоръ Михаилъ, получивши посланіе отъ славянскихъ вождей, созвалъ соборъ и послѣ совѣщанія съ патріархомъ Фо-

¹⁾ *Legend. Pannon. c. v.; Нестора Лѣтописц., Legend Morav.; Translat., c. VII.*

тѣмъ ¹⁾ рѣшилъ, что никто столько неспособенъ исполнить великую миссію просвѣщенія славянъ Евангеліемъ, какъ Кирилль; его вызвали въ Константинополь, и онъ охотно принялъ возлагаемую на него миссію. Кирилль сообщилъ созванному въ Константинополь собору о своихъ трудахъ по славянскому языку и по переводу св. Писанія на этотъ языкъ. Соборъ одобрилъ все, что было сдѣлано имъ, и славянскій языкъ былъ такимъ образомъ принятъ для совершенія литургій и другихъ церковныхъ дѣйствій, равно какъ и для наставленія народа.

Кирилль отправился къ славянамъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меодіемъ и съ клириками, необходимыми ему при совершеніи церковныхъ дѣйствій.

Славянскій языкъ не былъ еще тогда языкомъ литературнымъ, на которомъ можно было бы учить и писать грамматически, но значительная часть грековъ жила среди славянъ и могла, подобно имъ, говорить по-славянски; многіе славяне были еллинизированы, сдѣлались христіанами и даже были приняты въ клиръ. Известно, что одинъ славянинъ занималъ даже патріаршій престолъ въ Константинополь. Да и императоръ Юстиніанъ былъ славяниномъ.

Кирилль и его сопутники, принеся письмо Константинопольскаго императора, были приняты среди славянъ съ великими почестями. Народъ, узнавши, что они принесли Евангеліе, написанное на ихъ языкѣ, принялъ ихъ съ энтузіазмомъ. Благочестивые миссіонеры получили такимъ образомъ полную возможность пройти всю страну, учить народъ, совершать литургію и другія божественныя службы. Они избрали между жителями тѣхъ, которые казались болѣе другихъ расположенными къ вступленію въ клиръ, и которые могли помогать имъ въ ихъ миссіонерской дѣятельности.

Во всѣхъ странахъ славяне, какъ говоритъ древній лѣтописецъ Несторъ ²⁾, «были исполнены радости, слыша прославленіе Бога на своемъ языкѣ»; но нѣмецкіе священники, которые были разсѣ-

¹⁾ Vit. Const.; Chron. Morav.

²⁾ Несторъ, Лѣтопись.

яны среди славянъ, стали утверждать, что Богъ можетъ быть прославляемъ только на тѣхъ трехъ языкахъ, на которыхъ сдѣлана была на Крестѣ надпись надъ головою Христа, т. е. на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкѣ; они дошли даже до того, что стали утверждать, будто прославленіе Бога на другомъ какомъ-либо языкѣ есть ересь. Нѣмецкій клиръ дѣлалъ св. славянскимъ апостоламъ еще и слѣдующее другое возраженіе: вы пришли, говорили они, проповѣдывать Евангеліе въ странѣ, которая зависитъ отъ патріарха римскаго, не будучи посланы папою; и вы управляете ею, не получивши разрѣшенія отъ епископовъ Зальцбургскаго и Пассавскаго, имѣющихъ юрисдикцію надъ Моравіею и надъ всѣми этими славянскими землями. Св. апостолы не обращали вниманія на подобныя заявленія; они заботились только о народѣ, жаждавшемъ евангельскаго наставленія, и имѣли въ виду князей, одушевлявшихъ ихъ въ ихъ трудахъ. Такимъ образомъ, они трудились, не обращая вниманія на преграды, которыя недобрые христіане хотѣли противопоставить имъ на ихъ пути. Славянскіе же князья еще менѣе были расположены признать возраженія нѣмцевъ справедливыми, такъ какъ именно для освобожденія своей земли отъ нѣмецкаго преобладанія они и обратились въ Константинополь за славянскими апостолами. Тѣмъ не менѣе нѣмцы очень страстно возставали противъ славянскихъ апостоловъ. Жизнеописатель Кирилла такъ выражается по этому поводу: 1) «когда имя Божіе стало болѣе и болѣе распространяться, люди злые, завистливые и возбуждаемые дьяволомъ, не могли переносить, чтобы это такъ происходило и стали утверждать, будто Богъ не долженъ быть прославляемъ на какомъ-либо новомъ языкѣ. Они говорили, что съ самаго начала и со времени изобрѣтенія письменъ, люди прославляли Бога только на трехъ языкахъ» 2), и только на этихъ трехъ языкахъ, т. е. на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, напи-

1) Vit. Constant.

2) Это мнѣніе нѣмцевъ долгое время было распространено на Западѣ. Оно было осуждено на Франкфуртскомъ соборѣ въ 794 г.; но очевидно осужденіе не похѣшало распространяться толкамъ о трехъ языкахъ.

саны священныя книги ¹⁾, а потому нельзя прославлять Бога иначе, какъ только на этихъ же языкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, епископы, священники и клирики говорили только по-латыни. Кириллъ въ своихъ ученыхъ спорахъ опровергалъ ихъ доводы и его противники добились того, что ихъ стали называть *трехъязычными*, т. е. говорящими на трехъ языкахъ.

Нѣмцы обратились къ папѣ Николою съ обвиненіемъ противъ апостоловъ, державшихъ славить Бога по-славянски. Папа, узнавши это, очень удивился, что священники, Кириллъ и Меѳодій, осмѣлились поступать подобнымъ образомъ и вотъ онъ письменно позвалъ ихъ въ Римъ.

Св. апостолы знали, что они трудились въ странѣ, зависѣвшей отъ римскаго патріархата. Поэтому они подчинились данному имъ приказанію.

Не безъ скорби папа Николай узналъ, что Болгары просвѣщаются евангельскимъ свѣтомъ отъ греческихъ и славянскихъ апостоловъ. Онъ послалъ къ нимъ другихъ миссіонеровъ, которые вскорѣ возбудили споры съ миссіонерами Константинопольскими. Болгарскій царь воспользовался этими спорами, онъ обратился къ Людовику Нѣмецкому и просилъ у него новыхъ миссіонеровъ. Своимъ поступкомъ онъ хотѣлъ польстить этому государю, быть можетъ, въ надеждѣ, что государь этотъ не будетъ болѣе противиться населенію Болгаръ за Дунаемъ, когда узнаетъ, что они стали христианами. Людовикъ немедленно вошелъ въ соглашеніе съ братомъ своимъ Карломъ Лысымъ; оба они избрали миссіонеровъ и вручили имъ многочисленную и богатую церковную утварь для совершенія богослуженія. Германо-франкскіе миссіонеры, прибывши въ Болгарію, встрѣтились съ другими миссіонерами, присланными папою Николаемъ. Въ самомъ дѣлѣ Борисъ писалъ къ этому папѣ въ то самое время, какъ обращался къ Людовику, и просилъ у него прислать римскихъ миссіонеровъ. Германо-франкскіе миссіонеры, встрѣтившись съ ними, возвратились въ свои страны.

¹⁾ Нѣмцы не знали, что переводъ св. Писанія существовалъ на другихъ языкахъ. Фотій (Epist 64) упоминаетъ о двухъ переводахъ въ частности, объ одномъ *египетскомъ* или *коптскомъ*, и о другомъ *индійскомъ* т. е. арабскомъ. Тогда Аравію называли *Индіей*.

Въ это-же время Николай вознамѣрился послать трехъ легатовъ въ Константинополь для продолженія борьбы съ Фотіемъ. Онъ былъ радъ представившемуся случаю послать ихъ въ Константинополь сухимъ путемъ. Папа присоединилъ къ нимъ другихъ легатовъ, обязанныхъ представить Болгарскому царю отвѣтъ на его обращеніе къ нему за совѣтами. Въ этомъ отвѣтѣ онъ не забылъ превознести чрезмѣрно Римскій престолъ и унизить престолъ Константинопольскій. Только Римъ, по его словамъ ¹⁾, дѣйствиємъ св. Петра, есть *источникъ епископства и апостольства*, и вотъ почему Болгары не должны принимать епископа ни откуда, какъ только изъ Рима. Изъ Рима-же равнымъ образомъ они должны принять и ученіе. «Св. Петръ, говоритъ онъ ²⁾, всегда живетъ здѣсь и всегда присутствуетъ на своемъ престолѣ; онъ сообщаетъ истину вѣрнѣмъ, которые ищутъ ее, потому что св. Римская церковь всегда пребывала безъ пятна и поврежденія; именно она учреждена, чтобы ея исповѣданіе вѣры было окончательно принимаемо всѣми». Папа снабдилъ своихъ пословъ въ Константинополь восемью письмами, обозначенными отъ 13 ноября 866 года. Письма эти служатъ столькими-же памятниками папской гордости ³⁾. Онъ грозитъ въ нихъ Михаилу позорно сжечь его письмо, написанное противъ римскихъ притязаній, если только императоръ не откажется отъ своего письма. Онъ пишетъ Константинопольскому клиру, что низлагаетъ всѣхъ приверженцевъ Фотія и возстановляетъ сторонниковъ Игнатія; онъ извѣщаетъ Игнатія, что снова возводитъ его на патриаршій престолъ и анаематствуетъ Фотія и его приверженцевъ; онъ льститъ императрицѣ—матери Теодорѣ и прославляетъ ее за то, что она лично защищала дѣло Игнатія; онъ проситъ императрицу Евдоксію вступиться за Игнатія предъ императоромъ и наконецъ обязываетъ всѣхъ сенаторовъ Константинопольскихъ прекратить общеніе съ Фотіемъ и объявить себя за Игнатія.

1) Resp. LXIII.

2) Resp. CVI.

3) *Epist. Nicol. IX. et seq.* въ Collection de Conciles P. Labbe. T. VIII.

Письмо его къ Фотію, которое есть третье въ числѣ этихъ писемъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ этомъ письмѣ онъ усволяетъ Фотію титулъ только *человѣка*: Николай и пр. *человѣку* Фотію. Онъ упрекаетъ его въ «безстыдномъ нарушеніи досточтимыхъ каноновъ, опредѣленій отцевъ и божественныхъ правилъ. Онъ называетъ его *воромъ*, *лстецомъ*; онъ утверждаетъ, что Фотій не исполнилъ своихъ собственныхъ обязательствъ, что онъ подкупилъ легатовъ, что онъ изгналъ епископовъ, отказавшихся войти съ нимъ въ общеніе; онъ утверждаетъ, что по справедливости его можно назвать *человѣкоубійцей*, *ехидною*, *хамомъ*, *жидомъ*; онъ ссылается въ этомъ отношеніи на каноны собора Сардійскаго и декреталіи своихъ предшественниковъ; и наконецъ обанчиваетъ письмо угрозою поразить Фотія отлученіемъ, которое будетъ продолжаться до самой его смерти.

Подобное *страстное* письмо, какъ очевидно, могло произвести только одно слѣдующее дѣйствіе: оно должно было побудить Фотія осудить палу.

Когда легаты прибыли въ Болгарію, то все греческіе священники были изгнаны изъ этой страны и преподаваемое ими таинство муропомазанія признано недѣйствительнымъ. Рѣшиться на подобный поступокъ—значило наносить восточной Церкви самое грубое оскорбленіе, ниспровергая основныя начала христіанскаго богословія. Фотій не могъ перенести этого неразумія, соединеннаго съ обидою, равно какъ и этихъ посягательствъ Николая. Онъ созвалъ въ Константинополѣ (867 г.) соборъ, на который пригласилъ не только патріарховъ и восточныхъ епископовъ, но и трехъ западныхъ епископовъ, обратившихся къ нему за полученіемъ помощи противъ деспотизма Николая. Это были: епископъ-эксархъ Равенскій, и архіепископы Трирскій и Кельнскій. Послы трехъ престоловъ восточныхъ патріарховъ, множество епископовъ, священниковъ, монаховъ, два императора ¹⁾ и сенатъ присутствовали на этомъ собраніи. Здѣсь прочитаны были письма Николая; собранные единодушно признали палу недостойнымъ епископства и про-

¹⁾ Михаилъ и Василій, который тоже былъ признанъ императоромъ.

возгласили противъ него отлученіе и анафему. Рѣшеніе собора было послано самому Николаю чрезъ Захарію, митрополита Халкидонскаго и Теодора Кизическаго. Анастасій бібліотекаръ говоритъ, что изъ тысячи подписей, покрывавшихъ этотъ документъ, только двадцать одна была собственноручная; но извѣстно, насколько цѣнно свидѣтельство этого человѣка. Достоверно-же, что документъ этотъ былъ извѣстенъ на Востокѣ; что соборъ Константинопольскій, который позже уничтожилъ рѣшеніе этого собора, не смотрѣлъ на подписи, какъ на подложныя. А этотъ фактъ говоритъ болѣе, чѣмъ свидѣтельство писателя-лжеца. Опредѣленіе собора противъ Николая отличалось болѣе каноническимъ характеромъ, чѣмъ опредѣленіе этого послѣдняго противъ Фотія потому, что оно было только отлученіемъ, а не *низложеніемъ*. Церковь-же имѣетъ право отлучать отъ общенія тѣхъ, которыхъ она признаетъ виновными, и имѣетъ право не признавать ихъ епископами. Фотій извѣстилъ всѣхъ о рѣшеніяхъ собора своимъ окружнымъ посланіемъ, отправленнымъ къ восточнымъ патріархамъ ¹⁾. «Борьба истины противъ заблужденія, говоритъ онъ, казалась прекратилась. Армяне, возмущившіеся со времени Халкидонскаго собора, подчинились православію; Болгары оставили заблужденіе своихъ предковъ. Но вотъ съ Запада пришли къ намъ дикіе звѣри, которые растерзали вѣру, исповѣдуемую ими всего лишь около двухъ лѣтъ и стали учить ихъ своимъ ложнымъ догматамъ и своимъ заблужденіямъ. Они наложили на нихъ воздержаніе въ субботу вопреки канонамъ; это повидимому дѣло маловажное, но самое ничтожное нарушеніе имѣетъ важныя послѣдствія. Именно такимъ образомъ приводятся къ нарушенію законовъ относительно великаго поста, принимая антиканоническія послабленія. Затѣмъ они нападаютъ на законный бракъ священниковъ во имя пресловутаго безбрачія (*célibat*), служащаго путемъ къ нравственной распущенности и выраженіемъ манихейскихъ склонностей. Они не побоялись снова муропомазывать тѣхъ, которые уже были муропомазаны священникомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что муропомазаніе можетъ быть сообщаемо

¹⁾ Phot. *Epist* 2 ad *Thron. Patriarch.* изд. Londin.

только епископомъ. Какое безразсудство! Въ силу какого закона они утверждаютъ это, на какомъ отцѣ Церкви, на какомъ соборѣ могутъ основаться? Какъ можно думать, чтобы тотъ, кто освящаетъ евхаристическій хлѣбъ и питаетъ вѣрующихъ тѣломъ и кровію Христа, не имѣлъ бы права помазывать муромъ тѣло крещеннаго! Но они идутъ еще дальше, утверждая, что Духъ святой *исходитъ* отъ Отца и Сына, а не отъ одного Отца».

«Кто когда-либо проповѣдывалъ подобный догматъ? Какой смѣй говоритъ ихъ устами? Какой истинный христіанинъ исповѣдуетъ въ Троицѣ двойное начало, двойную причину? Высказывать подобное мнѣніе не значитъ-ли говорить, что Отецъ есть *причина* Сына и св. Духа и что Сынъ равнымъ образомъ есть *причина* св. Духа? Такимъ образомъ образуютъ двухъ Боговъ и возобновляютъ мпеологію. Для чего св. Духу исходитъ *отъ Сына*, когда исхождение *отъ Отца* вполне совершенно? Что это за исхождение *отъ Сына* и для чего оно изобрѣтено? По-истинѣ это есть дѣло бесполезное и пустое».

Фотій удивительнымъ образомъ опровергаетъ это западное заблужденіе посредствомъ сравненія между собою православныхъ истинъ, началъ философіи и ученія отцевъ Церкви. Этимъ опроверженіемъ онъ представляетъ доказательство своей великой богословской глубины; онъ утверждаетъ, что западное ученіе разрушаетъ правильное понятіе о Троицѣ, смѣшивая свойства каждаго лица и усвоая ихъ всецѣлой Троицѣ. Въ глазахъ св. патріарха новая ересь есть введеніе къ великому отреченію, котораго виновникомъ будетъ антихристъ. Славный Фотій ясно созерцаетъ будущія судьбы западной церкви; факты подтвердили справедливость его предвѣдѣнія; онъ былъ пророкомъ.

Въ остальной части своего окружнаго посланія, Фотій извѣщаетъ патріарховъ о томъ, что сдѣлано было на соборѣ, созванномъ имъ въ Константинополѣ, на которомъ осуждена была новая ересь и подтверждены древніе каноны. Онъ упоминаетъ о письмахъ, присланныхъ ему съ Запада, въ которыхъ его просятъ подвергнуть осужденію заблужденія, принятыя въ западныхъ обла-

стяхъ; онъ оканчиваетъ свое посланіе, приглашая патріарховъ распорядиться о принятіи въ ихъ церквахъ седьмого вселенскаго собора, созваннаго противъ иконоборцевъ.

Это посланіе, распространенное на Западѣ, привело папу Николая въ большое затрудненіе. Не будучи въ силахъ отвѣчать на него, онъ обратился къ франкскимъ епископамъ, еще пользовавшимся тогда большою славою, хотя умственное движеніе, созданное Карломъ, находилось уже въ упадкѣ.

Архіепископъ Реймскій Глигмаръ былъ тогда самымъ выдающимся человѣкомъ въ церкви франкской. Николай обратился къ нему, прося его помощи противъ Константинопольскаго патріарха. Папа не осмѣливается назвать по имени своего ученаго противника и приписываетъ императорамъ Михаилу и Василию укоры, предметомъ которыхъ сдѣлалась западная церковь. «Изъ всѣхъ нашихъ скорбей—говоритъ онъ ¹⁾, самая чувствительная состоитъ въ томъ, что императоры Михаилъ и Василій обвиняютъ насъ въ ереси. Они побуждаются къ этому ненавистью и завистью. Ихъ ненависть истекаетъ изъ того, что мы отвергли посвященіе Фотія; а зависть ихъ истекаетъ изъ того, что царь Болгарскій просилъ у насъ миссіонеровъ и церковнаго устройства; между тѣмъ, какъ они сами подъ предлогомъ религіи хотятъ поработить этотъ народъ. Насъ упрекаетъ въ томъ, что мы вводимъ воздержаніе въ субботу и говоримъ, что св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына; они утверждаютъ, что мы осуждаемъ бракъ, потому что запрещаемъ священникамъ жениться; они находятъ дурнымъ то, что мы возбраняемъ священникамъ помазаніе муромъ на челѣ крещенныхъ, они ложно прибавляютъ, что мы смѣшиваемъ муро съ водою».

Этотъ послѣдній упрекъ не находится въ посланіи Фотія къ патріархамъ, равно какъ Фотій не упрекаетъ западныхъ христіанъ въ осужденіи брака; онъ говоритъ только, что, запрещая бракъ священникамъ, западные наносятъ оскорбленіе браку и повидимому дѣлаютъ уступку манихейству.

¹⁾ Nicol., *Epist.* 70 ap. *Labb. Conc.* t. VIII, Flodoard, III, 17; *Annal.* Berlin.

Николай продолжаетъ перечислять различные упреки, дѣлаемые греками латинянамъ ссылаясь на *различныя сочиненія*. Такимъ образомъ Фотій не отвѣтственъ во всемъ томъ, что было писано о латинянахъ. Но полемика была возбуждена и каждый высказалъ свое слово. Греки нападали на латинскій клиръ даже за ихъ внѣшній видъ и укоряли ихъ въ томъ, что они брѣютъ бороду. Всѣ перечисленные Николаемъ упреки были справедливы, но папа утверждалъ, что греки не имѣли права дѣлать этихъ упрековъ.

«Достовѣрно—говорить онъ—что всѣ западныя церкви всегда были согласны съ престоломъ св. Петра во всѣхъ этихъ пунктахъ; такъ, намъ надобно соединиться для опроверженія этихъ клеветъ. Митрополиты должны созвать своихъ подчиненныхъ епископовъ для разсужденія о томъ, что надобно отвѣчать на это, и всѣ ихъ сужденія должны быть присланы къ намъ, а мы присоединимъ ихъ къ нашимъ собственнымъ опроверженіямъ. Очевидно, что факты, направленные противъ насъ, одни—ложны, а другіе всегда существовали въ практикѣ Римской церкви и всей западной церкви».

Однакоже ложный догматъ *Filioque* еще не былъ древнимъ, и Римская церковь еще не ввела его въ Символь.

«Не надобно удивляться—говоритъ Николай—тому, что Греки возстаютъ противъ нашихъ преданій, ибо они осмѣливаются утверждать, будто первенство Римской церкви перешло въ церковь Константинопольскую послѣ того, какъ императоры перенесли свою резиденцію въ Константинополь ¹⁾. Но этой то причинѣ Фотій въ своихъ посланіяхъ усволяетъ себѣ титулъ архіепископа и патріарха вселенскаго». Мы замѣтили уже, что падя щекотливость Нико-

1) Флери (*livr 51, § 6*), анализируя письмо Николая, съ полною откровенностію говоритъ: «вотъ въ первый разъ, какъ я нахожу ясно выраженнымъ *это притязаніе грековъ*, служащее основаніемъ ихъ схизмы». Честный Флери никогда не находилъ никакого доказательства въ подтвержденіе того мнимаго *притязанія*, котораго греки никогда не имѣли; потому что они никогда не оспаривали первенства римскаго престола; они всегда допускали его въ границахъ вселенскихъ соборовъ; ихъ мнимая схизма состоитъ лишь въ томъ, что они навсегда остались вѣрными соборамъ, какъ въ отношеніи къ этому ученію, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

лая, Фотій не усвоялъ себѣ этого титула въ посланіяхъ адресованныхъ къ папѣ; Фотій имѣлъ право на этотъ титулъ, и титулъ этотъ не имѣлъ того значенія, которое усволяетъ ему Николай. Но вѣроятно Фотій принялъ его, когда не имѣлъ уже болѣе надобности щадить Римскаго патріарха.

Сказавши, что только обстоятельства помѣшали ему собрать всѣхъ епископовъ въ Римѣ, Николай присовокупляетъ:

«Прежде чѣмъ мы послали своихъ пословъ въ Константинополь, греки осыпали насъ похвалами, и превозносили Римскую церковь; но послѣ того, какъ мы ихъ осудили, ихъ языкъ сталъ другимъ, и они осыпаютъ насъ оскорбленіями. Не имѣя ничего сказать о нашей личности, они нападаютъ на наши преданія, противъ которыхъ ихъ предки никогда не осмѣливались возставать».

Николай не былъ сильно знакомъ съ исторіей церкви; соборъ Трульскій въ своихъ канонахъ содержитъ опроверженіе, довольно рѣшительное, ложныхъ римскихъ преданій; Фотій же только присовокупляетъ къ нимъ протестъ противъ заблужденій, допущенныхъ на Западѣ уже послѣ этого собора. Николай писалъ епископамъ германскимъ въ томъ же духѣ, какъ и къ франкскимъ епископамъ.

Николай скончался спустя немного времени послѣ написанія этихъ посланій. Въ Константинополѣ еще не знали объ его смерти, когда Василій Македонянинъ убилъ императора Михаила, своего благодѣтеля, и себя одного провозгласилъ императоромъ. Хотя онъ уже былъ Августомъ, т. е. императоромъ при жизни Михаила, но онъ снова захотѣлъ короноваться чрезъ Фотія ¹⁾, въ чемъ великій

1) Гефеле утверждаетъ, что Фотій короновалъ (а sacré) Василія и допустилъ его къ церковному общенію послѣ убійства Михаила. Онъ ссылается на одно письмо Фотія къ Василію, которое приводитъ слѣдующимъ образомъ:

«Я не хочу припоминать тебѣ, что это я посвятилъ тебя на царство (t'ai sacré pour être souverain) и что ты изъ моихъ рукъ принималъ св. Тайны».

Онъ противопоставляетъ это обстоятельство разсказу Зонары и Льва Грамматика, которые утверждаютъ, что Фотій отказалъ въ св. Причастіи новому императору, когда тотъ прибылъ въ церковь св. Софіи для своего провозглашенія. Но Гефеле, историкъ, ссылавшійся на Зонару и Льва, не читалъ этого письма Фотія. Но если Гефеле читалъ его, то онъ не понялъ его и дурно перевелъ.

патріархъ отказалъ ему ¹⁾; вотъ почему Василій изгналъ его и призвалъ Игнатія на Константинопольскій престолъ. Возрадовались все враги Фотія и преимущественно иконоборцы, которые видѣли въ ученѣмъ патріархѣ самаго опаснаго врага своего. Фотій посвятилъ всю свою жизнь на возстановленіе церквей, опустошенныхъ ими. Они снова набросились на эти церкви ²⁾, скрывая свое святотатство подъ маскою благочестивой ревности по Игнатію.

Василій послалъ въ Римъ пословъ съ письмами къ папѣ Николаю. Игнатій равнымъ образомъ послалъ туда своихъ представителей. Да и Фотій рѣшился защищать свое дѣло въ Римѣ. Его посланные потерпѣли кораблекрушеніе, за исключеніемъ монаха Меодія; этотъ послѣдній не считъ однако-же благовременнымъ заявить о себѣ, видя страстность, съ какою въ самомъ началѣ судили патріарха, котораго онъ былъ защитникомъ. Когда посланные императора и Игнатія прибыли въ Римъ, Николай уже померъ и былъ замѣщенъ Адріаномъ II. Новый папа принялъ посланныхъ, которые принесли ему подарки вмѣстѣ съ документами, предназначенными для его предшественника. Между этими документами находились и акты собора, созваннаго Фотіемъ противъ Николая. Они были написаны въ двойномъ экземплярѣ. Изъ нихъ Фотій адресовалъ одинъ Людовику II, западному императору и королю Италіи. Этотъ экземпляръ былъ похищенъ у тѣхъ, которые были отправлены съ нимъ, а другой, найденный у Фотія, былъ отнятъ у него, когда онъ былъ отправленъ въ ссылку. Одинъ былъ уничтоженъ въ Константинополѣ, а другой посланъ въ Римъ. Посланный Василія въ своей излишней ревности бросилъ его къ ногамъ и поразилъ мечемъ въ присутствіи папы; экземпляръ этотъ предалъ пламени и присудили сжечь все экземпляры, которые могли еще

Фотій въ своемъ письмѣ говоритъ только о духовныхъ отношеніяхъ (relations) въ которыхъ онъ находился съ Василіемъ послѣ того, какъ послѣдній былъ пригласенъ къ императорскому двору, какъ въ званіи *цезаря*, такъ и въ званіи *августа*. Въ теченіи этого времени онъ конечно много разъ допускалъ его къ причащенію до самой смерти Михаила. Гегеле не могъ прочесть чего-либо другаго въ этомъ письмѣ Фотія къ Василію, о каковомъ письмѣ мы скажемъ ниже еще.

¹⁾ Zonar. *Leon Grammat.*

²⁾ Phot. *Epist.* 99, 100 et. 111, *Edit. Lond.*

существовать. Вотъ прекрасный случай говорить о немъ все, что только хотѣли сказать ¹⁾. Папа на соборѣ, созванномъ въ Римѣ, возбудилъ противъ Фотія всякія обвиненія, какія только могъ; и не было ни одного человѣка, который защищалъ-бы его. Папа извѣстилъ обо всемъ, что было рѣшено въ присутствіи посланныхъ Игнатія и императора и писалъ къ тому и другому письма для ихъ удостовѣренія. Всѣ посланные возвратились въ Константинополь съ тремя папскими легатами, Донатомъ, Стефаномъ и Марпиномъ, долженствовавшими вмѣстѣ съ Игнатіемъ созвать соборъ, дабы привести въ исполненіе папскія рѣшенія.

Соборъ былъ созванъ. Къ нему допущены были только тѣ, которые подписали нѣкотораго рода исповѣданіе, присланное изъ Рима; такимъ образомъ друзья и защитники Фотія были исключены изъ собора. Существующія дѣянія этого собора принадлежатъ Анастасію бібліотекарю. Подлинный-же экземпляръ, вынесенный легатами изъ Константинополя, былъ похищенъ на пути разбойниками, которые ихъ ограбили. Анастасій бібліотекаръ снялъ съ него только копію. Такимъ образомъ существующіе акты этого собора исключительно принадлежатъ этому писателю. При обнародованіи ихъ, онъ присоединилъ къ нимъ предисловіе, въ которомъ признается, что видоизмѣнилъ многіе документы, чтобы сдѣлать ихъ болѣе точными.

Такимъ образомъ, основываясь на словахъ писателя, заслужившаго анафемѣ и отлученію въ самомъ Римѣ, признаютъ акты собора, и осмѣливаются называть его на Западѣ *восьмымъ вселенскимъ соборомъ* ²⁾. Надобно согласиться, что не легко признать

¹⁾ Гёфеле (livr XXIII, § 479) говоритъ, что нельзя полагаться на Фотія въ отношеніи къ тому, что говорится на его соборѣ, низложившемъ Николая, «потому что въ практикѣ *надобно держаться* слѣдующаго правоваго начала: *audiatur et altera pars*». Здѣсь же онъ приводитъ примѣчаніе, въ которомъ отсылаетъ читателя къ врагамъ Фотія, къ Николаю и Митрофану, для сужденія о Фотіи. Но онъ не считаетъ полезнымъ и для враговъ Фотія слѣдовать приведенному имъ правовому правилу; *audiatur et altera pars*; да и самъ Гёфеле никогда не вспоминаетъ объ этомъ правилѣ, когда дѣло идетъ о святомъ и ученомъ Константинопольскомъ патріархѣ.

²⁾ Осужденіе Анастасія бібліотекаря упоминается въ *Annales de Saint—Bertin*, изданнымъ подъ наблюденіемъ Гинкмара, архіепископа Реймскаго. Признавая это,

непогрѣшимость повѣствованій писателя-лжеца. Итакъ, *благодаря только вымысламъ этого писателя*, мы расскажемъ то, что происходило на этомъ пресловутомъ соборѣ ¹⁾.

Надо потерять всякое понятіе о томъ, каковъ долженъ быть *вселенскій* соборъ, чтобы приписывать это качество собранію, низложившему Фотія. Соборъ не можетъ быть признаваемъ *вселенскимъ*, если только на немъ не идетъ дѣло о вопросѣ вѣры, въ отношеніи къ которому необходимо получить свидѣтельство всѣхъ церквей для опредѣленія истиннаго смысла вѣры. На Константинопольскомъ-же собраніи этомъ дѣло шло о вопросѣ личномъ, и епископы вовсе не свидѣтельствовали о постоянной вѣрѣ своихъ уважаемыхъ церквей; поэтому на этомъ соборѣ они были только простыми богословами, болѣе или менѣе учеными, болѣе или менѣе независимыми, призванными высказать свое мнѣніе о лицѣ и дѣяніяхъ одного изъ богослововъ. Такимъ образомъ этому собранію усвоено названіе вселенскаго только ради обольщенія людей простыхъ и для удовлетворенія ненависти враговъ уважаемаго патріарха.

Соборъ былъ открытъ 5-го октября 869 года въ церкви св. Софій. ²⁾ Кромѣ папскихъ легатовъ, здѣсь присутствовать Илія, посланный патріарха Іерусалимскаго и Ѳома, архіепископъ Тирскій. Патріархъ Антиохійскій не былъ въ живыхъ. Послы-же Александріи прибыли только подъ конецъ собора. Илія могъ по справедливости называть себя посланнымъ патріарха Іерусалимскаго, но Ѳома не былъ посылаемъ патріархомъ Антиохійскимъ, потому что этотъ патріархъ не былъ въ живыхъ. Когда Илія и Ѳома прибыли въ Константинополь, имъ рассказали все, что совершилось по поводу дѣлъ Фотія и Игнатія. Они удивились тому, что имъ

Гефеле (livr. XXIII § 484) выдумалъ, по примѣру другихъ современныхъ намъ писателей, нѣкотораго *кардинала Анастасія*, который будто бы и былъ отлученъ. Но эти повѣйшіе писатели лучше ли современниковъ знаютъ то, что происходило въ Римѣ?

¹⁾ Дѣянія собора на греческомъ языкѣ, съ котораго Анастасій будто-бы сдѣлалъ свой переводъ, погибли; существуетъ только латинскій переводъ ихъ. Іезуитъ Матвій Радеръ нашелъ нѣкоторыя греческія отрывки, относящіяся къ этому собору, но отрывки эти несогласны съ латинскимъ переводомъ Анастасія.

²⁾ Labb. *Conc. t. VIII.*

сообщили враги Фотія и составили заявленіе, въ которомъ признавали все, опредѣленное папою Николаемъ. Это заявленіе было прочитано въ первомъ засѣданіи собора, равно какъ здѣсь-же были прочитаны посланія Адріана II къ императору Василію и къ Игнатію, въ отвѣтъ на посланія, адресованныя ими къ папѣ Николаю. Въ своемъ посланіи къ Василію Адрианъ II говоритъ: мы желаемъ, чтобы вы собрали многочисленный соборъ, на которомъ предсѣдательствовали-бы наши легаты и на которомъ были-бы изслѣдованы предосудительные поступки, совершенные Фотіемъ. Соборъ можетъ по своему усмотрѣнію даровать снисхожденіе всѣмъ, исключая Фотія, котораго посвященіе должно быть безусловно осуждено. На этомъ соборѣ публично должны быть сожжены всѣ экземпляры ложнаго собора, созданнаго противъ св. престола, и подъ угрозой изложенія и анафемы должно быть запрещено сохраненіе всѣхъ подобныхъ экземпляровъ. Опредѣленія римскаго собора противъ Фотія должны быть подписаны всѣми членами вашего собора и должны быть сохраняемы въ архивахъ всѣхъ церквей. Папа требуетъ наконецъ, чтобы въ нему прислали четырехъ монаховъ—священниковъ римскихъ, которые находились въ переннискѣ съ Фотіемъ, ¹⁾ дабы ихъ наказать, какъ они того заслуживаютъ. Въ своемъ письмѣ къ Игнатію Адрианъ II объявляетъ ему, что онъ во всемъ согласенъ съ своимъ предшественникомъ, преимущественно-же въ отношеніи къ Фотію и въ отношеніи къ Григорію Сиракузскому. Онъ не говоритъ ничего о томъ, въ чемъ именно укоряли послѣдняго, котораго дѣло осталось нерѣшеннымъ и противъ котораго никогда не возбуждали никакого положительнаго обвиненія. Итакъ папа хотѣлъ польстить Игнатію, который питалъ неудовольствіе противъ Григорія, не осмѣливаясь однако-же объявить причину

1) Кромѣ этихъ монаховъ, и другіи западныя лица находились въ перепискѣ съ Фотіемъ, таковы въ частности: Іоаннъ, епископъ—эксархъ Равеннскій, охранявшій противъ Рима независимость своего престола; епископы Кельнскій и Трирскій, признавшіе вмѣстѣ съ двумя соборами разводъ Лотари и ведшіе очень живую борьбу съ Николаемъ. Фотій состоялъ также въ перепискѣ съ Людовикомъ II, внукомъ Людовика Благочестиваго, и королемъ Італіи, и съ западнымъ императоромъ.

этого неудовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, Григорій былъ сыномъ Льва Армянина, того императора, который низложилъ Михаѣла Ранговея, отца Игнатія, и искажилъ обоихъ сыновей его. Игнатій не осмѣливался признаться, что онъ перенесъ на сына неудовольствіе противъ его отца. Тѣмъ болѣе папа не осмѣливался говорить объ этомъ-же и казалось забылъ о томъ, что его предшественники претендовали на зависимость Сирагузъ отъ ихъ престола, и слѣдовательно Игнатій не могъ судить Григорія.

Подъ конецъ своего письма, Адрианъ II высказываетъ желаніе, чтобы приняли духовныхъ лицъ, посвященныхъ Фотіемъ, и сохранили за ними ихъ іерархическія степени, если только они подпишутъ римское исповѣданіе. Но если посвященіе самого Фотія было незаконно, какъ утверждаетъ это папа, то какимъ образомъ могли признать законно-посвященными всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ посвятилъ?

Только восемнадцать человекъ присутствовало во время перваго засѣданія собора, именно 12 восточныхъ епископовъ, объявившихъ себя противъ Фотія, Игнатія, три папскихъ легата, Ілія, епископъ Іерусалимскій, и Ѳома, архіепископъ Тирскій.

Патрицій Ваганей (Bahanes) былъ представителемъ императора; послѣ чтенія папскихъ посланій, заявленія Ілія и Ѳомы и послѣ чтенія *исповѣданія* ¹⁾, которое должны были подписать всѣ желавшіе принять участіе въ соборѣ, Ваганей отъ имени сената предложилъ слѣдующій вопросъ: «Мы просимъ васъ разсѣять смущающія насъ сомнѣнія: какимъ образомъ вы могли осудить Фотія, никогда не видѣвши его?» Легаты отвѣчали: «папа Николай осудилъ его на основаніи его собственныхъ писемъ и на основаніи показаній пословъ, которыхъ къ нему прислали». — Сенатъ спросилъ еще: «какіе это послы?» — Легаты отвѣчали: «императоръ прислалъ прежде всего Арзабазу съ четырьмя другими епископами, которыхъ именъ мы не знаемъ. Арзабазъ былъ снабженъ письмомъ императора; въ этомъ письмѣ императоръ говорилъ объ иконо-

¹⁾ Въ этомъ исповѣданіи римскому епископу усвоаютъ титулы: верховнаго первосвященника и вселенскаго папы. Пала св. Григорій осудилъ эти титулы, какъ *дьявольскіе* и достойные антихриста.

борцахъ, а въ концѣ письма объ изгнаніи Игнатія и требовалъ отъ папы прислать легатовъ въ Константинополь. Эти-то легаты созвали соборъ, бывшій разбойничьимъ, и дѣянія этого-то собора императоръ прислалъ въ Римъ вмѣстѣ съ письмами—своимъ и Фотія; всѣми этими документами папа и былъ извѣщенъ. Послѣ этого папа созвалъ соборъ, на которомъ осудилъ своихъ легатовъ и отвергъ Константинопольскій разбой.

Этотъ отвѣтъ легатовъ Адріана II доказываетъ, что Фотій не былъ выслушанъ и что Николай дѣйствовалъ пристрастно. Послания Фотія къ Николаю извѣстны; онѣ дѣлаютъ ему величайшую честь. Что-же касается дѣяній собора, происходившаго въ присутствіи легатовъ, то какимъ образомъ Николай могъ знать, что дѣянія эти были неправильны, когда онъ не могъ проконтролировать ихъ законности?

Когда-же Ваганей предложилъ Іліѣ и Ѳомѣ тотъ самый вопросъ, который былъ предложенъ римскимъ легатамъ, тогда Ілія отвѣчалъ, что Игнатія всегда признавали патріархомъ въ трехъ патріархатахъ, Іерусалимскомъ, Антиохійскомъ и Александрійскомъ и что на этомъ основаніи они осуждаютъ Фотія. Этотъ отвѣтъ былъ ложнымъ; Фотій послалъ свою общительную грамоту ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ, какъ послалъ ее и къ римскому патріарху; и именно къ патріархамъ восточнымъ онъ обратился съ извѣщеніемъ о западныхъ заблужденіяхъ. Все это произошло въ первое засѣданіе собора.

К. И—нъ.

(Продолженіе будетъ).

ОНТОЛОГІЯ

или

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О БЫТИИ ВООБЩЕ

(по В. Вовне'у).

(Продолженіе *)

V.

О конечномъ и Безконечномъ.

1. Постановка проблемы о значеніи Безконечнаго для системы вещей.—2. Отношеніе конечнаго къ Безконечному. Понятіе о Безконечномъ, какъ о дѣятелѣ.—3. Конечное—не часть или модусъ Безконечнаго, но Его актъ или твореніе.—4. Отношеніе Безконечнаго къ конечному. Природа Безконечнаго или Его цѣль составляетъ единственное опредѣляющее основаніе конечнаго.—5. Разборъ возраженій.—6. Зависимость основныхъ принциповъ мысли и всякой истины отъ Безконечнаго.—7. Неудачныя попытки нѣкоторыхъ мыслителей найти ограниченіе Безконечнаго.—8. Абсолютный монизмъ основнаго бытія.

Въ предшествующемъ изслѣдованіи мы достигли того заключенія, что всѣ вещи нѣкоторымъ образомъ зависятъ отъ одного основнаго существа, которое единственно есть самосуществующее. Но это заключеніе возбуждаетъ много вопросовъ и не мало затрудненій. Въ частности, отношеніе конечнаго къ Безконечному требуетъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. До сихъ поръ мы опредѣляли его только какъ отношеніе зависимости, не стараясь яснѣе раскрыть характеръ или форму этой зависимости. Получить болѣе опредѣленное понятіе объ этомъ отношеніи составляетъ задачу настоящаго изслѣдованія. Далѣе.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 22.

то заключеніе, что всякое множество основывается и держится на основномъ единствѣ, ведетъ за собою нѣкоторыя чрезвычайно важныя спекулятивныя слѣдствія, которыя должны быть выяснены. Природу Безконечнаго Существа мы сдѣлаемъ предметомъ дальнѣйшаго изслѣдованія, а теперь постараемся опредѣлить Его значеніе для системы, въ силу Его положенія, какъ основнаго и безконечнаго. Мы можемъ мыслить это Существо, какъ разумнаго дѣятеля, опредѣляющаго свой образъ дѣйствій сообразно съ извѣстнымъ планомъ и цѣлью; но мы можемъ также смотрѣть на него, какъ на слѣпую и бессознательную субстанцію, развивающуюся по внутренней необходимости. Въ первомъ случаѣ система міра была бы свободнымъ актомъ Безконечнаго; въ послѣднемъ—она была бы необходимымъ слѣдствіемъ природы Безконечнаго. Первый взглядъ былъ бы теизмомъ; послѣдній—былъ бы пантеизмомъ. Въ послѣдствіи мы постараемся рассмотреть, какой изъ этихъ двухъ взглядовъ долженъ быть принятъ и какой оставленъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ Безконечное должно быть рассматриваемо, какъ единственное опредѣляющее основаніе системы вещей. Оно есть источникъ и всякаго закона, всякаго обнаруженія и всякаго движенія въ системѣ міра. Слѣдствія этого принципа могутъ быть обсуждаемы независимо отъ всякаго отношенія къ теистическому вопросу. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, двѣ проблемы для изслѣдованія: 1) отношеніе конечнаго къ Безконечному и 2) отношеніе Безконечнаго къ конечному. И здѣсь, по обыкновенію, мы беремъ за исходный пунктъ предположеніе, что конечныя вещи реальны. Если мы должны измѣнить этотъ взглядъ, то лишь если того потребуетъ критика.

2. Изслѣдованіе понятія о бытіи освободило насъ отъ ложной идеи о пассивномъ существованіи или чистомъ бытіи. Мы нашли тамъ, что понятіе о субстанціи вполнѣ исчерпывается понятіемъ о дѣятелѣ или причинѣ, и что только дѣятельное можетъ быть называемо существующимъ. Поэтому, Безконечное не должно быть рассматриваемо, какъ пассивная субстанція, но какъ единый и нераздѣльный дѣятель. Въ самомъ дѣлѣ, ошибочныя соозначенія понятія о субстанціи таковы, что

лучше оставить его въ данномъ случаѣ и замѣнить его понятіемъ о причинѣ или дѣятелѣ. Такая замѣна представляетъ большія выгоды. Понятіе о субстанціи ведетъ за собою многія мечты воображенія, которыя служатъ постоянными источниками заблужденій. Оно обыкновенно понимается, какъ нѣчто пластическое, или какъ родъ матеріи, которая можетъ принимать формы разныхъ вещей. Эти грубыя представленія имѣли видное вліяніе на большую часть пантеистическихъ философовъ. Безконечное было разсматриваемо почти какъ родъ сыраго матеріала, изъ котораго сдѣлано конечное, и отсюда оно наконецъ отчасти поглощалось конечнымъ. Иногда его представленіе менѣе грубо; и Безконечное является, какъ родъ основы конечнаго, подобно тому, какъ пространство кажется безконечною основою и возможностью всѣхъ конечныхъ фигуръ въ немъ. О Безконечномъ далѣе говорится, что оно производитъ или развиваетъ конечное само изъ себя; или процессомъ самораздѣленія переходитъ изъ собственнаго единства во множество конечныхъ вещей. Оно есть чистое бытіе, которое является во всѣхъ вещахъ, какъ реальная основа ихъ существованія.

3. О конечныхъ вещахъ, съ другой стороны, говорится, какъ о частяхъ или видоизмѣненіяхъ Безконечнаго, или какъ объ истеченіяхъ (эманацияхъ) изъ Безконечнаго, или какъ объ участвующихъ въ безконечной субстанціи. Многіе пантеистическіе мыслители говорили о Богѣ, какъ о существѣ, создающемъ міръ изъ самаго себя. Другіе, далѣе, находятъ міръ въ Богѣ предшествующимъ творенію, и на твореніе смотрятъ, какъ на переходъ этихъ скрытыхъ потенціальностей въ дѣйствительность. И тѣ и другіе одинаково примѣняли къ данной проблемѣ понятіе количества и такимъ образомъ занимались изслѣдованіемъ того, равенъ-ли Богъ прежде творенія Богу plus міръ послѣ творенія. Вся эта категорія взглядовъ основывается на ложномъ и некритическомъ понятіи о субстанціи, отождествляющемъ ее съ чистымъ бытіемъ или матеріаломъ; грубость и несостоятельность ихъ сразу обнаруживается, если раскрыть понятіе о матеріалѣ. Въ бытіи нѣтъ никакого матеріала. Безконечная субстанція означаетъ без-

конечнаго дѣятеля, одинаго и нераздѣльнаго. Для объясненія вселенной намъ нужна не субстанція, а дѣятель, не субстанціальность, а причинность. Послѣднее понятіе заключаетъ въ себѣ значеніе перваго и сверхъ того свободно отъ чувственныхъ соозначеній.

Эта необходимость смотрѣть на всякое истинное существованіе, какъ на дѣятельное и единичное, сразу подрываетъ большую часть доктринъ пантеистическаго направленія. Когда мы говоримъ о Безконечномъ, какъ о субстанціи, ошибочныя аналогіи чувственнаго опыта тотчасъ представляютъ его допускающимъ дѣленіе, сложеніе и т. п.; но когда мы говоримъ о немъ, какъ о дѣятелѣ, эти мечты исчезаютъ сами собою. Какъ дѣятель, оно есть единица, а не сумма или агрегатъ. Оно, слѣдовательно, не имѣетъ частей, и понятія о дѣлимости и сложенія къ нему не примѣнимы. Поэтому, мы не можемъ смотрѣть на конечное, какъ на часть Безконечнаго, или какъ на истеченіе (эмапацію) изъ Безконечнаго, или какъ на участвующее въ безконечной субстанціи; потому что всѣ эти выраженія предполагаютъ дѣлимость Безконечнаго и, слѣдовательно, такой характеръ его, что оно оказывается чѣмъ-то въ родѣ матеріала. Равнымъ образомъ на конечное нельзя смотрѣть, какъ на продуктъ самораздѣленія Безконечнаго; потому что это также было-бы несовмѣстно съ необходимымъ единствомъ. Всѣ эти взгляды на самомъ дѣлѣ отрицаютъ Безконечное и замѣняютъ Его агрегатомъ. Если единое раздѣляется на многое, то оно есть только сумма многаго. Но вслѣдствіе этого, единое исчезаетъ, и только многое реально существуетъ. Выходитъ двойная трудность. Во-первыхъ, понятіе о раздѣленіи не примѣнимо къ истинному бытію, а только къ агрегатамъ; и во-вторыхъ, если оно примѣнимо, то результатъ раздѣленія Безконечнаго уничтожилъ-бы его и замѣнилъ-бы его суммою конечнаго. Но это значило-бы возвратиться къ невозможному плюрализму некритической мысли. Попытка раздѣлить и удержать единство въ одно и то же время была-бы тѣмъ-же самымъ, какъ если-бы кто-нибудь захотѣлъ говорить о математической единицѣ, какъ производящей множество путемъ самораздѣленія и какъ объ

остающейся все-таки единицей послѣ дѣленія. Необходимое единство Безконечнаго не позволяетъ отождествлять его съ конечнымъ, вполнѣ или отчасти. Если конечное есть нѣчто реальное, оно должно быть разсматриваемо, какъ субстанціально отдѣльное отъ Безконечнаго, не какъ происшедшее отъ Него, но какъ созданное Имъ. Только твореніе можетъ примирить реальность конечнаго съ единствомъ Безконечнаго; потому что конечное, если оно реально, есть дѣятель; и, какъ такое, оно не можетъ быть сдѣлано изъ чего нибудь, но должно быть полагаемо въ бытіи Безконечномъ. Какъ это можетъ быть, мы не претендуемъ этого знать; но всякій другой взглядъ разбивается о свои собственные противорѣчія.

Тѣ-же самыя возраженія существуютъ противъ всѣхъ взглядовъ, по которымъ конечное представляется, какъ модусъ Безконечнаго. Въ обычномъ его употребленіи этотъ терминъ основывается на понятіи о пассивной субстанціи и чистомъ бытіи. О бытіи говорится, какъ о единомъ по сущности, но различномъ по модусамъ, подобно тому, какъ одинъ и тотъ-же сырой матеріалъ можетъ быть обработанъ въ различныхъ формахъ. Сообразно съ этимъ, всѣ конечныя вещи называются модусами или видоизмѣненіями Безконечнаго. Но трудно истолковать подобныя выраженія такъ, чтобы избѣжать нелѣпости чистаго бытія и удержать необходимое единство Безконечнаго. Взглядъ, обыкновенно соединяемый съ такими возраженіями, состоитъ въ томъ, что каждая вещь есть особенная и отдѣльная часть Безконечнаго, точно также, какъ каждая волна моря не есть волна или модусъ всего моря, а только той части его, которую объемлетъ эта самая волна. Но единство бытія совмѣстно со множествомъ атрибутовъ только тогда, когда каждый атрибутъ есть атрибутъ всей вещи. Всякое понятіе о различныхъ состояніяхъ, которыя суть состоянія только части существа, уничтожало бы его единство. Все существо должно присутствовать въ каждомъ состояніи; а этого не можетъ быть, пока къ проблемѣ примѣняется понятіе количества. Поэтому, говоря о конечныхъ вещахъ, какъ о модусахъ Безконечнаго, мы не должны представлять себѣ это отношеніе, какъ отношеніе моря къ его волнамъ или какъ отношеніе матеріала къ

формѣ, ему придаваемой. Слѣдовательно, если конечныя вещи суть модусы Безконечнаго, каждая вещь должна быть модусомъ всего Безконечнаго; а Безконечное должно присутствовать въ своемъ единствѣ и полнотѣ въ каждой конечной вещи, подобно тому, какъ вся душа присутствуетъ въ каждомъ своемъ актѣ. Всякое другое понятіе о модусахъ уничтожало бы единство Безконечнаго и дѣлало бы модусы вещами, находящимися во взаимодѣйствіи между собою. Слѣдовательно, Безконечное не можетъ быть разсматриваемо, какъ сумма модусовъ, ни какъ существующее отчасти въ одномъ модусѣ и отчасти въ другомъ; но оно должно оказываться одинаковымъ и равнымъ себѣ въ каждомъ модусѣ. Модусы также не должны быть разсматриваемы, какъ формы, въ которыя отливается безконечная субстанція. Даже это грубое представленіе не осталось безъ вліянія въ исторіи философіи; но оно не требуетъ критики. Вообще выраженіе: «модусы бытія» ошибочно. Оно даетъ пищу воображенію; умъ постоянно старается образно понять его. Какъ мы имѣемъ склонность представлять себѣ субстанцію сырымъ матеріаломъ, изъ котораго сдѣланы вещи, такъ мы склонны мыслить модусъ, какъ форму, которую принимаетъ этотъ сырой матеріалъ. Конечно, стараніе воображать его себѣ, вмѣсто того, чтобы мыслить его, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ нелѣпость. Взглядъ на бытіе, какъ на дѣятеля или причину, уничтожаетъ эти заблужденія. Въ самомъ дѣлѣ, никакой другой взглядъ не можетъ соотвѣтствовать требованіямъ мысли относительно модусовъ. Единственная возможность мыслить какое-нибудь существо, какъ всецѣло присутствующее въ каждомъ модусѣ, состоитъ въ устраненіи всѣхъ количественныхъ представленій о немъ и въ пониманіи существа, какъ дѣятеля, а модусовъ, какъ формъ его дѣятельности. Отсюда ученіе, что вещи суть модусы Безконечнаго, можетъ означать только то, что вещи суть лишь постоянныя формы дѣятельности со стороны Безконечнаго, и что ихъ вещьность чисто феноменальна. Конечно, невозможно показать, какъ единое можетъ дѣйствовать различными путями, такъ чтобы производить видимость міра различныхъ и взаимно-дѣйствующихъ вещей; но это значитъ только то, что невозможно показать,

какъ можетъ быть единство въ разнообразіи и, наоборотъ, разнообразіе въ единствѣ.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ слѣдующему заключенію: Безконечное—не пассивная субстанція, но основная причина вселенной. Какъ такое, Оно едино и нераздѣльно и всегда равно самому себѣ.

Относительно конечнаго два взгляда логически возможны. Мы можемъ смотрѣть на него только какъ на форму дѣятельности со стороны Безконечнаго, такъ что оно имѣетъ чисто феноменальное существованіе; или мы можемъ смотрѣть на него, какъ на субстанціальное твореніе со стороны Безконечнаго. Но ни въ какомъ случаѣ невозможно отождествлять Безконечное съ конечнымъ, вполне или отчасти. Выборъ между этими двумя взглядами можетъ быть сдѣланъ только путемъ разсмотрѣнія природы Безконечнаго. Если можетъ образоваться какая-нибудь конечная вещь, способная дѣйствовать сама собою, въ этомъ фактѣ имѣется единственно возможный признакъ реальности, въ отличіе отъ феноменальности. Но такая возможность можетъ быть найдена только въ сознательныхъ дѣятеляхъ. Только въ личности находимъ мы настоящую дѣятельность и индивидуальность въ области конечнаго. Безполезно было бы возражать противъ этого заключенія, что Безконечное можетъ полагать безличныхъ дѣятелей, также какъ и личныхъ; потому что понятіе о безличномъ конечномъ дѣятелѣ уничтожается въ его анализѣ. Какъ безличный, онъ не могъ бы имѣть никакой *субъективной* дѣятельности; а какъ зависимый, онъ не имѣетъ *объективной* дѣятельности. Такимъ образомъ, это понятіе разрѣшается въ пуль. Мы должны сказать, слѣдовательно, что только личность можетъ разграничивать конечное и Безконечное, и что только конечный духъ достигаетъ субстанціальной отдѣльности по отношенію къ Безконечному. Независимо отъ этого, нѣтъ ничего, кромѣ Безконечнаго и Его различныхъ дѣятельностей. Безличное конечное достигаетъ только такой отдѣльности, какую актъ или мысль имѣетъ по отношенію къ своему субъекту. Наконецъ, духъ должно считать сотвореннымъ. Онъ не сдѣланъ, потому что дѣланіе предполагаетъ прежде существующую ма-

терію. Твореніе же означаетъ вызовъ въ существованіе чего-нибудь такого, что прежде не существовало; оно происходитъ такъ, что Творецъ не бываетъ меньше послѣ акта, чѣмъ прежде его. Вотъ все, что твореніе означаетъ; и къ этому взгляду насъ приводитъ противорѣчіе, заключающееся во всякомъ другомъ взглядѣ.

4. Таково отношеніе конечнаго къ Безконечному. Остается разсмотрѣть отношеніе Безконечнаго къ конечному. Въ силу своего положенія въ системѣ реальностей, Безконечное должно быть разсматриваемо, какъ источникъ всякаго происхожденія и обнаруженія. Если конечное не имѣетъ основанія бытія въ самомъ себѣ, то его природу и отношенія должно считать опредѣленными Безконечнымъ; и потому конечное можетъ быть надлежащимъ образомъ понято только со стороны Безконечнаго. На конечное можно смотрѣть, какъ на результатъ или выраженіе плана или цѣли со стороны Безконечнаго; но оно можетъ быть также разсматриваемо, какъ слѣдствіе природы Безконечнаго. Въ первомъ случаѣ основная цѣль содержитъ въ себѣ основаніе для всѣхъ опредѣленных системъ вещей; и знаніе системы міра будетъ зависѣть отъ знанія цѣли, для выраженія или реализаціи которой существуетъ система вещей. Ни одинъ членъ системы не будетъ имѣть никакихъ другихъ онтологическихъ или иныхъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ ему его положеніе и значеніе въ системѣ. Каждая конечная вещь есть то, что она есть, тамъ, гдѣ она есть, и тогда, когда она есть, только вслѣдствіе требованій основнаго плана. Если смотрѣть на Безконечное, какъ на неразумное, и тогда должно считать конечное выраженіемъ природы Безконечнаго. Въ этомъ случаѣ конечное такъ-же зависимо отъ Безконечнаго, какъ и въ первомъ; и природа Безконечнаго становится опредѣляющимъ принципомъ всякаго существованія. Система міра и ея члены будутъ во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ, чего можетъ требовать эта природа, и знаніе того, что можетъ быть и чего не можетъ быть, будетъ зависѣть отъ знанія этой природы. Значеніе Безконечнаго въ каждый данный моментъ будетъ единственнымъ обуславливающимъ основаніемъ всѣхъ вещей и со-

бытій въ системѣ міра. Если происходитъ движеніе, оно должно быть потому, что природа Безконечнаго требуетъ его. Если оно происходитъ въ одномъ направленіи, а не въ другомъ, это дѣлается потому, что природа Безконечнаго не была бы удовлетворена движеніемъ во всякомъ другомъ направленіи. Конечно, невозможно получить какую-нибудь полную формулу для обозначенія этой обуславливающей природы; но данное заключеніе вытекаетъ не изъ какого-нибудь полного знанія о природѣ Безконечнаго, а только изъ понятія о значеніи Безконечнаго въ системѣ. Всѣ мыслители одинаково должны идти за предѣлы конечнаго и искать обуславливающей принципъ конечнаго въ Безконечномъ. Если, напр., мы признаемъ, что физическіе элементы такъ реальны, какъ учатъ физики, мы все-таки должны допустить, что ихъ число, природа и порядокъ ихъ явленій опредѣлены не какою-нибудь онтологическою необходимостью въ самыхъ элементахъ, а только требованіями, налагаемыми на нихъ со стороны Безконечнаго. Если система міра существуетъ для осуществленія извѣстнаго плана, то элементы должны быть во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ, чего требуетъ планъ системы. Если нѣтъ никакого плана, и Безконечное есть слѣпая и бессознательная дѣятельность, то все-таки эта дѣятельность должна быть такой, какой требуетъ природа Безконечнаго для своего выраженія. Съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, элементы должны существовать въ такомъ именно числѣ, порядкѣ и родѣ, какого требуетъ значеніе Безконечнаго. Безъ знанія этой природы, мы не можемъ знать ничего о системѣ. Мы не можемъ сказать, что настоящій порядокъ всегда существовалъ; но мы также не можемъ отрицать его. Мы не можемъ сказать ни того, что члены системы всѣ произведены сразу, ни того, что они произошли постепенно. Равнымъ образомъ мы не можемъ ничего знать о будущемъ. Всегда-ли будутъ существовать члены системы, или же они когда-нибудь исчезнутъ—мгновенно, или постепенно, это вопросы, лежащіе за предѣлами всякаго знанія. Мы не знаемъ, какое направленіе приметъ міровой процессъ въ будущемъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Факты во всѣхъ этихъ случаяхъ зависятъ отъ плана или при-

роды Безконечнаго; и пока мы не имѣемъ никакого понятія объ этомъ планѣ и этой природѣ, наше знаніе и прошедшаго и будущаго должно быть чисто гипотетическимъ. Ни одинъ законъ природы, самъ въ себѣ и самъ собою, не можетъ дать никакого указанія относительно времени и обстоятельствъ своего происхожденія. Если-бы кругъ бытія возникъ по одному слову, то законы системы все-таки имѣли-бы свой фокусъ въ прошедшемъ, подобно тому какъ лучи свѣта отъ выпуклаго зеркала, повидимому, встрѣчаются позади зеркала, а на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Или еслибы какой-нибудь новый порядокъ возникъ въ какой-нибудь моментъ космической исторіи, этотъ новый порядокъ также имѣлъ-бы свой фокусъ въ воображаемой исторіи. Конечно, «объясненія» касательно того, что было и что будетъ, многочисленны; но фактъ, который они въ дѣйствительности объясняютъ, совсѣмъ иной, чѣмъ думаютъ сами объяснители. Если мы признаемъ единообразіе природы, то, конечно, можемъ достигнуть извѣстнаго знанія; но этотъ результатъ будетъ чисто гипотетическимъ. Это единообразіе случайно, и, насколько мы знаемъ, въ каждый моментъ можетъ произойти совершенное нарушеніе всѣхъ наблюдаемыхъ способовъ дѣйствія природы. Причина та, что опредѣляющій принципъ теченія природы лежитъ за предѣлами всякаго наблюденія въ тайномъ планѣ и природѣ Безконечнаго. Каждое ученіе, отрицающее независимость конечнаго, должно допустить эти заключенія. Система міра должна быть во всякое время и во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ, чего требуетъ этотъ планъ и природа. Конечное становится и измѣняется, возникаетъ и исчезаетъ по тому-же самому принципу. Отсюда ясно, что апріорное знаніе системы міра должно быть признано невозможнымъ; потому, что такое знаніе требуетъ вѣдѣнія, какимъ ни одно конечное существо не обладаетъ. Мало того, даже дедукціи изъ опыта имѣютъ только гипотетическое значеніе.

5. Возраженія противъ этихъ заключеній идутъ съ противоположныхъ сторонъ. Мыслители изъ школы грубаго популярнаго знанія, вѣроятно, усумнятся въ истинности положенія, что фзическіе элементы не суть необходимыя и постоян-

ныя величины. Такъ какъ часто говорится о неразрушимости матеріи, то эти двѣ идеи до того срослись въ ихъ умѣ, что они считаютъ невозможнымъ раздѣлять эти идеи. Но такое умственное безсиліе не должно затруднять насъ. Неразрушимость матеріи въ томъ единственномъ смыслѣ, въ которомъ она доказывается, совмѣстна съ совершенною феноменальностію матеріи. И пока она должна оставаться реальною, даже въ этомъ смыслѣ она вполне зависитъ отъ Безконечнаго.

Болѣе важное возраженіе идетъ со стороны интеллектуалистовъ, которые могутъ сказать, что изложенный взглядъ впадаетъ въ вульгарный эмпиризмъ. Если-бы это возраженіе было хорошо обосновано, оно было-бы серьезнымъ. Поэтому, необходимо яснѣе раскрыть изложенное мнѣніе. Во-первыхъ, интеллектуализмъ, если онъ имѣетъ универсальное значеніе, чисто формаленъ. Положимъ, мы признаемъ, что всѣ феномены должны являться въ пространствѣ и подлежать законамъ пространства; этотъ фактъ нисколько не могъ бы опредѣлять, какіе изъ многихъ возможныхъ феноменовъ должны являться въ пространствѣ. Съ законами пространства совмѣстны самыя различныя феномены; слѣдовательно, эти законы не опредѣляютъ, какіе феномены должны осуществляться. Это должно быть опредѣляемо чѣмъ-то внѣ пространства; и чтобы знать результатъ данныхъ обстоятельствъ, мы должны знать болѣе, а не одни только формальные законы пространства. Далѣе, допустимъ всеобщность закона причинности; этотъ формальный законъ отнюдь не рѣшаетъ того, что должно быть причиняемо. Здѣсь опять мы должны идти за предѣлы закона, чтобы найти основаніе для каждаго частнаго событія. Тоже самое истинно по отношенію ко всѣмъ основнымъ умственнымъ принципамъ. Они чисто формальны и не опредѣляютъ спеціальнаго содержанія какого-нибудь факта. Система логическихъ категорій даетъ знаніе только возможнаго и не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о спеціальной природѣ реальности. Съ этими категоріями было-бы совмѣстно множество различныхъ реальныхъ системъ міра; слѣдовательно, онѣ не объясняютъ, почему должна была-бы оказаться реальною одна изъ этихъ возможныхъ системъ, а не другая какая-нибудь.

Специфическая природа реальности всегда должна быть изучаема путемъ опыта. Тому, кто вполнѣ понималъ-бы природу Безконечнаго или цѣль, для которой существуетъ система міра, было-бы возможно вывести ее дедуктивнымъ образомъ, какъ старался сдѣлать это Гегель; но сомнительно, чтобы теперь могъ найтись кто-нибудь, кто претендовалъ-бы на такое знаніе. Если-бы такимъ образомъ, мы имѣли право смотрѣть на основные принципы ума, какъ на имѣющіе универсальное значеніе, мы все-таки имѣли бы только формальное знаніе, а не знаніе реальности. Мы все-таки были-бы далеки отъ знанія того, какова реальность, существующая въ этихъ формальныхъ границахъ. И для насъ нѣтъ другаго пути для достиженія этого знанія, кромѣ опыта.

6. Далѣе, эти основные принципы сами должны основываться на природѣ Безконечнаго. Какъ то, что реально, основывается на Безконечномъ, такъ равно и то, что истинно, основывается на Немъ-же. Въ своемъ конечномъ опытѣ мы оказываемся дѣйствующими подъ вліяніемъ системы законовъ и принциповъ, которые обуславливаютъ насъ и которымъ должны подчиняться всѣ наши дѣйствія. И эти законы не нами составлены, но управляютъ нами даже противъ нашей воли. На основаніи этого образуется понятіе о царствѣ неосязаемыхъ и невидимыхъ законовъ, которымъ подчинена всякая реальность. Мы думаемъ о нихъ, какъ объ управляющихъ бытіемъ, а не какъ основанныхъ на бытіи. И такимъ образомъ, основные принципы, въ частности, понимаются, какъ родъ ни на чемъ не обоснованной необходимости, которой значеніе ни отъ чего не зависитъ, и которая существовала-бы, если-бы даже всякая реальность исчезла. Но несостоятельность этого взгляда очевидна. Законъ всякаго рода, между прочимъ и законы мысли, всегда суть только выраженіе природы бытія. Реальность, будучи тѣмъ, что она есть, а не чѣмъ-нибудь инымъ, обуславливаетъ всякую дѣятельность и всякій законъ. Если-бы сфера закона, независимо отъ бытія, была чѣмъ-нибудь инымъ, а не чистой абстракціей, онъ не могъ-бы управлять бытіемъ. за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вступалъ-бы во взаимодѣйствіе съ бытіемъ. Чтобы законъ могъ управлять въ соб-

ственномъ смыслѣ, для этого на него должны оказывать вліяніе измѣняющіяся состоянія бытія; въ противномъ случаѣ опъ могъ-бы требовать чего-нибудь одного, также какъ и чего-нибудь другаго. Не достаточно одного требованія; необходимо, чтобы это требованіе было приведено въ исполненіе дѣйствіемъ управляющаго начала на подчиненныя ему вещи. Но это сдѣлало-бы законъ вещь. Онъ долженъ былъ-бы дѣйствовать и быть предметомъ дѣйствія; а въ этомъ именно и состоитъ точное опредѣленіе вещи. Поэтому, мы впадаемъ въ чистую иллюзію, когда воображаемъ, что можетъ быть что-нибудь болѣе глубокое, чѣмъ бытіе, или можетъ что-либо быть внѣ бытія. Если оно внѣ бытія, то бытіе должно оставаться безразличнымъ по отношенію къ нему, развѣ только это внѣшнее нѣчто способно дѣйствовать и вліять на бытіе. Но это сразу подводитъ его подъ опредѣленіе бытія. Отсюда всѣ законы, принципы, феномены и всякая конечная реальность должны быть разсматриваемы, такъ слѣдствія или обнаруженія основной реальности. Основныя истины и даже формальныя истины можно считать только выраженіями или слѣдствіями этой реальности, но никогда предшествующими ей или независимыми отъ нея. Можетъ быть, для насъ возможно достигнуть истинъ, которыя должны имѣть всеобщее значеніе въ системѣ, должны быть одинаково истинными и для конечнаго, и для Безконечнаго, но совершенно нелѣпо спрашивать, что было-бы истинно независимо отъ системы міра. Когда мы задаемъ себѣ такой вопросъ, мы всегда представляемъ себѣ при этомъ наши законы мысли, отвлеченныя отъ существующей системы міра; наша воображаемая система всегда строится на основаніи настоящей системы, и это построеніе мы ошибочно принимаемъ за представленіе характера системъ, совершенно отличныхъ отъ нашей. Но отвѣтъ на подобный вопросъ всегда состоитъ въ указаніи того, что теперь истинно для насъ, какъ опредѣленное существующей системой реальности. На вопросъ, можетъ-ли система міра измѣнить свой характеръ, такъ что то, что теперь истинно для ума, въ послѣдствіи могло-бы сдѣлаться ложнымъ для него, возможны различныя отвѣты, смотря по философской точкѣ зрѣ-

нiя. Эмпирикъ, производящiй всякую истину изъ чувственнаго опыта, не можетъ отрицать возможности такого измѣненiя. Напротивъ, интеллектуалистъ, утверждающiй, что въ своихъ интеллектуальныхъ интуицiяхъ онъ владѣетъ знанiемъ о существенной природѣ реальности, долженъ отрицать эту возможность. Онъ будетъ утверждать, что существуютъ извѣстные принципы, которые необходимы и всеобщи, и которые, поэтому, всегда будутъ имѣть свое значенiе. Противъ изложеннаго выше взгляда на законы мысли, какъ лишь на выраженiя природы бытiя, могутъ, далѣе, возразить то, будто этимъ взглядомъ предполагается, что если-бы бытiе было инаго рода, то и истина также была-бы инаго рода, и будто этотъ взглядъ только повторяетъ ученiе Милля, что дважды два въ другомъ какомъ-нибудь мiрѣ могло-бы составить пять. Но Милль осповывалъ истину на индивидуальномъ опытѣ, тогда какъ мы основываемъ ее на природѣ основной реальности. Возраженiе, что если-бы послѣдняя была инаго рода, то и истина была-бы инаго рода, сводится только къ тому, что если-бы каждая вещь существовала иначе, то ничто не было-бы тѣмъ, что оно есть. Это—столько-же истинное, сколько и бесплодное утвержденiе.

7. Нѣкоторые мыслители пытались найти ограниченiе Безконечнаго, указывая на то, что оно подчинено закону нѣкотораго рода; но это только натяжка въ отношенiи понятiя о независимости или абсолютности, уничтожающаяся сама собою. Для мысли о какомъ-нибудь дѣятелѣ, необходимо, чтобы онъ имѣлъ какой-нибудь опредѣленный образъ дѣйствiя. Безъ этого идея о дѣятелѣ разрушается, и дѣятель становится ничѣмъ. Этотъ модусъ, или законъ, или дѣйствiе, однако-же, не навязывается ему со внѣ, а просто есть выраженiе того, что такое этотъ дѣятель, слѣдовательно, не представляетъ никакого ограниченiя для послѣдняго. Умъ не ограничивается законами мысли, но осуществляется въ этихъ законахъ и благодаря имъ. Независимо отъ нихъ онъ—ничто, и они независимо отъ него также—ничто. Законы мысли просто суть выраженiя существенныхъ свойствъ природы ума. Такимъ-же точно образомъ, законы Безконечнаго, вмѣсто того, чтобы

ограничивать Его, только выражаютъ то, что такое Безконечное. Они не предшествуютъ Ему, не отдѣльны отъ Него, не раздѣльны въ Немъ. Всякая реальность есть существо съ опредѣленнымъ образомъ дѣятельности; и на основаніи этого факта мы образуемъ понятіе о законѣ, природѣ и пр. Но фактъ всегда представляетъ существо, находящееся въ дѣйствиіи.

8. Такимъ образомъ, получается заключеніе, что есть одно основное существо, находящееся въ дѣйствиіи, какъ источникъ системы міра и всѣхъ ея законовъ, принциповъ и реальностей. И этотъ монизмъ простирается не только на вещи, но также и на принципы. Нѣкоторые мыслители предполагали нѣсколько основныхъ принциповъ, однаково независимыхъ и между собою, и отъ реальности. Въ особенности пространство и время были признаваемы взаимно независимыми, а также независимыми и отъ всякой реальности, какъ отъ конечной, такъ равно и отъ Безконечной. Обыкновенно въ основаніе такого взгляда полагается то, что пространство и время продолжали-бы существовать, если-бы и Богъ, и міръ исчезли. Находились философы, которые предлагали увеличить число этихъ независимыхъ принциповъ, присоединивъ къ нимъ матерію, «какъ первоначально объективное данное для Бога». Предлагали смотрѣть на пространство, время и матерію, какъ первичныя существованія, взаимно независимыя и имѣющія значеніе обуславливающихъ «данныхъ», съ которыми Богъ можетъ вѣдаться, какъ знаетъ. Это возвращеніе къ палеонтологическому періоду мысли не требуетъ дополнительной критики. Такой взглядъ нарушаетъ необходимое единство основнаго бытія. Если-бы пространство, время и матерія были независимы отъ Бога, они никогда не могли-бы вступить во взаимодѣйствіе между собою: и чтобы привести ихъ во взаимодѣйствіе, нужно было-бы, чтобы одно которое-нибудь изъ нихъ сдѣлалось независимымъ или чтобы всѣ они были пизведены до зависимости отъ чего-нибудь истинно основнаго. Взгляды, подобные этимъ, представляютъ скандалъ въ области философіи и возможны только для крайней поверхностности. Чѣмъ-бы ни были пространство и время, они во вся-

комъ случаѣ не могутъ быть независимыми и первичными существованіями; но оба они одинаково должны быть разсматриваемы, какъ слѣдствія, нѣкоторымъ образомъ вытекающія изъ основнаго бытія. Эти заключенія необходимо слѣдуютъ изъ единства основной реальности и изъ того факта, что природа этой реальности должна быть опредѣляющимъ принципомъ всякаго вторичнаго существованія, всякаго закона и обнаруженія.

Ари. мандритъ Борисъ.

(Продолженіе будетъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СОКРАТѢ И УТИЛИТАРІАНИЗМѢ.

«Вопросъ о критеріи добра и зла такъ мало до сихъ поръ подвинулся впередъ, говоритъ Джонъ Стюартъ Милль, что немного найдется во всѣхъ сферахъ человѣческаго знанія такихъ вопросовъ, которыхъ настоящее положеніе представляло-бы болѣе поразительное несоотвѣтствіе тому, чего можно было ожидать, и болѣе ярко свидѣтельствовало-бы о томъ, что спекулятивное мышленіе, даже по самымъ важнымъ предметамъ, только повторяетъ одни зады. Едва только зачалась философія, какъ уже вопросъ о *summi bonum*, или, что одно и то-же, вопросъ объ основаніяхъ нравственности сдѣлался главной проблемой спекулятивнаго мышленія. Надъ нимъ работали самыя лучшіе умы. По поводу его образовались разныя секты и школы и вели между собою ожесточенную борьбу. Но вотъ съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, а вопросъ еще не рѣшенъ, и философы по прежнему расходятся подъ тѣ-же враждебныя другъ другу знамена». ¹⁾ Такъ начинаетъ Милль свою статью: «Утилитаріанизмъ» (переведенную на русскій языкъ). Можно вполне съ нимъ согласиться, что къ сожалѣнію успѣхи въ области этики далеко не соотвѣтствуютъ тому громадному количеству труда и времени, которое затратили въ продолженіи столь долгаго періода на разработку этой науки многочисленные ея предста-

¹⁾ Джонъ Стюартъ Милль: «Утилитаріанизмъ». Пер. съ англійскаго А. Н. Не-вѣдомскаго (2-е изд.). Спб. 1882. Стр. 5—6.

вители. Даже нѣкоторыя, сравнительно, очень недавно выработанныя теоріи заключаютъ въ себѣ, собственно, весьма характерную путаницу въ этическихъ понятіяхъ. А таковая путаница, можно добавить, конечно, проявляется также и во взглядахъ на прежнія нравственныя доктрины. И лучшимъ подтверждающимъ примѣромъ можетъ въ этомъ случаѣ явиться самъ Джонъ Стюартъ Милль, у котораго въ слѣдъ за приведенными словами читаемъ: «И мыслители; и человѣчество, по видимому, и теперь также далеки отъ его рѣшенія (т. е., рѣшенія вопроса объ основаніяхъ нравственности), какъ были далеки въ то время, когда юный Сократъ, бесѣдуя со старикомъ Протагоромъ (если только діалогъ Платона не вымышленъ) ¹⁾, опровергалъ общепринятое въ тѣ времена нравственное ученіе этого, такъ называемаго, софиста и развивалъ свою теорію *утилитаріанизма*». ²⁾ Едва-ли возможно болѣе неясное и неправильное пониманіе философскихъ ученій прежняго времени. ³⁾

Основаіемъ этической доктрины утилитаріанизма является принципъ пользы. Въ разговорахъ со своими учениками, какъ мы таковыя знаемъ по «Воспоминаніямъ» Ксенофонта ⁴⁾, Сок-

¹⁾ Въ разговорѣ съ Протагоромъ (въ Платоновскомъ діалогѣ: «Протагоръ») Сократъ высказываетъ тѣ-же этическія положенія, какія приписываетъ ему и Ксенофонтъ. Замѣчая въ скобкахъ: «если только діалогъ Платона (т. е. «Протагоръ») не вымышленъ», Милль хочетъ указать на то, что самаго факта разговора Сократа съ Протагоромъ, можетъ быть, вовсе не было, что это, быть можетъ, вымышленный Платономъ фактъ. Но происходилъ ли разговоръ дѣйствительно или нѣтъ, діло отъ этого нисколько не мѣняется. Если разговора этого не было, то мы все же должны приписать Сократу тѣ-же взгляды, какіе приписываемъ ему, когда предполагаемъ, что разговоръ, на самомъ дѣлѣ, имѣлъ мѣсто, и Джонъ Стюартъ Милль высказываетъ поэтому свое мнѣніе, будто «Сократъ.... развивалъ.... теорію утилитаріанизма», безъ всякихъ оговорокъ.

²⁾ Джонъ Стюартъ Милль: «Утилитаріаниззмъ». Пер. съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго (2-е изд.). Спб. 1882. Стр. 6.

³⁾ Въ статьѣ: «О свободѣ», Милль говоритъ даже, что «Сократъ.... виновникъ.... утилитаріанизма Аристотеля (!?) («Утилитаріаниззмъ. О свободѣ». Пер. съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго (2-е изд.). Спб. 1882. Стр. 193).

⁴⁾ Сочиненія Ксенофонта обыкновенно признаются за важнѣйшій изъ историческихъ документовъ, на основаніи которыхъ можно воспроизвести философское ученіе Сократа. Но когда мы пользуемся этими источниками, мы должны

ратъ между прочимъ высказывалъ, повидимому, мысль, будто добро и полезное совпадаютъ, будто добро есть не что иное, какъ полезное ¹⁾. По всей вѣроятности, это обстоятельство и подало Миллю поводъ считать Сократа проповѣдникомъ утилитарнаго направленія въ этикѣ. И такой взглядъ на философію этому великому мыслителю древности приписываетъ не одинъ Джонъ Стюартъ Милль. Блекки, писатель совсѣмъ инаго направленія (сочиненіе котораго: «Четыре фазиса нравственности: Сократъ, Аристотель, Христіанство и утилитаріанизмъ», также переведено на русскій языкъ), такъ-же, какъ и Милль, считаетъ несомнѣннымъ, что Сократъ стоялъ на утилитарной точкѣ зрѣнія. Только Джонъ Стюартъ Милль, приверженецъ и защитникъ утилитаріанизма, видитъ въ Сократовскомъ якобы утилитарномъ направленіи особую заслугу этого мыслителя, а Блекки предполагаетъ, что великій Аѳинскій философъ допустилъ при этомъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма крупную ошибку ²⁾. Такимъ-же образомъ и Циглеръ одинъ изъ современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ ³⁾, не называя,

имѣть въ виду, что Ксенофонтъ самъ не былъ философомъ и могъ нѣкоторыя положенія Сократа понимать неправильно. Можно кромѣ того пользоваться сочиненіями Платона и Аристотеля. Но въ Платоновскихъ діалогахъ Сократъ весьма часто высказываетъ мнѣнія самого Платона, а не тѣ взгляды, которые, дѣйствительно, принадлежать историческому Сократу. Что-же касается Аристотеля, то онъ сообщаетъ о Сократѣ чрезвычайно мало.

¹⁾ Xenophontis «Memorabilia». Lib. IV, cap. VI, 8, Сравни. ibidem lb. III с. 8, 1—7; lb. IV с. V, 6; lb. III с. IX, 4; Platonis «Protago'ra» 333 D. 353 C. и далѣе; ibid. 358 B и далѣе; Xenophon's and Gastmahl («Griechische Prosaiker in neuen Uebersetzungen» von Oslander und Schwab vierundzwanzigstes Bändchen) übersetzt von Christoph Eberhard Finckh. Dritte Auflage. Stuttgart 1870. Cap. 5. S. 652—654.

²⁾ «Остается несомнѣннымъ, говоритъ Блекки, что Сократъ былъ утилитаристъ. Греческое слово полезный (υψηλός или ψήλιος) встрѣчается постоянно въ его разговорахъ, и полезность лежитъ, дѣйствительно, въ основаніи всего его ученія, составляетъ единственную цѣль всѣхъ его разговоровъ.... Онъ настолько былъ пристрастенъ къ утилитаризму, что свое ученіе о добродѣтели, основанной на знаніи, доводилъ до крайнихъ предѣловъ и, разумѣется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ впадалъ въ несомнѣнную фальшь». (Блекки Д. С. «Четыре фазиса нравственности: Сократъ, Аристотель, Христіанство и утилитаризмъ» Русск. пер. Москва. 1878. Стр. 37). Нѣсколько ниже читаемъ: «Мы должны поэтому сказать, что Сократъ въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу τὸ καλόν (прекрасное) доводитъ свой утилитаризмъ и свою практичность до нечѣстности и фальши». (Ibid. p. 38).

³⁾ Подобныхъ-же воззрѣній на этическое ученіе Сократа, повидимому, придержи-

правда, Сократа прямо утилитаріанцемъ, все же говорить о какой-то Сократовской точкѣ зрѣнія пользы (Utileitätsstandpunkt) ¹⁾, а соотечественникъ его Леопольдъ Шмидтъ трактуетъ о «попыткѣ Сократа... отождествить нравственное добро съ полезнымъ» ²⁾. На самомъ дѣлѣ, сходство между нравственнымъ ученіемъ Сократа и теоріей утилитаріанизма чисто внѣшнее, и при болѣе внимательномъ и глубокомъ разсмотрѣніи оказывается, что этическое направленіе Сократа не только не сходно, но прямо противоположно тому направленію, котораго придерживаются представители, такъ называемой, утилитарной школы. Показать несостоятельность подобныхъ сопоставленій, доказать, что Сократъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, противоположной утилитаріанизму, и разсвѣять ту тѣнь, которую набрасываютъ на этого великаго проповѣдника нравственныхъ началъ въ древнемъ мірѣ нѣкоторые изъ ученыхъ, и составляетъ задачу настоящей историко-философской замѣтки.

Когда приходится сравнивать одну философскую теорію съ другой, нужно быть крайне осторожнымъ. Между взглядами одного мыслителя и доктриной другаго всегда можно найти извѣстное внѣшнее сходство. Изъ двухъ философскихъ трактатовъ, принадлежащихъ различнымъ авторамъ, можно всегда выбрать такія мѣста, которыя будутъ заключать въ себѣ одинаковыя слова и будутъ казаться сходными, если мы ихъ будемъ разсматривать отдѣльно, независимо отъ той цѣли мыслей, въ которой каждое изъ выбранныхъ нами философскихъ положеній представляетъ только одно звено. Подобныя, чисто внѣшнія сопоставленія часто встрѣчались не только въ учеб-

живается и Karl Köstlin въ своемъ сочиненіи: «Geschichte der Ethik. Erster Band: die Ethik des klassischen Alterthums. Erste Abtheilung: die Griechische Ethik bis Plato». Tüb. 1887. И этотъ современный нѣмецкій ученый, подобно Циглеру, говорить о какой-то точкѣ зрѣнія пользы у великаго Аѳинскаго мыслителя и проповѣдника нравственныхъ началъ въ древнемъ мірѣ.

¹⁾ Ziegler Th. «Geschichte der Ethik. Erste Abtheilung. Die Ethik der Griechen und Römer». Bonn. 1882. S. 57—58.

²⁾ Leopold Schmidt «Die Ethik der alten Griechen». 1-er Bd. Berl. 1883. S. 291.

никахъ по исторіи философіи, но и въ ученыхъ разсужденіяхъ авторы коихъ не потрудились вникнуть въ смыслъ разсматриваемыхъ ими философскихъ системъ. Когда мы сопоставляемъ одну философскую систему съ другой, мы прежде всего должны опредѣлить, въ чемъ заключается сущность сравниваемыхъ теорій. И именно то, чѣмъ опредѣляется основной характеръ философскаго міровоззрѣнія одного мыслителя, и нужно сравнивать съ существенными особенностями ученія другаго. Такого рода сравненіе мы и постараемся провести. Мы постараемся указать характерныя особенности утилитарнаго направленія, съ одной стороны, и нравственнаго ученія Сократа,—съ другой, и тогда намъ легко будетъ говорить о сходствѣ, или несходствѣ этихъ этическихъ теорій.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, когда получилъ утилитаріанизмъ свое начало, существовало-ли это направленіе уже въ древнемъ мірѣ или нѣтъ. Разсужденія объ этомъ завели-бы насъ слишкомъ далеко, да и кромѣ того намъ пришлось-бы тогда прежде, чѣмъ говорить о томъ, есть-ли что общаго между Сократомъ и утилитаріанцами, рѣшить, былъ-ли Сократъ проповѣдникомъ утилитарной доктрины, или нѣтъ. Если намъ прійдется называть имена, то мы будемъ говорить только о мыслителяхъ новаго времени и притомъ только о такихъ, которыхъ безъ всякаго колебанія можно признать за представителей утилитаріанизма.

Этика вообще занимается вопросами о добродѣтели и о счастьи. Два эти вопроса находятся въ тѣсной связи одинъ съ другимъ, а потому ихъ и ставятъ обыкновенно вмѣстѣ. Но для того, чтобы говорить о томъ, что такое добродѣтель, въ чемъ добродѣтель заключается, необходимо сначала признать существованіе добродѣтели, необходимо признать, что есть поступки съ нравственной точки зрѣнія хорошіе, и поступки—нехорошіе. Между тѣмъ существуетъ цѣлое такъ называемое направленіе въ этикѣ, представители котораго, собственно, совсѣмъ отрицаютъ добродѣтель. Мы говоримъ о направленіи утилитарномъ. И это составляетъ характерную особенность утилитарной теоріи. Можно было-бы назвать утилитаріанизмъ отрицательнымъ направленіемъ въ этикѣ. Итакъ,

говоримъ мы, утилитаріанцы совершенно отрицаютъ нравственность. Но приверженцы доктрины утилитаріанизма обыкновенно какъ-бы смутно чувствуютъ, что невозможно отвергать мораль, а потому и маскируютъ свой отрицательный взглядъ на добродѣтель. Она въ существѣ дѣла не признаютъ добродѣтели вовсе, но все-же считаютъ своимъ долгомъ говорить о хорошихъ и дурныхъ поступкахъ, проводить границу между добродѣтельными дѣйствіями человѣка и дѣйствіями нехорошими, такъ что неопытный читатель, благодаря такой маскировкѣ, иногда вовсе не замѣчаетъ у нихъ отрицательнаго отношенія къ вопросамъ морали.

Остановимся на пѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ представителей утилитарнаго принципа.

Въ наиболѣе, такъ сказать, обнаженномъ видѣ выставляютъ свои воззрѣнія послѣдователи утилитарной этики среди, такъ называемыхъ, французскихъ просвѣтителей XVIII вѣка (De la Mettrie, Holbach, Helvetius и др.).

Крайній матеріалистъ, De la Mettrie исходитъ изъ того положенія, что души нѣтъ, нѣтъ ничего духовнаго, невещественнаго, и утверждаетъ, будто человѣкъ можетъ достигнуть только чувственныхъ наслажденій, а нравственные принципы вообще не имѣютъ никакого смысла. Но при этомъ онъ считаетъ нужнымъ говорить о воспитаніи, какъ средствѣ развить въ человѣкѣ выгодныя для общества наклонности, имѣя тутъ въ виду, именно, стремленія человѣка къ нравственно хорошему ¹⁾. Итакъ, добродѣтель, по ученію De la Mettrie, выгодна для общества, а сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣны: сама по себѣ, добродѣтель—нѣчто лишнее смысла, пустой звукъ. Есть поступки, выгодныя для общества, и—невыгодныя, но нѣтъ поступковъ, въ нашемъ смыслѣ слова, добродѣтельныхъ и недобродѣтельныхъ. Такимъ образомъ De la Mettrie, собственно, не признаетъ добродѣтели совсѣмъ.

Гольбахъ также думаетъ, что счастье можетъ заключаться только въ тѣлесныхъ наслажденіяхъ, рѣзко возстаетъ противъ морали вообще и видитъ въ нравственныхъ, какъ онъ выра-

1) См. «Histoire naturelle de l'âme». «L'homme machine».

жается, предразсудкахъ причину всякаго политическаго и соціальнаго зла. Такъ называемая нравственность, объявляетъ онъ, есть эгоизмъ, случайнымъ образомъ совпадающій съ интересами общества ¹⁾.

Наконецъ, Гельвецій утверждаетъ, что мы всегда измѣряемъ поступки другихъ людей съ точки зрѣнія личнаго интереса. По отношенію къ одному лицу добродѣтельнень тотъ поступокъ, который для этого одного лица полезенъ. Общество называетъ добродѣтельнымъ челоуѣка, который приноситъ пользу обществу. Впрочемъ добродѣтель не противорѣчитъ эгоизму, ибо общество есть группа индивидуумовъ, и польза общества есть польза индивидуумовъ. Добродѣтель нужно воспитывать ²⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что Гельвецій, правда, говоритъ о добродѣтели, но этимъ именемъ обозначаетъ вовсе не какое-либо извѣстное качество челоуѣка, которое, само по себѣ, не можетъ не считаться высокимъ; добродѣтельными онъ называетъ не тѣ дѣйствія, которыя съ нравственной точки зрѣнія заслуживаютъ одобренія, а тѣ, которыя выгодны для одного, или нѣсколькихъ лицъ. Челоуѣкъ иногда совершаетъ выгодные для другихъ поступки, иногда—невыгодные, а безотносительно добродѣтельныхъ поступковъ, такихъ дѣйствій, которыя заслуживаютъ самаго большаго одобренія независимо отъ того, соотвѣтствуютъ ли они интересамъ другихъ людей или противоположны имъ, нѣтъ вовсе. Добродѣтель, собственно, по Гельвецію, невозможна. Но названіе «добродѣтельный» онъ удерживаетъ и обозначаетъ этимъ названіемъ тѣ наши поступки, которые сообразны съ интересами другихъ людей, общества. Впрочемъ прямо проповѣдывать грубый эгоизмъ Гельвецій, повидимому, не рѣшается. Онъ все-же чувствуетъ разницу между нравственностью и безнравственностью, онъ склоненъ требовать отъ насъ, чтобы мы стояли на извѣстной нравственной высотѣ, и хотеть, чтобы добродѣтель, въ смыслѣ стремленія приносить другимъ людямъ пользу, воспытывалась. При этомъ—

¹⁾ См. «Système de la nature».

²⁾ См. «De l'esprit». «De l'homme».

что весьма характерно—Гельвецій боится, не противорѣчатъ ли и эти минимальныя требованія основнымъ его принципамъ, и старается оправдать таковыя требованія, старается показать, что «добродѣтель» и эгоизмъ совпадаютъ, потому что благо индивидуумовъ и благо общества тождественны.

Итакъ, тѣ изъ французскихъ просвѣтителей XVIII вѣка, которые придерживаются утилитарной точки зрѣнія, прямо отвергаютъ нравственность и добродѣтель. Уже тутъ невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ можно найти что-нибудь общее между утилитаріанцами, которые совершенно отрицаютъ добродѣтель, и Сократомъ, этимъ ревностнымъ проповѣдникомъ строгой морали. Но пойдемъ далѣе.

У французскихъ просвѣтителей, какъ сказано, мы встрѣчаемъ наиболѣе открытое отрицаніе принциповъ нравственности. Но и они до извѣстной степени маскируютъ это отрицаніе. Такой-же отрицательный взглядъ на добродѣтель, но гораздо болѣе замаскированный, находимъ мы у другихъ проповѣдниковъ утилитаріанства. Остановимся только на Гоббсѣ и Бентамѣ.

Всѣ дѣйствія человѣка Гоббсъ ¹⁾ хочетъ объяснить изъ стремленія къ самосохраненію. Добро (благо, а не нравственное добро) и зло относительны. Благо для человѣка представляетъ тотъ предметъ, которымъ онъ хочетъ обладать ²⁾. Постоянная удача въ томъ, чего мы желаемъ, какъ наибольшая сумма возможныхъ для насъ благъ, и составляетъ счастье ³⁾. При этомъ мы должны въ нашихъ дѣйствіяхъ руководствоваться принципомъ пользы. Иногда нужно рѣшаться на такіе поступки, которые завѣдомо приносятъ извѣстный ущербъ, если послѣдніе все-же доставятъ намъ благо столь большое, что оно превыситъ зло, съ ними неразрывное ⁴⁾. Въ первобытномъ

1) Изложенію в разборѣ теоріи Гоббса посвящена между прочимъ II глава сочиненія профессора Казанскаго университета А. Смирнова: «Исторія Англійской этики». Т. I. Каз. 1880. Желаящіе болѣе подробно ознакомиться съ ученіемъ Гоббса могутъ найти извѣстныя указанія въ этомъ сочиненіи.

2) Des Engländer Thomas Hobbes «Leviathan, oder der kirchliche und bürgerliche Staat». Halle 1794. Bd. I, Abschn. 6, S. 50—53.

3) Ibid. p. 61.

4) Ibid. p. 61.

состояніи человѣкъ и руководствовался исключительно такими соображеніями. Но часто случалось, что однимъ и тѣмъ-же предметомъ желали обладать два, три, нѣсколько человѣкъ, и между ними завязывалась борьба. Первобытное состояніе характеризуется, какъ *bellum omnium contra omnes* ¹⁾. А эта война всѣхъ противъ всѣхъ была невыгодна для каждаго, ибо даже жизни каждаго человѣка при такихъ условіяхъ постоянно угрожала опасность. И вотъ люди устроили общество ²⁾. Отсутствіе общественнаго устройства вызывало *bellum omnium contra omnes*; общество гарантируетъ мирныя отношенія между людьми. *Bellum omnium contra omnes* есть зло. Миръ выгоденъ; онъ представляетъ извѣстнаго рода благо. Тѣ поступки человѣка, которые способствуютъ сохраненію общественнаго мира, какъ поступки, направленные къ благу, мы и называемъ добродѣтельными ³⁾. Но отношенія между гражданами опредѣляетъ верховная власть. Верховный правитель рѣшаетъ, какіе поступки благопріятствуютъ миру и какіе—нѣтъ. Верховный правитель опредѣляетъ, что добродѣтельно и что—нѣтъ, что хорошо и что дурно ⁴⁾. Только въ первобытную эпоху, когда законовъ еще не было вовсе, всякій самъ обсуждалъ, что хорошо и что дурно. Теперь каждый долженъ руководствоваться законами, освященными верховной правительственной властью, а разумъ и совѣсть должны вступать въ свои права исключительно въ тѣхъ случаяхъ, которые законами не предусмотрѣны ⁵⁾. Такимъ образомъ и Гоббсъ такъ-же, какъ послѣ него сдѣлалъ Гельвецій, совершенно отвергаетъ добродѣтель, хотя и удерживаетъ названіе «добродѣтельныхъ поступковъ». Подъ послѣдними онъ разумѣетъ вовсе не по-

1) Ibid. p. 161 (Abschn. 17). Также Thom. Hobbes «Elementa philosophica de cive». Basileae. 1782. Cap. I, § 12, p. 16.

2) См. мѣста, непосредственно слѣдующія за указанными въ примѣч. 17.

3) Thom. Hobbes «Elementa philosophica de cive». Basileae. 1782. Cap. III, § 31, p. 63—64.

4) Ibid. cap. XI § 1, p. 198—200. Des Engländers Thomas Hobbes «Leviathan, oder der kirchliche und bürgerliche Staat». Halle 1794. Bd. 1, Abschn. 29, p. 289—299.

5) Des Engländers Thomas Hobbes «Leviathan, oder der kirchliche und bürgerliche Staat». Halle 1794. Bd. 1, Abschn. 29 p. 291.

ступки, вызывающіе, сами по себѣ, одобреніе со стороны каждаго, одобреніе—съ нравственной точки зрѣнія, а просто поступки выгодныя. Можно было-бы вполнѣ въ духѣ Гоббса сказать: «Нѣтъ поступковъ добродѣтельныхъ и нехорошихъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; есть только поступки, невыгодныя для человѣка и выгодныя, и къ этимъ послѣднимъ приложимо названіе нехорошихъ и добродѣтельныхъ. Вопросъ о выгодности и невыгодности тѣхъ или другихъ нашихъ дѣйствій рѣшаетъ верховная правительственная власть, которой и принадлежитъ такимъ образомъ санкція добродѣтели. Только въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ законами, человѣкъ самъ рѣшаетъ, что ему полезно и что вредно, или—другими словами—какія дѣйствія добродѣтельны и какія—нѣтъ». Если Гоббсъ при этомъ и говоритъ, что верховная власть санкціонируетъ добродѣтель, то это обстоятельство нисколько не должно насъ удерживать отъ того, чтобы приписать ему отрицательный взглядъ на нравственность. Онъ очень опредѣленно высказывается на счетъ того, что, собственно, онъ здѣсь разумѣетъ подъ хорошими поступками. По его ученію, выходитъ, что верховная власть вовсе не предписываетъ гражданамъ правилъ нравственности. Правитель только опредѣляетъ, что имъ выгодно и что—нѣтъ, а такъ какъ выгодныя дѣйствія Гоббсъ обозначаетъ именемъ добродѣтельныхъ, то онъ и говоритъ, что общественная власть рѣшаетъ, что хорошо и что дурно, что правитель указываетъ подданнымъ, въ чемъ должна заключаться добродѣтель.

Подобно своимъ предшественникамъ, Бентамъ, этотъ наиболѣе выдающійся представитель утилитарнаго направленія, объявляетъ, что благо можетъ заключаться ¹⁾ для человѣка только въ удовольствіяхъ. Нужно въ жизни руководиться принципомъ пользы, говоритъ онъ ²⁾. Нужно помогать только полезнаго. Но полезнымъ Бентамъ называетъ при этомъ един-

¹⁾ О Бентамѣ см. статью Guyau «La morale Anglaise contemporaine». Par. 1879.

²⁾ «Избранныя сочиненія Іереміи Бентама». Т. I. Пер. Пыпина и Невѣдомскаго. Спб. 1867. «Введеніе въ основанія нравственности и законодательства». Гл. 1, § 2, стр. 2.

ственно то, что такъ или иначе увеличиваетъ сумму нашихъ удовольствій ¹⁾, ибо благо составляютъ для насъ исключительно удовольствія. Столъ полезенъ для насъ не потому, что на немъ можно класть разные предметы, а тогда, когда онъ прямымъ или косвеннымъ образомъ увеличиваетъ сумму нашихъ удовольствій. А въ такомъ случаѣ что-же такое добродѣтель? Добродѣтель есть то, что увеличиваетъ количество и интенсивность нашихъ удовольствій и уменьшаетъ страданія отвѣчаетъ Бентамъ. Добродѣтель есть то, что всего лучше приводитъ насъ къ личному счастью. Но, положимъ, человѣкъ испытываетъ голодъ, отыскиваетъ пищу и начинаетъ ѣсть. Онъ такимъ образомъ избавляетъ себя отъ извѣстныхъ страданій и достигаетъ удовольствія. Неужели считать такой поступокъ человѣка добродѣтельнымъ? Нѣтъ, говоритъ Бентамъ, добродѣтель предполагаетъ непременно извѣстную борьбу, извѣстную жертву. Только тогда можно поступокъ назвать добродѣтельнымъ, когда человѣкъ ради большаго интереса жертвуетъ меньшимъ. Такимъ образомъ Бентамъ проповѣдуетъ эгоизмъ. Добродѣтель, говоритъ онъ, есть только урегулированный эгоизмъ. Едва-ли можно оспаривать, что Бентамъ, собственно, совершенно отвергаетъ добродѣтель, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, добродѣтель, какъ нѣчто, само по себѣ, высокое и священное. Такъ-же, какъ и его предшественники, онъ только удерживаетъ названіе «добродѣтельный», употребляетъ часто это слово, но употребляетъ его совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно. Все-же названіе «добродѣтельный» Бентамъ считаетъ нужнымъ удержать,—какъ-бы дѣлая уступку въ пользу болѣе высокихъ, болѣе распространенныхъ и болѣе укоренившихся у человѣка нравственныхъ взглядовъ. Далѣе мы встрѣчаемъ у этого представителя утилитарной этики рядъ положеній, которыя должны примирить его точку зрѣнія съ общепринятыми понятіями о добродѣтели, и эти положенія—нужно отдать ему справедливость—такъ удачно подобраны, что весьма искусно маскируютъ его отрицательное направленіе. Единственное благо для насъ—удоволь-

¹⁾ Ibid. с. I, § 3, р. 2—3.

ствія. Мы всегда дѣйствуемъ и должны дѣйствовать, руководствуясь эгоистическими цѣлями, личнымъ интересомъ. Добродѣтель есть только урегулированный эгоизмъ. Она заключается въ томъ, что человѣкъ жертвуетъ однимъ своимъ интересомъ ради другаго, большаго. Но какимъ-же образомъ смотрѣть на то, что противоположно эгоизму, на альтруизмъ и поступки, вызванные сочувствіемъ къ другимъ людямъ? Что думать о тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ желаетъ добра ближнему и когда онъ подъ вліяніемъ такого чувства рѣшается даже на самопожертвованіе? Сочувствіе къ другому лицу, утверждаетъ Бентамъ, заставляетъ насъ жертвовать личными интересами ради интересовъ другаго человѣка; но принося такую жертву, мы начинаемъ чувствовать вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ его радости. Благо другаго человѣка становится нашимъ благомъ, и нашъ, такъ называемый, добродѣтельный поступокъ оказывается для насъ личнымъ благомъ. Добродѣтельными вообще Бентамъ считаетъ такіе поступки, при которыхъ человѣкъ жертвуетъ однимъ интересомъ ради другаго, большаго. Есть особый видъ добродѣтели—добродѣтель общественная. Эта послѣдняя, по Бентаму, заключается въ томъ, что человѣкъ жертвуетъ своими удовольствіями ради интересовъ другаго лица или другихъ лицъ, чтобы такимъ образомъ получить еще большую сумму удовольствій,—удовольствій, протекающихъ отъ того, что мы раздѣляемъ съ другими ихъ радости. Высшее личное счастье, такъ сказать, путемъ алгебраической подстановки одинаковыхъ величинъ преобразуется въ наибольшее счастье наибольшаго количества людей. Происходитъ, какъ выражается Бентамъ, максимизація счастья ¹⁾. Такъ смотритъ этотъ представитель утилитаріанизма на добродѣтель. Самъ онъ, повидимому, предполагаетъ, что его теорія нисколько не противорѣчитъ нравственнымъ убѣжденіямъ человѣка. На самомъ, дѣлѣ это, конечно, совершенно несправедливо. Тѣ поступки, которые мы обыкновенно называемъ

¹⁾ Съ другой стороны, преступленіе, говоритъ Бентамъ, всегда соединено съ страданіемъ,—съ страданіемъ для того человѣка, который на пехорошій поступокъ рѣшается. См. *ibid.* с. II, § 4, р. 8.

добродѣтельными, Бентамъ, правда, одобряетъ. Онъ ихъ относитъ въ разрядъ поступковъ наиболѣе желательныхъ; онъ тоже ихъ называетъ добродѣтельными. Но почему онъ прилагаетъ здѣсь это названіе? Онъ дѣлаетъ это вовсе не потому, что такіе поступки, сами по себѣ, заслуживаютъ одобренія. По Бентаму, наибъ поступковъ вообще добродѣтеленъ, когда мы однимъ интересомъ жертвуемъ ради другаго, большаго. Если человѣкъ, движимый сочувствіемъ къ кому-либо, приноситъ извѣстную жертву, то эта жертва вознаграждается съ избыткомъ той радостью, которая возникаетъ при видѣ счастья другаго лица. При такомъ поступкѣ получается извѣстный выигрышъ. Мы здѣсь жертвуемъ меньшимъ интересомъ ради большаго. Вотъ почему названіе «добродѣтельный» сюда, по его мнѣнію, и приложимо. Такимъ образомъ Бентамъ называетъ добродѣтельными дѣйствія, обусловленныя симпатіей къ другимъ людямъ, не потому, что таковыя высоки сами по себѣ, а потому, что ихъ выгодно совершать. Правда, здѣсь подъ «полезнымъ» понимается уже не нѣчто, способствующее чувственнымъ наслажденіямъ, удовольствіямъ тѣла. Все-же поступки оцѣниваются тутъ исключительно съ точки зрѣнія ихъ выгоды. Итакъ, отрицательный взглядъ на добродѣтель мы находимъ и у Бентама. Добродѣтельныхъ поступковъ и у него нѣтъ: есть только поступки выгодные и не выгодные. Названіе «добродѣтельный» прилагается только къ дѣйствіямъ, согласнымъ съ интересами человѣка.

Позднѣйшій защитникъ утилитаріанизма Джонъ Стюартъ Милль ¹⁾ рассматриваетъ, подобно Бентаму, поступки человѣка только съ точки зрѣнія ихъ полезности. Высшія нормы человѣческаго поведенія онъ вмѣстѣ съ этимъ представителемъ утилитарной доктрины хочетъ опредѣлить, исходя единственно изъ этого принципа, и поступки, соотвѣтствующіе таковымъ высшимъ нормамъ, прямо называетъ добродѣтельными. Но у Бентама при этомъ всегда идетъ рѣчь о высшемъ личномъ благѣ, которое, правда, «максимируется», которое

¹⁾ См. Джонъ Стюартъ Милль «Утилитаріанизмъ. О свободѣ». Пер. А. Н. Неѣдомскаго. 2-е изд. Спб. 1882.

превращается въ наибольшее благо наибольшаго количества людей, но превращается—только по той причинѣ, что высшее личное счастье, благодаря нашему сочувствію другимъ лицамъ, благодаря тому, что мы начинаемъ раздѣлять радости и горе другаго человѣка, оказывается совпадающимъ со счастьемъ наибольшаго числа людей. Между тѣмъ у Джона Стюарта Милля мѣсто личнаго блага единицъ прямо заступаютъ коллективные интересы человѣчества. И у Милля такимъ образомъ господствуетъ въ вопросахъ о нравственности отрицательная точка зрѣнія. Достоинство поступковъ, по его мнѣнію, опредѣляется ихъ полезностью, а не тѣмъ, каковы они, сами по себѣ, безотносительно. Дѣйствія, которыя мы назовемъ высокими безотносительно, Милль еще не отнесетъ въ разрядъ лучшихъ, если не будетъ извѣстно, что они въ значительной степени полезны человѣку.

И такъ, характерныя особенности утилитарнаго направленія заключаются въ томъ, что оно совершенно отрицаетъ нравственность и добродѣтель, рассматриваетъ всѣ наши поступки съ точки зрѣнія ихъ полезности, а счастье человѣка видитъ въ удовольствіяхъ.

Можно было-бы съ полнымъ правомъ, не прибѣгая ни къ какимъ доводамъ, сказать, что этикѣ Сократа подобныя особенности совершенно чужды. Но противоположный взглядъ существуетъ и можетъ оказывать нѣкоторое вліяніе на людей мало знакомыхъ съ философскими ученіями прежняго времени, потому слѣдуетъ рассмотреть вопросъ нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего нужно сказать, что Сократъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы отрицать добродѣтель и нравственность.

Уже разсужденія его о необходимости воздержанія (*ἐγκράτεια*) ¹⁾ могли-бы до нѣкоторой степени свидѣтельствовать объ этомъ. Нужно жить въ мирѣ съ братьями ²⁾; нужно всегда обращать вниманіе на то, какое значеніе мы сами имѣемъ для нашихъ

1) См. Xenophontis «Memorabilia» lb. I cap. V, § 1; ibid lb. I, cap. V § 4; ibid. lb. II, cap. I.

2) Ibid. lb. II, cap. III.

друзей, насколько наша дружба для нихъ важна, насколько мы имъ полезны ¹⁾; нужно свято почитать родителей ²⁾, говорить Сократъ. А въ «Критонѣ», который обыкновенно считают однимъ изъ раннихъ діалоговъ и который—можно предположить—написанъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Сократовскихъ идей, Платонъ заставляетъ своего учителя проповѣдовать, что за зло нельзя платить зломъ, что людямъ, которые причиняютъ намъ вредъ, мы должны дѣлать добро.—заставляетъ его проповѣдовать любовь къ врагамъ, столь чуждую всему до-христіанскому міру ³⁾.

Но обратимся къ Сократовскому опредѣленію добродѣтели. Всякому извѣстно, что Сократъ утверждаетъ, будто добродѣтель есть знаніе ⁴⁾. Не будемъ строить предположеній относительно того, какимъ путемъ Сократъ пришелъ къ такому опредѣленію; не будемъ говорить о безотносительныхъ достоинствахъ этого взгляда. Все это повело-бы насъ слишкомъ далеко. Для насъ достаточно доказать, что отрицанія добродѣтели,—отрицанія, которое составляетъ необходимую особенность утилитарной доктрины, Сократъ совершенно чуждъ, напротивъ онъ имѣлъ глубокую вѣру въ добро и нравственность. Мы и ограничимся доказательствомъ этихъ положеній.

Мы видѣли, что представители утилитарнаго направленія обыкновенно замаскировываютъ свой отрицательный взглядъ на нравственность и все-же говорятъ о добродѣтели. При этомъ они не признаютъ вовсе дѣйствій, которыя были-бы высоки сами по себѣ, названіе-же «добродѣтельный» прилагаютъ къ тѣмъ поступкамъ, которые такъ или иначе способствуютъ благосостоянію человѣка и его счастью,—какъ послѣднее приверженцы этой доктрины понимаютъ. Нечего

1) Ibid. Ib. cap. V—VI. 2) Ib. II cap. II.

3) Platons «Apologie des Socrates und Kriton» mit Einl. u. Anmerk. v. Alfr. Ludwig. Crito 49—50.

4) Ἐφη δὲ καὶ τὴν δικαιοσύνην καὶ τὴν ἄλλην πᾶσαν ἀρετὴν σοφίαν εἶναι. Xenophonis «Memorabilia» Ib. III, cap. IX. § 5. Μανίαν γε μὴν ἐναντίον μὲν ἔφη εἶναι σοφία, οὐ μέντοι γε τὴν ἀνεπιστημοσύνην μανίαν ἐνόμιζε. Τὸ δὲ ἀγνοεῖν ἑαυτόν, καὶ ἂ μὴ οἶδε δοξάζειν τε καὶ οἶσθαι γινώσκειν, ἐγγυτάτω μανίας ἐλογίζετο εἶναι. Ibid. Ib. III, cap. IX, § 6.

и говорить, что Сократъ нигдѣ добродѣтели не отрицалъ прямо. Такимъ образомъ, если кто причисляетъ его къ утилитаріанцамъ, то, конечно, къ такимъ, которые, на самомъ дѣлѣ, все-же считаютъ необходимымъ замаскировать свой отрицательный взглядъ на нравственность. Но и къ разряду этихъ послѣднихъ Сократа причислить никоимъ образомъ невозможно. Кто изъ древнихъ мыслителей былъ болѣе глубоко, чѣмъ Сократъ, убѣжденъ въ томъ, что добродѣтель, сама по себѣ, а не потому, что такъ называемые добродѣтельные поступки увеличиваютъ благосостояніе человѣка, представляетъ нѣчто безусловно цѣнное, нѣчто неизмѣримо высокое? Общій характеръ всѣхъ приведенныхъ у Ксенофонта разговоровъ, каждое слово Сократа указываетъ на такую точку зрѣнія у этого великаго проповѣдника нравственныхъ началъ въ древнемъ мірѣ ¹⁾. Да и самое опредѣленіе доказываетъ это. Сократъ не говоритъ, что поступки добродѣтельные отличаются отъ нехорошихъ тѣмъ, что они выгодны. Нѣтъ, различіе здѣсь заключается въ томъ, что первые предполагаютъ знаніе, какъ великій двигатель, чего нельзя сказать относительно послѣднихъ. Сократъ не станетъ утверждать, будто быть добродѣтельнымъ значитъ поступать такъ, какъ это намъ выгодно. Нѣтъ, онъ говоритъ, что быть добродѣтельнымъ значитъ обладать знаніемъ, значить руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ свѣтомъ истины. Мы ставимъ нравственно хорошія дѣйствія человѣка выше, чѣмъ поступки низкіе, въ моральномъ отношеніи, не потому, что первые для насъ полезны, а послѣдніе вредны, мы высоко цѣнимъ добродѣтель и презираемъ безнравственность не потому, что добродѣтель предполагаетъ улучшеніе благосостоянія человѣка, а безнравственность—ухудшеніе, а потому, что добродѣтель, сама по себѣ,—нѣчто высокое, тогда какъ, наоборотъ, безнравственность, сама по себѣ,—нѣчто, заслуживающее презрѣнія, потому что добродѣтель—знаніе, свѣтъ, тогда какъ безнравственность—незнаніе,

¹⁾ *Tá te γὰρ δίκαια καὶ πάντα, ὅσα ἀρετῇ πράττεται, κατὰ τὴν ἀγαθὰ εἶναι.* Ibid. II, III, cap. IV, § 5.

невѣжество, мракъ ¹⁾. Добродѣтель есть знаніе, и, какъ такое, она, уже сама по себѣ, представляетъ нѣчто цѣнное, высокое, независимо отъ того, къ какимъ практическимъ результатамъ человѣка приводятъ его добродѣтельные дѣйствія.

Добродѣтель есть знаніе, и, какъ такое, она сама по себѣ, уже заслуживаетъ глубочайшаго уваженія. Каждый отдѣльный видъ добродѣтели непременно долженъ быть знаніемъ, ибо сущность добродѣтели, по Сократу, именно, и заключается въ томъ, что она есть знаніе. Древніе греки обыкновенно различали четыре вида добродѣтели: мудрость, мужество, умѣренность и справедливость. Этими четырьмя видами исчерпывается, по ихъ понятіямъ, всякая нравственность. И Сократъ объявляетъ, что каждый изъ этихъ видовъ добродѣтели нужно разсматривать, какъ знаніе. Мужество заключается въ томъ, что человѣкъ *знаетъ*, какъ побѣдить ²⁾. Тотъ, кому принадлежитъ добродѣтель, называемая умѣренностью, кто ведетъ вообще умѣренный образъ жизни, тотъ *знаетъ* мѣру во всемъ. Справедливый человѣкъ *знаетъ*, что справедливо ³⁾. Наконецъ, мудрость безусловно предполагаетъ знаніе ⁴⁾. Каждый отдѣльный видъ добродѣтели долженъ быть знаніемъ и есть, дѣйствительно, знаніе. Благодаря этому только, каждая отдѣльная добродѣтель и высока сама по себѣ. Благодаря этому только, каждая отдѣльная добродѣтель и есть, на самомъ дѣлѣ, добродѣтель. Мудрость, мужество, умѣренность и справедливость заключаютъ въ себѣ знаніе. Въ силу сего это—дѣйствительно высокія достоинства; въ силу сего это—дѣйствительно различные виды добродѣтели.

Итакъ, отрицательной точки зрѣнія на нравственность Сократъ чуждъ. Добродѣтель въ его глазахъ—нѣчто священное само по себѣ. По ученію приверженцевъ утилитарной теоріи, дѣйствія человѣка хороши, добродѣтельны, когда они выгод-

¹⁾ Сравни. М. Остроумовъ «Значеніе Сократа въ исторіи Греческой философіи» («Вѣра и Разумъ» 1884 г., авг., кн. 2-я, стр. 148—150).

²⁾ Xenophontis «Memorabilia» lb. IV, cap. IV, § 10—11

³⁾ Ibid. lb. IV, cap. IV, § 5—6.

⁴⁾ Ibid. lb. IV, cap. IV, § 7.

ны. По Сократу, наши поступки могутъ быть хорошими или нехорошими, добродѣтельными или недобродѣтельными только сами по себѣ, а не въ силу тѣхъ или иныхъ послѣдствій, къ каковымъ они насъ приводятъ. Вопросъ о выгодности или невыгодности нашихъ дѣйствій не имѣетъ здѣсь никакого значенія. Добродѣтель, по мнѣнiю Аѳинскаго мыслителя, существуетъ *φύσει*, какъ выражались греки. Въ двухъ главнѣйшихъ пунктахъ этического ученiя своего Сократъ и представители утилитарнаго принципа расходятся окончательно. Утилитарiанцы добродѣтель отрицаютъ; Сократъ вѣритъ въ нравственность безусловно: онъ добродѣтель утверждаетъ. Отрицанiе нравственности заставляетъ утилитарiанцевъ оцѣнивать поступки человѣка исключительно съ точки зрѣнiя ихъ полезности; чуждый отрицательнаго взгляда на добродѣтель, Сократъ далекъ и отъ того, чтобы допустить подобную оцѣнку человѣческихъ дѣйствій: онъ произноситъ свой судъ надъ поступками человѣка, рассматривая послѣднiе съ нравственной точки зрѣнiя, а не взвѣсивая ихъ выгодность для человѣка.

Но въ «Воспоминанiяхъ» Ксенофонта встрѣчаются мѣста, которыя наводятъ на мысль, будто Сократъ отождествляетъ добро и пользу. И надо думать, что, именно, это обстоятельство и дало поводъ сопоставлять его этическiя воззрѣнiя съ утилитарной теорiей. Нечего и говорить, что на самомъ дѣлѣ подобнаго отождествленiя у Сократа нѣтъ.

Какъ извѣстно, дружба вообще считалась въ древнемъ мiрѣ чѣмъ-то весьма желательнымъ, чѣмъ-то высокимъ, чѣмъ-то священнымъ. Нравственная жизнь древняго грека была уже очень развита, и потребность жить не только наслажденiями тѣла, но и нравственною жизнью часто находила себѣ удовлетворенiе въ отношенiяхъ истинной, высокой, беззавѣтной дружбы. Едва-ли не всякiй выдающiйся человѣкъ того времени, едва-ли не всякiй выдающiйся общественный дѣятель имѣлъ друга, которому былъ преданъ всей душой, и едва-ли не всякiй выдающiйся философъ въ древней Греции проповѣдуетъ дружбу. Проповѣдуетъ дружбу и проповѣдуетъ со всей своей убѣдительностью и со всей своей энергiей и пастойчивостью дружбу также и Сократъ. И вотъ

этотъ великій мыслитель древняго міра говоритъ, что нужно стремиться пріобрѣтать друзей,—нужно къ этому стремиться, потому что друзья заботятся о насъ, дѣлятся съ нами имуществомъ,—словомъ, потому что друзья бываютъ намъ полезны во многихъ случаяхъ нашей жизни ¹⁾. Нужно искать друзей, которые могли-бы намъ быть полезными ²⁾. Слѣдуетъ вступать въ отношенія дружбы съ людьми добродѣтельными, ибо, именно, таковые, дѣйствительно, помогутъ намъ въ несчастіи ³⁾. Надо наблюдать за тѣмъ, какое значеніе мы сами имѣемъ для друзей нашихъ, насколько мы сами полезны имъ, чтобы и они насъ больше цѣнили ⁴⁾. Всего естественнѣе, читаемъ мы у Ксенофонта въ другомъ мѣстѣ, ожидать дружбы между братьями. Человѣкъ имѣетъ два глаза, говоритъ Сократъ, и одинъ помогаетъ другому; у человѣка двѣ руки, и одна оказываетъ содѣйствіе другой; такъ и братья назначены помогать другъ другу ⁵⁾. Братъ можетъ быть полезнымъ ⁶⁾. Брата слѣдуетъ предпочитать разнаго рода богатствамъ. Послѣднія не разумны; о нихъ еще нужно заботиться. Между тѣмъ братъ—существо разумное; братъ самъ заботится, самъ помогаетъ своему брату ⁷⁾. Наконецъ, для того, чтобы пріобрѣсть друзей, утверждаетъ Сократъ, и сохранить отношенія дружбы, когда таковыя завязались, слѣдуетъ стараться быть полезнымъ другимъ людямъ, нужно освободиться отъ разныхъ недостатковъ, потому что они дѣлаютъ насъ вредными для людей, насъ окружающихъ ⁸⁾. Для того, чтобы заключить дружбу съ братомъ, для того, чтобы послѣдній оказался полезнымъ, нужно стараться самому быть полезнымъ своему брату ⁹⁾. Такимъ образомъ можно предположить, что Сократъ рассматриваетъ дружбу и отношенія между братьями вовсе не какъ явленіе, относящееся къ нравственной жизни человѣка, а просто—съ точки зрѣнія выгоды этихъ отношеній. Мы ниже увидимъ, на сколько ошибочно подобное предположеніе.

1) Ibid. lb. II, cap. II, § 12; lb. II, cap. IV; lb. II, cap. VI, § 22—39; lb. II, cap. VI, § 1—8; lb. II, cap. IX, § 8. 2) cap. VI, § 1—8. 3) cap. VI, § 22—39; lb. II, cap. IX, § 8. 4) cap. V, § 4. 5) cap. III, § 18—19. 6) cap. III, § 7—14. 7) cap. III, § 1. 8) cap. VI, § 8—22. 9) lb. II, cap. III, § 7—14.

Добро выгоднѣе, говоритъ Сократъ, чѣмъ зло, а потому человѣкъ всегда его охотно избираетъ, если только знаетъ его. 1). Можно подумать, что Сократъ предполагаетъ, будто къ добродѣтельнымъ поступкамъ человѣкъ склоняется не въ силу нравственныхъ своихъ стремленій, а въ виду личной выгоды. И такая точка зрѣнія, какъ кажется на первый взглядъ, у него проводится дальше. Онъ проповѣдуетъ справедливость и прибавляетъ при этомъ, что справедливость доставляетъ человѣку много выгодъ 2). Мало того. Подобныя воззрѣнія Сократъ, повидимому, удерживаетъ и въ области религіозныхъ понятій. Заботясь о матери, говоритъ онъ Лампроклу, чтобы боги не отказали творить тебѣ благо и люди не презирали тебя, и ты не очутился безъ друзей, ибо тогда всякій подумалъ-бы, что не получитъ никакого возмездія, если сдѣлаетъ тебѣ добро 3). Человѣкъ долженъ быть благочестивымъ и исполнять волю боговъ; тогда онъ можетъ рассчитывать, что боги низпошлютъ ему величайшія блага 4). На самомъ дѣлѣ, Сократъ, какъ мы постараемся доказать, смотритъ на мотивы, заставляющіе человѣка поступать въ нравственномъ смыслѣ хорошо, совершенно иначе.

Наконецъ, и самое понятіе о добрѣ, повидимому, совпадаетъ у Сократа съ понятіемъ о полезномъ. Уже всѣ только что указанныя мѣста Ксенофоновскихъ «Воспоминаній» наводятъ на мысль объ этомъ. То, что для одного дѣла можетъ называться добромъ, то для другаго, говоритъ Сократъ, оказывается зломъ, и не возможно добро, которое не было-бы таковымъ ни для чего 5). Полезное и есть добро. Добромъ я назову полезное 6).

Остановимся прежде всего на самомъ важномъ—на кажущемся отождествленіи идей добра и полезнаго.

Пав. Лейкфельдъ.
(Окончаніе будетъ).

1) Ibid. lb. III, cap. IX, § 4—7. 2) lb. IV, cap. IV § 17; lb. IV, cap. IV, § 22. 3) lb. II, cap. II, § 14. 4) lb. IV, cap. III, § 16—18; сравн. lb. II, cap. I, § 27.

5) Ibid. lb. III, cap. VIII, § 1—3; lb. III, cap. VIII, § 7—8.

6) Ibid. lb. IV, cap. VI, § 8; сравн. lb. IV, cap. IV, § 22; lb. II, cap. II § 14, lb. II, cap. III, § 1; lb. II, cap. III, § 7—14; lb. II, cap. IV; lb. II, cap. V, § 4; lb. II, cap. VI, § 1—39; lb. II, IX, § 4—8; lb. IV, cap. IV, § 17; lb. III, cap. IX; § 1; lb. IV, cap. III, § 16—18; lb. II, cap. I, § 27; lb. II, cap. II, § 12.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15-го Февраля № 3. 1889 года.

Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 1887/8 учебный годъ. — Слѣдствіе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи установленнаго X епархіальнымъ съѣздомъ за вторую половину 1888 года. — Вѣдомость о средствахъ Харьковского епархіальнаго свѣчнаго завода. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 1887/8 учеб. годъ.

I.

Управленіе церковно-приходскими школами епархіи.

Согласно § 19 Высочайше утвержденныхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, общее завѣдываніе церковно-приходскими школами Харьковской епархіи и наблюденіе за религіозно-нравственнымъ просвѣщеніемъ учащихся въ оныхъ въ отчетномъ году принадлежало Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.

II.

Заботы Его Высокопреосвященства о матеріальныхъ нуждахъ церковно-приходскихъ школъ.

Кромѣ высшаго наблюденія за характеромъ и направленіемъ учебныхъ занятій въ церковно-приходскихъ школахъ, Его Высокопреосвященство имѣлъ попеченіе о матеріальныхъ нуждахъ сихъ школъ. Такъ, по личному предложенію Высокопреосвященнѣйшаго Владыки или чрезъ подчиненныя ему учрежденія, нѣкоторые лица изъ мѣстнаго духовенства въ отчетное время выразили свое сочувствіе значительными денежными пожертвованіями въ пользу церковно-приходскихъ школъ. Кромѣ сего, по приказанію Его Высокопреосвященства, сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы въ округахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ города Харькова, учреждены были оружныя книжныя склады, изъ которыхъ лица, завѣдующія школами, могли-бы своевременно пріобрѣтать учебныя книги и пособія

частію за наличныя деньги, частію-же на счетъ суммъ епархіальнаго Училищнаго Совѣта, если со стороны послѣдняго дѣлалось распоряженіе о семъ, утвержденное Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкою. Для наблюденія за своевременнымъ и правильнымъ поступленіемъ денежныхъ пособій въ пользу школъ епархіи, Его Высокопреосвященство изволилъ чрезъ мѣстную духовную консисторію дать знать по епархіи, чтобы кружечный сборъ и инныя суммы, имѣющія поступать отъ церквей епархіи на содержаніе церковно-приходскихъ школъ, были представляемы въ Совѣтъ по полудніямъ исключительно чрезъ оо. благочинныхъ, при чемъ эти послѣдніе должны точно обозначать въ своихъ рапортахъ, кабая именно сумма поступила отъ каждой церкви на означенный предметъ и изъ какого источника. Вмѣстѣ съ симъ Его Высокопреосвященство разрѣшалъ также, по прошеніямъ нѣкоторыхъ учредителей школъ, особенно нуждавшихся въ матеріальныхъ средствахъ, отчислять единовременно на потребности оныхъ нѣкоторую часть наличной кошелековой суммы при церквахъ, соображаясь съ количествомъ кошелековаго сбора и нуждами школъ.

III.

Харьковскій епархіальный Училищный Совѣтъ.

А. Личный составъ Совѣта.

Въ составъ Совѣта въ отчетномъ году входили нижеслѣдующія лица: предсѣдатель — ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, протоіерей Іоаннъ Крагировъ; члены: кафедральный протоіерей Тимофей Павловъ и протоіерей церквей города Харькова: Симеонъ Илларионовъ, Іоаннъ Чижевскій, Андрей Дюковъ, Іоаннъ Ѳедоровъ, Александръ Ѳедоровскій и Андрей Щелкуновъ, священники: Тимофей Буткевичъ и Стефанъ Любицкій, г. директоръ народныхъ училищъ Харьковской губерніи Н. Г. Жаворонковъ, г. городской голова И. О. Фесенко, инспекторъ Харьковской Духовной Семинаріи Константинъ Истомино и преподаватели той-же семинаріи: Стефанъ Пономаревъ (онъ-же казначей Совѣта), Николай Стреховъ, Василій Извольскій и Семенъ Ѳоменко (онъ-же завѣдывалъ письменною частію Совѣта).

Б. Дѣятельность Совѣта.

Дѣятельность епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ отчетное время состояла, главнымъ образомъ, въ изысканіи мѣръ къ распространенію церковно-приходскихъ школъ въ предѣлахъ епархіи, а также къ дальнѣйшему развитію школъ въ учебномъ и религіозно-нравственномъ отношеніяхъ и улучшеніи матеріальнаго положенія оныхъ, согласно требованіямъ высшей церковной власти, мѣстной епархіальной власти и указаніямъ опыта. Въ частности: 1) въ засѣданіяхъ Совѣта были выслушиваемы и принимаемы къ исполненію указы Св. Синода и предписанія Училищнаго Совѣта при Св.

Синодѣ по разнымъ вопросамъ, касавшимся церковно-приходскихъ школъ; 2) распоряженія епархіальнаго начальства относительно церковно-приходскихъ школъ; 4) разсмотрѣна была составленная особою комиссіею инструкция наблюдателямъ церковно-приходскихъ школъ епархіи, которая затѣмъ и утверждена Его Высокопреосвященствомъ; 4) обсуждаемы были доклады наблюдателей и учредителей церковно-приходскихъ школъ по разнымъ вопросамъ учебно-воспитательнаго характера; 5) обсуждались общія мѣры, относящіяся къ благоустройству церковно-приходскихъ школъ въ учебно-воспитательномъ и матеріальномъ отношеніяхъ и изыскивались способы къ устраненію недостатковъ по учебной и хозяйственной частямъ, замѣченныхъ въ нѣкоторыхъ церковно-приходскихъ школахъ; 6) разсматривались годовые отчеты наблюдателей о состояніи церковно-приходскихъ школъ по учебной, религіозно-нравственной и экономической частямъ за истекшій 1886/7 учебный годъ; 7) разсматривались доклады нѣкоторыхъ членовъ Совѣта о послѣдствіяхъ произведенныхъ ими, по порученію Совѣта, повѣрочныхъ испытаній въ нѣкоторыхъ церковно-приходскихъ школахъ, существующихъ въ гор. Харьковѣ; 8) разсматривались прозвѣты наблюдателей о личномъ составѣ экзаменаціонныхъ комиссій, производившихъ въ концѣ отчетнаго года испытанія учениковъ церковно-приходскихъ школъ на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности; 9) разсматривались представленные наблюдателями документы о послѣдствіяхъ испытаній въ церковно-приходскихъ школахъ на означенную льготу; 10) доклады наблюдателей объ отлично-усердныхъ занятіяхъ въ школахъ законоучителей и учителей и о ревностныхъ трудахъ на пользу школъ нѣкоторыхъ учрежденій и лицъ, выразившихъ свое сочувствіе этимъ школамъ значительными денежными и иными матеріальными пожертвованіями; 11) доклады казначея Совѣта о движеніи суммъ, бывшихъ въ распоряженіи епархіальнаго Училищнаго Совѣта; 12) составленный завѣдующимъ письменною частію Совѣта отчетъ въ израсходованіи 1000 рублей, отпущенныхъ изъ суммъ Св. Синода въ пособіе школамъ епархіи на 1887 годъ; 13) заключеніе члена Совѣта, протоіерея Александра Федоровскаго, по поводу разсмотрѣнной имъ книги для записи прихода и расхода денежныхъ поступленій въ пользу школъ за 1887 годъ; 14) наконецъ, на обязанности Совѣта лежали: а) выдача свидѣтельствъ лицамъ, успѣшно выдержавшимъ въ особой комиссіи испытаніе по церковному (унионному) пѣнію на право преподаванія сего предмета въ церковно-приходскихъ школахъ; б) выдача свидѣтельствъ ученикамъ церковно-приходскихъ школъ, успѣшно выдержавшимъ испытаніе на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности; в) выдача, пособій деньгами, учебными книгами и классными принадлежностями наиболѣе нуждающимся школамъ епархіи, а также выдача денежныхъ наградъ отлично-усерднымъ и съ особенною пользою трудившимся въ отчетное время учителямъ и учительницамъ церковно-приходскихъ школъ и г) сношеніе съ нѣкоторыми прави-

тельствеными учрежденіями и частными лицами по дѣламъ, касавшимся церковно-приходскихъ школъ.

IV.

Наблюдатели и ихъ дѣятельность.

Ближайшее руководство и наблюденіе за церковно-приходскими школами въ отчетное время было ввѣрено, примѣнительно къ количеству благочинническихъ округовъ, 34-мъ наиболее способнымъ и опытнымъ въ дѣлѣ народнаго образованія священникамъ. Къ обязанностямъ наблюдателей относилось возможно частое посѣщеніе церковно-приходскихъ школъ, общее наблюденіе за правильнымъ и усильнымъ движеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ этихъ школахъ и руководство законоучителей и учителей по вопросамъ, касавшимся учебной ихъ практики, а также попеченіе о матеріальномъ преуспѣяніи существующихъ школъ и содѣйствіе къ открытію новыхъ школъ.

При повременныхъ обзорѣніяхъ школъ своихъ округовъ наблюдатели слѣдили за тѣмъ, правильно-ли велись учебныя занятія, соответствовало-ли обученіе существующимъ учебнымъ программамъ и на мѣстѣ провѣряли степень религіозно-нравственнаго просвѣщенія учащихся; въ концѣ-же учебнаго года производили повѣрочныя испытанія учениковъ въ томъ, что пройдено ими за отчетное время. Съ участіемъ приходскихъ священниковъ наблюдатели, при удобныхъ случаяхъ, указывали прихожанамъ, особенно деревенскимъ, на необходимость и важность воспитанія ихъ дѣтей въ духѣ православнаго христіанскаго вѣроученія и нравственности и, такимъ образомъ, вызывали въ нихъ живое и дѣятельное сочувствіе на пользу церковно-приходскихъ школъ, выразившееся какъ въ открытіи крестьянскими обществами новыхъ церковно-приходскихъ школъ, съ обязательствомъ поддерживать существованіе оныхъ опредѣленными денежными взносами, такъ и въ усиленныхъ пожертвованіяхъ на содержаніе уже существующихъ школъ. Нѣкоторые оо. наблюдатели, въ примѣръ дѣятельнаго участія и живаго интереса къ церковно-приходскимъ школамъ, къ пожертвованіямъ прихожанъ на пользу этихъ школъ присоединяли и свои въ видѣ денежныхъ и иныхъ матеріальныхъ пособій.

Съ отличнымъ усердіемъ и пользою для дѣла по народному образованію учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ исполняли свои обязанности наблюдатели: 1-го Зміевскаго округа—протоіерей Алексѣй Илларионовъ и 5-го Старобѣльскаго округа—протоіерей Михаилъ Павловъ. Первый изъ нихъ, помимо бдительнаго руководства учебною частію въ школахъ ввѣреннаго ему округа, прилагалъ особыя заботы о благоустройствѣ Кочетковской церковно-приходской школы и личнымъ пожертвованіемъ въ отчетное время оказывалъ сей школѣ значительную матеріальную поддержку. Такъ, за отчетный годъ протоіерей Алексѣй Илларионовъ пожертвовалъ лично отъ себя 150 руб. на содержаніе названной цер-

ковно-приходской школы, въ которой состоитъ главнымъ руководителемъ и законоучителемъ. Благодаря личнымъ трудамъ протоіерея Алексѣя Илларионова, открытая и, главнымъ образомъ, поддерживаемая имъ матеріально Кочетковская школа представляется благоустроенною по всѣмъ частямъ. Не менѣе благотворна и просвѣтительна дѣятельность протоіерея Михаила Павлова, какъ наблюдателя церковно-приходскихъ школъ во ввѣренномъ его смотрѣнію 5-мъ Старобѣльскомъ округѣ. Почтенный о. наблюдатель протоіерей Павловъ въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущіе, не ослабно заботился о распространеніи грамотности во ввѣренномъ ему округѣ, а также и объ упроченіи и матеріальномъ устройствѣ школъ. Слѣдствіемъ этихъ заботъ было то, что къ текущему учебному году въ 5-мъ Старобѣльскомъ округѣ число школъ увеличилось 5-ю вновь открытыми школами грамоты и изысканы средства на устройство новыхъ школьныхъ зданій въ 3-хъ приходахъ сего округа.

Примѣчаніе. Въ 5-мъ Старобѣльскомъ округѣ къ настоящему учебному году существовало 19 школъ, въ томъ числѣ 11 церковно-приходскихъ школъ и 8 школъ грамоты; учащихся въ сихъ школахъ—374 мальчика и 7 дѣвочекъ. Устроено свѣтлое и просторное школьное зданіе въ с. Ново-Ахтыркѣ и начата постройка церковно-приходскихъ школъ въ сд. Чебаповкѣ и Трехизбянскѣ. Постройка школьнаго зданія въ Трехизбянскѣ ведется подъ непосредственнымъ руководствомъ и надзоромъ о. протоіерея Павлова и, судя по средствамъ, коими располагаетъ почтенный строитель о. Павловъ, школьное зданіе въ слободѣ Трехизбянскѣ имѣетъ бытъ однимъ изъ лучшихъ въ епархіи.

Изъ отчета наблюдателя протоіерея Павлова за истекшія 1887/8 учебный годъ, обстоятельно излагающаго положеніе школъ въ 5-мъ Старобѣльскомъ округѣ, видно, что онъ усердно слѣдилъ за правильнымъ движеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ школахъ, внимательно изучалъ нужды оныхъ, располагалъ мѣстныя сельскія общества въ пользу церковно-приходскихъ школъ и личными лично-ревностными заботами о преуспѣяніи оныхъ въ матеріальномъ и учебно-воспитательныхъ отношеніяхъ показалъ образецъ рѣдкаго пастырскаго усердія и любви къ дѣлу народнаго просвѣщенія въ духѣ вѣры и церкви православной. Кромѣ оо. протоіереевъ А. Илларионова и М. Павлова, усердное отношеніе къ своимъ обязанностямъ обнаружили также наблюдатели: 1-го округа гор. Харькова— протоіерей Павелъ Ковалевскій, 2-го Купянскаго округа—священникъ Петръ Торанскій, 1-го Богодуховскаго округа—священникъ Андрей Сапухинъ и 3-го Ахтырскаго округа—священникъ Михаилъ Литкевичъ. Свѣдѣнія о школахъ, представленныя этими оо. наблюдателями въ годовыхъ отчетахъ, ясно свидѣтельствуютъ, что они вполне изучили жизнь ввѣренныхъ ихъ смотрѣнію школъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла слѣдили за религіозно-нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ учащихся въ оныхъ.

У.

Статистическія свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ.

А. Общее количество церковно-приходскихъ школъ.

Количество церковно-приходскихъ школъ въ теченіе отчетнаго

года, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, нѣсколько увеличилось, а именно: въ 1-му августа 188⁶/₇ г. числилось 103 школы; въ теченіе отчетнаго 188⁷/₈ года вновь открыто 34 школы (изъ нихъ 26 открыты въ первой половинѣ учебнаго года и 8 во второй—по 1-е августа 1888 г.). Такимъ образомъ, къ началу текущаго учебнаго года всѣхъ церковно-приходскихъ школъ въ епархіи было 137.

Б. Мѣстонахожденіе церковно-приходскихъ школъ.

137 школъ, о состояніи которыхъ за отчетное время представлены въ Совѣтъ свѣдѣнія обружными наблюдателями, находятся въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ епархіи: а) *въ городѣ Харьковѣ при приходскихъ церквахъ*: 1) Воскресенской, 2) Свято-Духовской 1-й, 3) Свято-Духовской 2-й (въ хуторѣ Глубокій-Яръ, Свято-Духовскаго прихода), 4) Александро-Невской, 5) Вознесенской и 6) Всѣхсвятской; б) *въ предѣлахъ Харьковскаго уѣзда*: 7) при Куряжскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, — въ селахъ: 8) Алексѣевкѣ, 9) Роганн, 10) Малой Рогозянкѣ, 11) Полевой, 12) Ольшаной (при Трехсвятительской церкви), 13) въ Дергачахъ (при Рождество-Богородичной церкви), 14) въ Дергачахъ (при Николаевской церкви), 15) въ Лищахъ, 16) въ Стрѣлечьемъ (школа грамотности); в) *въ предѣлахъ Ахтырскаго уѣзда*: 17) въ г. Ахтыркѣ (при Покровскомъ соборѣ), — въ селахъ: 18) Хухрѣ, 19) Лугищахъ, 20) Пожнѣ, 21) Рясномъ (при Свято-Дмитріевскомъ монастырѣ), 22) Жигаиловѣ, 23) Мезиновѣ; г) *въ предѣлахъ Богодуховскаго уѣзда*: 24) въ г. Богодуховѣ (при Покровской церкви), 25) въ г. Богодуховѣ (при Троицкой церкви), 26) въ г. Богодуховѣ (при Успенскомъ соборѣ), 27) въ г. Богодуховѣ (при Свято-Троицкой богадѣльнѣ), въ селахъ: 28) Малыжиной, 29) Станичномъ, 30) въ Большой Инсаревкѣ, 31) Александровкѣ, 32) Лихачевкѣ, 33) Кручинѣ, 34) Мирномъ; д) *въ предѣлахъ Валковскаго уѣзда*: 35) въ хуторѣ Покровскомъ, принадлежащемъ приходу Покровской церкви села Алексѣевки, 36) въ слоб. Коломакѣ (при Воскресенской церкви), 37) въ слоб. Коломакѣ (при Успенской церкви—школа грамотности), 38) въ с. Черемушномъ, 39) въ Княжномъ; е) *въ предѣлахъ Волчанскаго уѣзда*: 40) въ с. Пассековкѣ, 41) въ Старомъ Салтовѣ, 42) въ селѣ Заводахъ, 43) въ слоб. Ново-Бѣлгородѣ (при Преображенской церкви), 44) въ хуторѣ Грачевкѣ (прихода слоб. Ольховатки—школа грамотности), 45) въ хут. Ново-Александровкѣ (при молитвенномъ домѣ); ж) *въ предѣлахъ Зміевскаго уѣзда*: 46) въ с. Кочеткѣ, 47) въ с. Замостьѣ, 48) въ с. Терновой, 49) въ с. Боровой, 50) въ с. Гуляй-Полѣ, 51) Шевелевкѣ, 52) Асѣевкѣ, 53) Гомольнѣ, 54) въ с. Мосьпановомъ, 55) въ с. Коробочкѣ (школа грамотности); з) *въ предѣлахъ Изюмскаго уѣзда*: 56) въ г. Изюмѣ (при Покровской церкви), 57) въ с. Малой Камышевахъ, 58) въ Ольховомъ Рогѣ, 59) въ с. Затиманьѣ, 60) въ с. Рай-Александровкѣ, 61) въ хуторѣ Яремовкѣ, принадлежащемъ приходу села Студенка, 62) въ с. Рѣдкодубѣ, 63) въ с. Богодаровой, 64) въ с. Го-

лой Долинѣ, 65) въ с. Алисовѣ, 66) въ с. Знаменскомъ (школа грамотности), 67) въ с. Бѣлянскомъ (школа грамотности), 68) въ с. Сергіевкѣ (школа грамотности); п) *въ предѣлахъ Купянскаго уѣзда*: 69) въ с. Ново-Георгіевскѣ (Крамарское тожъ), 70) въ с. Верхней Дуванкѣ, 71) въ сл. Николаевкѣ, 72) въ Куземовкѣ, 73) въ слоб. Ново-Глуховѣ, 74) въ с. Краснянскѣ, 75) въ с. Торской, 76) въ поселкѣ Боровскомъ (Пустынка тожъ), 77) въ с. Боголюбовой, 78) въ слоб. Ново-Екатеринославѣ, 79) въ с. Бѣлоцерковкѣ, 80) въ слоб. Нижней Дуванкѣ, 81) въ с. Кармозиновкѣ (въ приходѣ Николаевской единовѣрческой церкви), 82) въ с. Краснянскѣ (въ приходѣ Александро-Невской единовѣрческой церкви), 83) въ хуторѣ Нежуриномъ (Ново-Екатеринославскаго прихода—школа грамотности); і) *въ предѣлахъ Лебединскаго уѣзда*: 84) въ с. Рябушкахъ, 85) въ с. Мартыновкѣ, 86) въ с. Ольшаной, 87) въ с. Верхосулѣ; к) *въ предѣлахъ* (наиболѣе населеннаго) *Старобѣльскаго уѣзда*: 88) въ сл. Нижней Покровкѣ, 89) въ с. Рудсомъ, 90) въ Половинкиной, 91) въ с. Голубовѣ, 92) въ с. Шульгинкѣ, 93) въ с. Климовѣ, 94) въ с. Верхней Покровкѣ (школа грамотности), 95) въ с. Евсурѣ (школа грамотности), 96) въ с. Машьковѣ, 97) въ с. Богородичной, 98) въ с. Тимоновой, 99) въ с. Воеводскомъ, 100) въ слоб. Бѣлокуракиной (школа грамотности), 101) въ слоб. Шаровкѣ (школа грамотности), 102) въ с. Основой, 103) въ с. Сычевкѣ, 104) въ с. Просной, 105) въ с. Каменкѣ (школа грамотности), 106) въ с. Морозовкѣ, 107) въ хуторѣ Пѣвневомъ, принадлежащемъ Морозовскому приходу (школа грамотности), 108) въ сл. Стрѣльцовкѣ, 109) въ с. Городищѣ, 110) въ с. Моисеевкѣ (школа грамотности), 111) въ с. Михайликовкѣ, 112) въ с. Боровской, 113) въ сл. Волкодавовой, 114) въ сл. Ново-Ахтырѣ, 115) въ с. Ново-Айдарѣ, 116) въ с. Барваровкѣ, 117) въ с. Гречншкномъ, 118) въ с. Алексѣевкѣ (Разбѣгайлова тожъ), 119) въ с. Трехизбянскѣ, 120) въ с. Старомъ Айдарѣ, 121) въ с. Чебановѣ, 122) въ хут. Передѣльскомъ Старо-Айдарскаго прихода, 123) въ хуторѣ Плужномъ того-же прихода, 124) въ деревнѣ Счастыя того-же прихода (въ послѣднихъ трехъ мѣстахъ—школы грамотности); л) *въ предѣлахъ Сумскаго уѣзда*: 125) въ г. Сумахъ (при Преображенскомъ соборѣ), 126) въ г. Сумахъ (при Покровской церкви), 127) въ гор. Сумахъ (при Николаевской церкви), 128) въ селѣ Анненскомъ, 129) въ деревнѣ Гребенниковкѣ, состоящей въ приходѣ села Бобрка, 130) въ с. Локнѣ, 131) въ с. Подлѣсновѣ, 132) въ с. Ворожбѣ и пять школъ грамоты въ приходѣ слоб. Волкодавовой, Старобѣльскаго уѣзда. Итого 137 школъ.

В. Школы, въ которыхъ были временно прекращены занятія въ отчетномъ году.

Въ истекшемъ учебномъ году, по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, были временно прекращены занятія въ нижеслѣдующихъ школахъ епархіи: 1) въ Харьковской Свято-Духовской 2-й, 2) въ Мезиновской, Ахтырскаго уѣзда, 3) въ Морозовской, Ста-

робѣльскаго уѣзда, 4) Ассѣвской, Зміевскаго уѣзда, 5) въ Изюмской—при кладбищенской Покровской церкви и 6) въ Алисовской, того-же уѣзда.

Г. Количество двухклассныхъ и одноклассныхъ школъ—исключительно мужскихъ, женскихъ и для обоихъ половъ вмѣстѣ.

Изъ числа 137 школъ—двухклассныхъ (Александровско-Невская въ гор. Харьковѣ и въ г. Сумахъ при Покровской церкви), 111 одноклассныхъ и 24 школъ грамотности. Въ томъ числѣ 47 школъ исключительно мужскихъ, 1—женская и 89—для обоихъ половъ. Во всѣхъ школахъ обучаются дѣти приходящія, исключая двухъ школъ: при Ряснянскомъ Свято-Дмитріевскомъ монастырѣ въ Ахтырскомъ уѣздѣ и въ селѣ Голой Долинѣ, Изюмскаго уѣзда, въ коихъ дѣти получали помѣщеніе и содержаніе: въ первой школѣ—15 человѣкъ отъ Ряснянскаго монастыря и во второй—7 человѣкъ отъ Святогорской пустыни.

Д. Количество церковно-приходскихъ школъ съ однимъ, двумя, тремя и четырьмя отдѣленіями.

Въ отчетное время церковно-приходскихъ школъ съ однимъ отдѣленіемъ было 47, съ двумя—56, съ тремя—26 и съ четырьмя—2. О распредѣленіи дѣтей на группы или отдѣленія въ 6 школахъ, наименованныхъ въ V пунктѣ отчета подъ буквою В, свѣдѣній не доставлено за временнымъ прекращеніемъ занятій въ этихъ школахъ въ отчетное время.

Е. Количество учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ.

а) *Общее.* Всѣхъ учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ за отчетный годъ было 4.149; въ томъ числѣ мальчиковъ—3.693 и дѣвочекъ—456. Наибольшее число учащихся было въ школахъ городскихъ. Школъ, имѣющихъ около 100 и болѣе учащихся, было 9, отъ 50 до 70 учениковъ—19, отъ 30 до 40—58, отъ 10 до 20 и болѣе учащихся—45 школъ. Свѣдѣнія о числѣ учащихся въ 6 школахъ, бывшихъ временно закрытыми въ отчетномъ году, не показаны.

б) *По возрасту.* Учащіеся по возрасту распредѣляются такъ: отъ 7 до 10 лѣтъ 1.863, отъ 10—12 лѣтъ 1.471, отъ 12—14 лѣтъ 665 и свыше 14 лѣтъ—150.

в) *По сословіямъ:* дѣтей дворянъ—20 человѣкъ, духовныхъ—50 человѣкъ, почетныхъ гражданъ—9, купцовъ—20, мѣщанъ—267, пеховыхъ—59, солдатскихъ—249 и крестьянъ—3475 человѣкъ. Всего 4.149 человѣкъ.

Ж. Наименованіе школъ, въ которыхъ произведены были выпускные экзамены на полученіе льготныхъ свидѣтельствъ, съ показаніемъ числа учениковъ, окончившихъ курсъ ученія съ правомъ на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности и безъ права.

Въ концѣ отчетнаго года произведены были выпускные экзамены

ны на полученіе льготныхъ свидѣтельствъ IV разряда по отбыванію воинской повинности въ 31-й школъ епархіи. На основаніи существующихъ правилъ объ экзаменахъ въ церковно-приходскихъ школахъ епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, удостоены полученія свидѣтельствъ на означенную льготу 202 ученика нижеслѣдующихъ школъ: 1) Сумской Покровской школы 22 человекъ; 2) Харьковской Воскресенской 17 человекъ; 3) Покровской Валковскаго уѣзда—12 человекъ; 4) Сумской Соборно-Преображенской—11 человекъ; 5) Дергачевской (при Рождество-Богородичной церкви)—8 человекъ; 6) Маньковской, Купянскаго уѣзда—8 человекъ; 7) Голодолинской, Изюмскаго уѣзда—8 человекъ; 8) Ново-Глуховской, Купянскаго уѣзда—8 человекъ; 9) Харьковской Александро-Невской—8 человекъ; 10) Кочетковской, Зміевскаго уѣзда—7 человекъ; 11) Богородичанской, Старобѣльскаго уѣзда—7 человекъ; 12) Харьковской Свято-Духовской 1-й—6 человекъ; 13) Роганской, Харьковскаго уѣзда—6 человекъ; 14) Ахтырской при соборѣ—6 человекъ; 15) Богодуховской Троицкой—6 человекъ; 16) Ольшанской, Лебединскаго уѣзда—6 человекъ; 17) Харьковской Всѣхсвятской—5 человекъ; 18) Ряснянской, Ахтырскаго уѣзда, при Свято-Димитріевскомъ монастырѣ—5 человекъ; 19) Боровской, Зміевскаго уѣзда—5 человекъ; 20) Ново-Айдарской, Старобѣльскаго уѣзда—5 человекъ; 21) Основской, Старобѣльскаго уѣзда—5 человекъ; 22) Хухрянской, Ахтырскаго уѣзда—4 человекъ; 23) Жигайловской, того-же уѣзда—4 человекъ; 24) Ново-Ахтырской, Старобѣльскаго уѣзда—4 человекъ; 25) Торской, Купянскаго уѣзда—4 человекъ; 26) Рябушкннской, Лебединскаго уѣзда—4 человекъ; 27) Ново-Екатеринославской, Купянскаго уѣзда—3 человекъ; 28) Волкодавовой, Старобѣльскаго уѣзда—3 человекъ; 29) Тимоновской, того-же уѣзда—3 человекъ; 30) Краснянской, Купянскаго уѣзда—1, и 31) Ворожбянской, Сумскаго уѣзда—1 человекъ. Не удостоены права на полученіе льготныхъ свидѣтельствъ по малолѣтству—5 учениковъ и по неудовлетворительности отвѣтовъ—8 учениковъ; всего—13 учениковъ.

(Продолженіе будетъ).

С В Ѣ Д Ъ Н І Е

о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго X Епархіальнымъ съѣздомъ за вторую половину 1888 г.

Къ 1-му іюля 1888 года оставалось: наличнымъ деньгами 210 р. 16 коп.; билетъ I внутренняго съ выигрышами займа въ 100 р. и въ долгу за Харьковскимъ епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ 33,184 рубля. Всего 33,494 р. 16 к.

Съ 1-го іюля 1888 года по 1-е января 1889 года поступило на приходъ: а) личнаго взноса отъ духовенства епархіи, чрезъ окружающихъ благочинныхъ 5,065 р. 77 к. и б) процентовъ отъ епархі-

альнаго свѣчнаго завода и по билету I внутренняго съ выигрышами займа 3,108 р. Всего 8,173 р. 77 к.

Въ теченіи второй половины 1888 г. израсходовано: а) согласно опредѣленію XII Епархіальнаго Съѣзда передано Епархіальному свѣчному заводу 8,155 р. 63 к.; б) выдано жалованья секретарю Попечительства 150 р.; в) уцлочено въ типографію Харьковскаго военнаго Окружнаго Штаба за напечатаніе бланковъ для алфавитовъ владчпцовъ и переплетъ сихъ алфавитовъ 11 р. 85 к. и б) за страхованіе въ конторѣ Новаго билета внутренняго съ выигрышами займа 1 р. 15 к. Всего 8,318 р. 63 к.

Затѣмъ къ 1-му январю 1889 года въ остаткѣ состоитъ: а) наличными деньгами 65 р. 30 к.; б) билетъ I внутренняго съ выигрышами займа въ 100 р. и в) въ долгу за Харьковскимъ Епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ 44,339 р. 63 к. Всего 41,504 руб. 93 коп.

В Ъ Д О М О С Т Ь

о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода на 1-е января 1889 г.

А) Заводъ имѣетъ:

1) Въ кассѣ: аа) наличными деньгами 1509 р. 29¹/₂ к., бб) билетами 6900 р., итого 8409 р. 29¹/₂ к.; 2) въ матеріалахъ: свѣчей золоченныхъ и простыхъ 2168 п. 9⁷/₈ ф., 46617 р. 31 к., крестиковъ восковыхъ 7⁷/₈ ф., 5 р. 12 к., желтаго воску 4609 п. 21¹/₄ ф., 98978 р. 15¹/₂ к., бѣлаго воску 2695 п. 15¹/₂ ф., 57141 р. 21¹/₂ ф., огарочнаго и перхов. воску 800 п. 7 ф., 14403 р. 15 к., огарковъ свѣчныхъ 153 п. 10 ф., 2758 р. 50 к., обвощеныхъ отбросовъ 45 п. 12²/₂ ф., 407 р. 81¹/₄ к., фитильной бумаги 12 п. 23¹/₂ ф., 238 р. 33 к., увязи для свѣчей 5 п. 28 ф., 69 р. 70¹/₂ к., оберточной синей бумаги 1 п. 11 ф., 6 р. 40 к., золота 150 книжекъ 83 р. 75 к., этикетовъ 28¹/₂ ф. 38 р. 19 к., деревяннаго масла 1¹/₂ ф., 45 к., укупорочныхъ ящпковъ 1230 шт., 615 р., краски для свѣчей 3¹/₂ ф., 6 р. 80 к., оберточной сѣрой бумаги 1 п. 39 ф., 6 р. 32 к., укупорочныхъ гвоздей 4 ф., 40 к., рогожныхъ кулей годныхъ 2560 шт., 512 р., рогожныхъ кулей негодныхъ 60 шт. 1 р. 80 к., керосину 7 п. 22 ф., 10 р. 57 к., каменнаго угля 75 пуд. 13 р. 50 коп., дровъ дубовыхъ 2-го сорта 4 саж. 1 арш., 78 руб., итого въ матеріалахъ 221992 руб. 47³/₄ коп.; 3) въ имуществѣ: аа) въ недвижимомъ: земля, лѣсъ, каменныхъ и др. постройкахъ 30000 р., бб) въ движимомъ: паровыи. трубы, котлы и др. механическіе приспособленія 1817 р. 48 к., обозъ и лошади 517 р. 50 к., сѣна 96 копенъ 288 р., овса 13 п. 6 р. 50 к. разныхъ хозяйственныхъ вещей 30 р., мебель, шкафы, прилавки, нестораемый шкафъ

497 р., итого въ имуществѣ 33156 р. 48 к.: 4) въ долгахъ заводу: комитетъ таврическаго епархіального свѣчнаго завода 3857 р. 50 к., уѣздные коммиссіонеры за отпущенныя свѣчи 65136 р. 19½ коп., городскіе и сельскіе церкви и монастыри 8996 р. 6¾ к., свѣчная лавка архіерейскаго домоправленія 5974 р. 60 к., выдано въ задатокъ за матеріалы 625 руб., выдано впередъ за аренду свѣчной лавки 166 р. 67 к., итого въ долгахъ 84756 р. 3¼ к., а всего заводъ имѣетъ 348314 р. 28½ коп.

Б) Заводъ долженъ.

Запаснаго капитала духовенства епархій 41339 р. 63 к., епархіальному женскому училищу: капитала 10000 р., процентовъ 352 р. 79 к., церквамъ харьковской епархій: капитала 8745 р., процентовъ 1234 р. 23½ к., причтамъ церквей епархій: капитала 550 р., процентовъ 11 р. 94 к., авансоваго взноса за 65 п. свѣчей 1690 р. за купленный матеріалъ на 1889 годъ 19805 р. 11¼ к., за разные предметы забираемые въ кредитъ для заводской экономіи 214 р. 6 коп., Харьковской Конторѣ Государственнаго Банка по залогу билетовъ 5780 р., всего заводъ долженъ 89722 р. 76¾ к., а за исключеніемъ означеннаго долга заводъ имѣетъ въ наличности всего 25891 р. 51¾ к., кромѣ того въ теченіи 1888 г. изъ средствъ завода выдано: на постройку сумскаго духовнаго училища, на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній и другія потребности епархій 45993 р. 20 к., на уплату процентовъ по займамъ 4291 р. 38 к., израсходовано на постройку складовъ 63 р. 52 к., тоже на устройство новой пресовальни 1018 р. 87 к., сдѣлано скидки, согласно постановленію XII епархіального съѣзда духовенства, по ¼ фунта съ пуда свѣчей, проданныхъ въ 1888 г. коммиссіонерами, что составляетъ съ 729 пуд. 36 ф.—4 пуд. 22⅞ ф. по 28 р., 127 р. 72¼ к., а всего въ теченіи 1888 г. израсходовано изъ прибылей завода за 1888 г. 51494 р. 69¼ коп.

Примѣчаніе. Весь матеріалъ на 1-е января 1889 года провѣрялся чрезъ перекъ членами правленія завода въ присутствіи ревизіонной коммиссіи, о чемъ имѣется въ правленіи завода актъ.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Іоаннъ *Высоцкій* уволенъ отъ исправленія порученнаго ему служенія при Верхо-Харьковскомъ Николаевскомъ женскомъ монастырѣ.

— Священникъ села Гинеевки, Зміевского уѣзда, Петръ *Торанскій*, перемѣщенъ къ Воскресенской церкви села Хорошево, Харьковского уѣзда.

— Священники: села Золотого-Колодязя, Изюмскаго уѣзда, Василій *Николаевскій* и Успенской церкви слоб. Дементѣвки, Харьковского уѣзда, Димитрій *Нагородскій* перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Священникъ Симеонъ *Анисимовъ* утвержденъ законоучителемъ Бупянскаго городского приходскаго училища.

— Окончившій курсъ семинаріи Николай *Твердохлѣбовъ* рукоположенъ во священника въ Верхо-Харьковскій Николаевскій женскій монастырь.

— Священникъ села Каплуповки, Богодуховскаго уѣзда, Василій *Якобовичъ* умеръ.

— Священникъ села Мальжина, Богодуховскаго уѣзда, Михаилъ *Лонгиновъ* переведенъ на священническое мѣсто въ с. Каплуповку.

— Безмѣстный священникъ Іаковъ *Давидовъ* опредѣленъ на священническое мѣсто въ село Мальжино.

— Воспитаникъ семинаріи Алексѣй *Левиндовскій* опредѣленъ сверхштатнымъ псаломщикомъ къ Купянской Соборной Покровской церкви безъ полученія дохода.

— Псаломщики: села Песокъ, Изюмскаго уѣзда, Александръ *Бутковскій* и села Песочина, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Бутковскій* переимены одинъ на мѣсто другого.

— Учитель Іаковъ *Оульковъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Преображенской церкви Преображенскаго села, Купянскаго уѣзда.

— Псаломщики: Преображенской церкви слоб. Преображенска, Купянскаго уѣзда, Іаковъ *Оульковъ* и слоб. Верхней-Писаревки, Волчанскаго уѣзда, Андрей *Сынцевъ*, переимены одинъ на мѣсто другого.

— Сынъ псаломщика Андрей *Ладенковъ* опредѣленъ псаломщикомъ Димитріевской церкви слоб. Стецковки, Сумскаго уѣзда.

— Діаконскій сынъ Митрофанъ *Царевскій* опредѣленъ псаломщикомъ Успенской церкви с. Клямовки, Сумскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви слоб. Боромли, Ахтырскаго уѣзда, Митрофанъ *Македонскій* опредѣленъ діакономъ къ Димитріевской церкви с. Стецковки, Сумскаго уѣзда, а на его мѣсто псаломщикомъ опредѣленъ сынъ священника Димитрій *Подольскій*.

— Сынъ псаломщика Іакинфъ *Бузукиій* опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ церкви села Нижне-Русскаго-Впщкня, Зміевскаго уѣзда.

— Студентъ Харьковской духовной семинаріи Николай *Никумцевъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Успенской церкви слоб. Коломака, Валковскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Архангело-Михайловской церкви с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда, Николай *Моценковъ* опредѣленъ на священническое мѣсто при Іоанно-Богословской ц. с. Большой Черпетчины, а на его мѣсто п. д. псаломщика опредѣленъ сынъ псаломщика Іоаннъ *Сукмевъ*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: слоб. Межирича, Лебединскаго уѣзда, Покровской крест. Климентъ Петровъ *Цаненко* и Преображенской отставной унтеръ-офицеръ Адрианъ Тихоновъ *Колесникъ*, отставной штабсъ-капитанъ Николай Андреевъ *Кукелевскій-Плишковскій* Казанской села Чупаховки, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ Матѳей Карповъ *Шкурка* Крестовоздвиженской слоб. Межирича, Лебединскаго уѣзда, отставной солдатъ Федоръ *Обій* къ церкви села Ковеговъ, Валковскаго уѣзда, на второе трехлѣтіе, купецъ Порфирій *Моценскій* къ Троицкой церкви слоб. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда, на пятое трехлѣтіе.

— Церковный староста Успенской церкви слоб. Барвенковой, Изюмского уѣзда, крест. Писидоръ *Кищенко*, согласно прошенію его по случаю болѣзни, уволенъ Его Высокопреосвященствомъ отъ должности церковнаго старосты.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Предстоящій 50-ти лѣтній юбилей воссоединенія униатовъ Западнаго края съ православіемъ.—Мѣра къ возвышенію знанія церковнаго устава.—Распоряженіе объ отмѣткѣ въ формуларахъ залитій въ церковныхъ школахъ.—Школа миссіонерства на Авоинѣ.—Обсужденіе вопросовъ, касающихся военнаго духовенства.—Разрѣшеніе студентамъ духовныхъ академій свободнаго выхода на службу въ другія вѣдомства.—Распоряженіе Казацкаго архіепископа.—Авоинскія святыни въ Петербургѣ.—Оригинальный памятникъ 17 октября.—Память 17 октября.—Изысканіе средствъ къ обезпеченію существованія церковно-приходскихъ школъ.—Къ вопросу о содержаніи духовно-учебныхъ заведеній.—Разборъ подложнаго раскольническаго сочиненія.—Некрологъ.

— Предстоящій 50-ти лѣтній юбилей воссоединенія униатовъ Западнаго края съ православіемъ. Въ нынѣшнемъ году исполнится 50 лѣтъ воссоединенія униатовъ Западнаго края съ православіемъ. Исключеніемъ оставались лишь униаты холмскіе, воссоединившіеся, какъ извѣстно, значительно позже—въ 1875 году. Въ газетахъ уже появлялись извѣстія о предстоящемъ празднованіи этого знаменательнаго событія, отложенномъ до 8 іюня, тогда какъ дѣйствительная годовщина приходится на 25 марта. Чѣмъ ознаменуется самый юбилей—пока еще неизвѣстно, но соображенія по этому поводу уже встрѣчались въ печати.

Дѣло въ тѣмъ, что событіе 1839 года, по своему глубокому не только религіозному, но и политическому значенію, составляетъ въ исторіи Западнаго края такую видную эпоху, которая не осталась безъ послѣдствій для всего послѣдующаго времени, вплоть до польскаго возстанія 1863 года. Правда, что послѣдствія эти, благодаря противодѣйствію польскаго помѣстнаго элемента, не были столь широкими, какъ могли-бы быть, но самое коренное послѣдствіе, стремленіе къ сключенію края съ остальной Россіей, сохранилось и составляетъ важную историческую заслугу императора Николая, Іосифа Сѣмашко и другихъ дѣятелей, подготовлявшихъ воссоединеніе униатовъ.

Значеніе униіи въ церковномъ отношеніи не требуетъ особыхъ поясненій. Единство вѣры не могло не отразиться оживленіемъ религіознаго чувства и укрѣпленіемъ православія, а также, до известной степени, способствовало и внѣшнему церковному благоустройству. Правда, положеніе православныхъ храмовъ въ селеніяхъ крайне не удовлетворительное, долго не могло еще измѣ-

ниться къ лучшему, вслѣдствіе упомянутыхъ нами могущественныхъ мѣстныхъ вліяній, не смотря даже на категорическую волю императора Николая, выраженную, въ этомъ отношеніи, мѣстными помѣщикамъ. Лишь въ пятидесятыхъ годахъ постройки церквей стали улучшаться и умножаться, а всего болѣе способствовало успѣху въ этомъ отношеніи усмиреніе востанія 1863 г. и особая заботливость Муравьева къ возстановленію православныхъ церквей.

Но едва-ли еще не важнѣе воссоединеніе униатовъ по отношенію къ укрѣпленію въ краѣ русской свѣтской гражданственности. Достаточно упомянуть объ отмѣнѣ, вслѣдъ за нимъ, силы литовскаго статута и о введеніи въ западныхъ губерніяхъ дѣйствія общерусскаго свода законовъ. Если-бы послѣдующая наша внутренняя политика по Западному краю отличалась такою-же послѣдовательностію въ русскомъ смыслѣ, какъ это было въ первое время послѣ воссоединенія униатовъ, подъ вліяніемъ этого событія, то Россія избѣгла-бы многихъ хлопотъ и въ 1863 году, съ которыми справился уже только Муравьевъ. Прибавимъ, что число воссоединенныхъ составляло до полутора милліона душъ; вотъ какую цифру подчинило воссоединеніе вліянію русской религіи, отдѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ вліянія папскаго престола, а какъ это важно въ краѣ съ преобладавшимъ въ ту пору польскимъ вліяніемъ—не трудно оцѣнить.

Эта послѣдняя сторона дѣла продолжаетъ сказываться и до сихъ поръ, именно по поводу юбилея. Безъ сомнѣнія, для поздняго празднованія его есть свои причины. Тѣмъ не менѣе, какъ мы слышали, и въ польскихъ вліятельныхъ кругахъ проявляется усиленная дѣятельность; она направлена къ тому, чтобы, въ виду происходящихъ теперь переговоровъ съ Римомъ, добиться назначенія новыхъ католическихъ епископовъ на пустующія теперь кафедры ранѣе юбилея, для противодѣйствія тому нравственному вліянію, какое ожидается отъ православнаго праздника на католическое населеніе. Вопросъ о назначеніи трехъ епископовъ на вакантныя кафедры, какъ у насъ сообщалось на основаніи берлинскихъ газетъ, служилъ въ послѣднее время главнымъ предметомъ переговоровъ съ Ватиканомъ. Желательно было-бы, поэтому, чтобы православное празднованіе не затягивалось на дальній срокъ, не смотря даже на мѣстныя удобства, которыя, быть можетъ, и побудили избрать для этой цѣли 8 іюня.

Нельзя не спросить по этому поводу: чѣмъ же ознаменуется, съ православной стороны, ожидаемый юбилей. Нѣтъ-ли такихъ про-

бѣловѣ въ нашихъ западныхъ русскихъ учрежденіяхъ, пополненіе которыхъ было-бы своевременно и даже подходило-бы къ юбилею. Такой пробѣлъ несомнѣнно существуетъ по части духовно-просвѣтительной. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ нашей публицистикѣ оживленно доказывалась необходимость учрежденія въ Вильнѣ православной духовной академіи; это было-бы продолженіемъ дѣла Іосифа Сѣмашки, въ смыслѣ современнаго укрѣпленія въ Западномъ краѣ нашей вѣры и народности путемъ постояннаго воздѣйствія въ желаемомъ смыслѣ на массу населенія. Толки объ этомъ, однакожъ, такъ ни къ чему и не привели. Юбилейное событіе представляетъ удобный случай, чтобы снова поднять этотъ вопросъ.

Еще должно отмѣтить вотъ какое обстоятельство, бросающееся въ глаза за послѣдніе годы, по отношенію къ сѣверо-западнымъ губерніямъ. Это—крайняя малочисленность корреспонденцій отсюда въ русскія газеты и—сравнительная многочисленность такихъ корреспондентовъ, даже изъ ничтожныхъ городковъ, въ газеты польскія. Какія причины и вліянія дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ—разсматривать не будемъ, но несомнѣнно, что вліянія эти—антirusскія. Не худо бы почаще столичнымъ газетамъ освѣдомляться, каково обстоитъ, напримѣръ, дѣло просвѣщенія вообще въ краѣ, особенно въ малыхъ городкахъ, которые далеко менѣе на виду, чѣмъ крупныя центры, въ родѣ Вильны. Нужно, чтобы интересъ къ дѣламъ сѣверо-западныхъ губерній возбудился опять въ нашемъ обществѣ, хотя-бы на столько, какъ въ краю Юго-Западному, относительно котораго русская интеллигенція, достаточно чутка, какъ показалъ вопросъ о генералъ-губернаторствѣ. О дѣлахъ-же Сѣверо-Западнаго края за послѣднее время слышно все меньше и меньше. Но русское дѣло тамъ, конечно, можетъ идти успѣшнѣе, если гласность и общественное мнѣніе будутъ ему помогать. Оживленіе вниманія къ краю, вмѣстѣ съ учрежденіемъ высшаго духовно-учебнаго заведенія, было-бы достойною данью событію, съ которымъ соединена память объ императорѣ Николаѣ и митрополитѣ Сѣмашко.

— «Въ Херсон. Епарх. Вѣд.» напечатано слѣдующее предложеніе мѣстнаго преосвященнаго: «и при обзорѣнн епархіи въ настоящемъ (1888) году такъ же, какъ и въ прежніе, къ истинному прискорбію, усматривалось и усматривается поразительно слабое знаніе церковнаго устава даже въ такихъ лицахъ, которые знать его обязаны. Посему долгомъ считаю предложить правленію семинаріи распорядиться, чтобы предъ каждою воскресною и праздничною всенощною, какъ и предъ другими службами великаго поста,

страстной и свѣтлой седмицы, а также праздниковъ Рождества Христова, Богоявленія и св. Троицы, уставъ предстоящихъ службъ былъ разъясняется ученикамъ по чинопослѣдованіямъ, которыя указываются въ богослужебныхъ книгахъ, октоихахъ, и минеяхъ, тріодахъ, постной и цвѣтной, а также и въ Типиконѣ. Предлагаю правленію семинаріи сообщить это же требованіе къ исполненію правленіямъ духовныхъ училищъ: Одесскаго, Херсонскаго и Елисаветградскаго, Совѣту женскаго епархіального училища, какъ и епархіально-училищному Совѣту для руководства и исполненія по возможности во всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ».

— Въ тѣхъ же вѣдомостяхъ напечатана резолюція преосвященнаго, данная въ разъясненіе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли отмѣчать въ формулярахъ о занятіяхъ въ церковныхъ школахъ діаконъ и псаломщиковъ «служба псаломщиковъ и діаконъ въ должности учителей церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты должна быть записываема въ формулярные списки этихъ лицъ, причѣмъ должна быть заносима даже и отрицательная сторона этой службы, какъ напр., неаккуратное отношеніе къ школѣ по неспособности, по небреженію, по неблагоповеденію и т. д.».

— Извѣстный Кіеву своими собесѣдованіями со штундистами о. іеромонахъ Арсеній открываетъ на Аѳонѣ практическую школу миссіонерства, съ двухлѣтнимъ курсомъ, на 20 человѣкъ. На учрежденіе школы послѣдовало уже благословеніе Св. Синода. Учениковъ-миссіонеровъ о. Арсеній надѣется набрать, въ настоящее свое путешествіе по Россіи, изъ лицъ монашескаго званія и изъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Учрежденіе русской миссіонерской школы на Аѳонѣ, а не въ Россіи, мотивируется тѣмъ, что на Аѳонѣ имѣется много миссіонерскаго литературнаго матеріала и источниковъ, а также тѣмъ, что тамъ бываетъ постоянный притокъ лицъ, сомнѣвающихся и заблуждающихся въ вѣрѣ. Содержаніе школы, по словамъ «Кіевлянина», беретъ на себя русскій Паптелеймоновъ монастырь.

— «Новое Время» сообщаетъ, что на дняхъ подъ предѣдательствомъ главнаго священника гвардіи, гренадеръ, арміи и флота, протоіерея А. А. Желобовскаго состоялось собраніе духовенства гвардейскаго и армейскаго вѣдомствъ. Рѣшено ходатайствовать объ изданіи еженедѣльнаго спеціальнаго журнала, примѣненнаго къ интересамъ военнаго духовенства, и организована особая коммисія для выработки программы журнала. Затѣмъ обсуждался вопросъ о постройкѣ богадѣльни для вдовъ и сиротъ военнаго духовенства.

Въ заключеніе, былъ разобранъ проектъ одного изъ московскихъ священниковъ объ учрежденіи въ Москвѣ братства военнаго духовенства для устройства при военныхъ церквахъ бібліотекъ, для поддержки церковныхъ хоровъ и для пособія нуждающимся отставнымъ нижнимъ чинамъ.

— Въ этой же газетѣ напечатано слѣдующее извѣстіе. Въ числѣ разъясненій новаго академическаго устава есть, между прочимъ, указъ св. Синода, по которому лица, получившія высшее богословское образованіе въ духовныхъ академіяхъ на казенный счетъ, обязываются или непременно служить въ духовномъ вѣдомствѣ или въ случаѣ перехода ихъ въ другія вѣдомства, сряду же и одновременно внести въ хозяйственное управленіе при св. Синодѣ сумму потраченную на ихъ воспитаніе. Это обязательство ставило кандидатовъ академій, лишенныхъ возможности служить въ духовномъ вѣдомствѣ за недостаткомъ мѣстъ и переходить на службу въ другое вѣдомство, въ крайне безвыходное положеніе, на которое, между прочимъ, неоднократно указывалось въ печати. Въ настоящее время учебный комитетъ при св. Синодѣ обратилъ на это вниманіе и въ одно изъ январскихъ засѣданій св. Синода внесъ предложеніе снять съ лицъ, получившихъ на казенный счетъ высшее богословское образованіе въ академіяхъ, всякія должныя обязательства по отношенію къ духовному вѣдомству и предоставить имъ право свободнаго перехода на службу въ другія вѣдомства, тѣмъ болѣе, что подобныя распоряженія уже существуютъ въ Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— По распоряженію Казанскаго архіепископа къ діаконскому экзамену допускаться будутъ изъ неокончившихъ полного семинарскаго курса только тѣ псаломщики и діаконы, которые были учителями церковно-приходскихъ школъ; отъ ищущихъ діаконства требуется знаніе всего того, что положено преподавать въ двухклассной церковно-приходской школѣ, съ умѣньемъ преподавать. Такимъ образомъ для неокончившихъ полного семинарскаго курса право на діаконство даетъ лишь испытанный и засвидѣтельствованный трудъ въ дѣлѣ начальнаго обученія. Потому же распоряженію, опытные учителя-діаконы, усидѣнность занятій конехъ въ школахъ будетъ засвидѣтельствована надлежащимъ образомъ, могутъ удостоиваться и священническаго сана: отъ ищущихъ іерейства требуется тоже, что и отъ діакона, и кромѣ того еще знаніе нѣкоторыхъ богословскихъ наукъ и практическаго руководства для пастырей.

— Въ Петербургъ прибылъ съ Аеопа настоятель одного изъ бѣднѣйшихъ монастырей «Симоноетръ» архимандритъ Неофитъ, получившій отъ высшихъ духовныхъ властей разрѣшеніе выставить въ Казанскомъ соборѣ, для поклоненія богомольцамъ, привезенныя имъ святыни. Ежедневно въ Казанскій соборъ стекается, съ утра и до вечера, густая толпа народа, желающая приложиться къ св. мощамъ и получить благословеніе отъ сурового пустытника-отшельника. Отецъ Неофитъ худой, высокаго роста старецъ, съ густыми нависшими бровями, глубокими морщинами, избороздившими пожелтѣлую кожу его серьезнаго и невозмутимо-спокойнаго лица; онъ имѣетъ на груди крестъ, украшенный драгоценными камнями, и одѣтъ въ свою походную рясу. Съ ударомъ перваго колокола, приглашающаго православныхъ къ заутрени или ранней обѣднѣ, является въ соборъ о. Неофитъ, неся въ рукахъ свою святыню; онъ становится около образа Спасителя, противъ малаго придѣла, и на особомъ столѣ помѣщаетъ раскрытый серебрянный ящикъ, въ которомъ четыре отдѣленія съ частицами св. мощей. Тутъ же на столѣ помѣщается кипа маленькихъ крестиковъ, привезенныхъ для раздачи вѣрующимъ на память объ Аеопѣ, и объемистый тюкъ ваты, въ которую завернуты дорогою св. мощи, при чемъ и эта вата мелкими кусочками раздается при благословеніи народу. Едва о. Неофитъ успѣваетъ расположиться въ храмѣ, какъ его обступаютъ толпа богомольцевъ и, по очереди, непрерывной вереницей, до самаго вечера подходятъ къ благословенію и поклоненію.

— Проживающій въ Одессѣ динабургскій мѣщанинъ К. С. Злотниковъ, приславъ къ архіепископу херсонскому и одесскому мѣдный крестъ, письменно просилъ его высокопреосвященство поднести этотъ крестъ Государю Императору, по поводу чуда 17 октября. Высокопреосвященный архіепископъ Никаноръ, отправивъ въ подлинникѣ прошеніе этого мѣщанина, вмѣстѣ съ посылкою къ Оберъ-Прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву, просилъ Оберъ-Прокурора принять мѣры къ осуществленію желанія этого русскаго человѣка, который, «въ знаменательную для Царя и Россіи минуту, подноситъ своему Государю отъ себя въ даръ, отъ Бога въ покровъ и защиту, свою завѣтную святыню, хотя и мѣдный, но крестъ». Синодальный Оберъ-Прокуроръ письменно увѣдомилъ высокопреосв. Никанора, что Его Величеству представленъ мѣдный крестъ, поднесенный мѣщаниномъ Злотниковымъ, и Государь Императоръ, благосклонно принявъ приношеніе, изволилъ приказать «благодарить Злотникова отъ имени Его Величества». Государь Императоръ

изволилъ присовокупить, что онъ «очень тронуть его письмомъ и поднесеніемъ креста».

— Преосвященный пензенскій сообщилъ Оберъ-Прокурору Святейшаго Синода, что священникъ церкви села Никольскаго, Буды тожъ, Наровчатскаго уѣзда, Давидъ Промтовъ и сельскій староста Иванъ Шишенинъ, отъ лица общества крестьянъ означеннаго села, просятъ повергнуть къ стонамъ Его Императорскаго Величества выраженіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и общественный приговоръ, состоявшійся по полученіи ими извѣстій о чудесномъ спасеніи Ихъ Императорскихъ Величествъ и всего Августейшаго Ихъ Семейства отъ грозившей опасности 17-го октября минувшаго года.

Въ приговорѣ этомъ значится, что крестьяне-собственники никольскаго сельскаго общества, 28-го октября, по выслушаніи Божественной литургіи и благодарственнаго молебствія, собрались, по приглашенію своего священника, на сходъ, чтобы единымъ сердцемъ и едиными устами выразить Его Императорскому Величеству и всему Августейшему Семейству вѣрноподданническія чувства радости за спасеніе отъ угрожавшей опасности, а дабы ознаменовать чудо милости Божіей, по предложенію того-же священника и съ общаго согласія, постановили: 1) совратившихся въ ихъ селеніи изъ нѣдръ православной Церкви въ расколъ склонить присоединиться къ православію, съ соблюденіемъ извѣстныхъ церковныхъ правилъ, на что тутъ-же изъявили полное согласіе присоединиться къ Церкви, ради спасенія Его Величества и всего Его Августейшаго Семейства, восемь человекъ; 2) ежегодно, 17-го октября, не производить въ ихъ селеніи никакихъ работъ, а собираться только въ храмъ Божій на молитву и служить благодарственный молебенъ.

Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Побѣдоносцева, 15-го текущаго января, изволилъ Собственноручно начертать: «Искренно благодаримъ»; причемъ противъ изложеннаго въ упомянутомъ приговорѣ крестьянъ села Никольскаго о присоединеніи уклонившихся въ расколъ вновь къ православію послѣдовала Высочайшая Его Величества отмѣтка: «Весьма утѣшительно и дай Богъ, чтобы ихъ примѣру послѣдовали и другіе»; по поводу-же постановленія крестьянскаго общества о празднованіи дня 17-го октября Государю Императору благоугодно было отмѣтить: «Надѣюсь, что пьянства и разгула не будетъ».

— По повеленію Его Императорскаго Величества Государя Императора въ Историческій музей поступилъ на храненіе серебряный сплюснутый стаканъ изъ того сервиза, который находился въ вагонѣ столовой при круженіи Императорскаго поѣзда 17 октября прошлаго года.

— Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ нѣкто г. Овчинъ изъ Одессы о изысканіи средствъ къ обезпеченію существованія церковно-приходскихъ школъ. Онъ пишетъ: «Въ настоящее время, какъ губернской Совѣтъ церковно-приходскихъ школъ, такъ и уѣздныя отдѣленія его заняты изысканіемъ средствъ къ поддержанію церковно-приходскихъ школъ. Въ Херсонской губерніи до сего времени штатной суммы на каждую школу приходилось по 20 р. въ годъ. Надлежъ разрѣшено 3,000 руб. на губернію, это—на сто школъ по тридцати рублей на школу. Съ такими средствами трудно достигать успѣховъ. Положимъ, что дѣло пробиваетъ себѣ путь, хотя и понемногу, но все же при горячемъ содѣйствіи Святѣйшаго Синода и любви народа несомнѣнно будетъ развиваться. Слѣдуетъ только, чтобы мѣстное духовенство не рассчитывало особенно на помощь со стороны, но искало средствъ у себя, среди своихъ прихожанъ. Средства эти, конечно, при усердіи и смотря по роли и положенію занимаемому священникомъ въ селѣ, среди своей паствы, легко могутъ быть найдены. Какъ ни распущенъ народъ, но почтенный представитель духовной жизни народа можетъ имѣть громадное вліяніе на своихъ прихожанъ. Двери хорошихъ священниковъ всегда открыты для прихожанъ. Вотъ такіе пастыри и могутъ предложить населенію поработать *единаго дня въ году* отъ каждаго двора для обученія дѣтей ихъ грамотѣ. Не думаю, чтобы прихожане отказались поработать одинъ день въ за то, что дѣти ихъ будутъ обучены грамотѣ. Въ каждомъ селеніи есть у священника церковная земля. Пятьдесятъ или шестьдесятъ десятинъ онъ можетъ отдать за третью копну. Если-же есть 150 дворовъ (это самое малое село), то 150 дней хватитъ на то, чтобы вспахать, засеять, заборонить и убрать 60 десятинъ. Изъ нихъ третья часть за землю идетъ въ пользу священника, а двѣ трети въ пользу школы. На сорока десятинахъ, *при посредственномъ* урожаѣ, можетъ быть двѣсти четвертей зерна (по 5 четв. съ десятины), считая четверть по восьми рублей, получится 1.600 руб. Если изъ этой суммы отчислить на зерно издержанное при посѣвѣ около 400 руб., то и тогда въ пользу школы останется 1.200 рублей въ годъ. Дѣло

это и не мудреное, и несложное. Все зависить отъ умѣнья священника какъ за него взяться.

— Вопросъ о денежныхъ средствахъ очень часто возникаетъ на сѣздахъ духовенства при разсужденіяхъ о содержаніи духовно-учебныхъ заведеній и иногда разрѣшается замѣчательно. Последній сѣздъ херсонскаго духовенства постановилъ просить Совѣтъ епархіальнаго женскаго училища принять за правило при составленіи смѣты для наступающаго трехлѣтія—не выходить изъ предѣловъ смѣтныхъ назначеній истекающаго трехлѣтія; въ случаѣ же дѣйствительной необходимости увеличенія таковыхъ назначеній объяснить обстоятельно, чѣмъ именно вызываются увеличенія по той или другой статьѣ расхода, и почему эти увеличенія не могутъ быть покрываемы сбереженіями отъ назначеній по прочимъ статьямъ расхода. Мѣра эта признается необходимою въ виду той изумительной быстроты въ возрастаніи итога требуемыхъ училищемъ на свое содержаніе суммъ отъ церкви епархіи, какая замѣчается въ представляемыхъ ими сѣздамъ смѣтахъ, а также и для того, чтобы не обременять церковь епархіи новыми налогами ради удовлетворенія постоянно возрастающихъ, со стороны училища, денежныхъ требованій на свое содержаніе.

— Депутаты минскаго окружнаго училищнаго сѣзда, обсудивъ возбужденный правленіемъ минскаго духовнаго училища вопросъ о постройкѣ новаго зданія для минскаго училища, въ виду неудовлетворительности теперешняго зданія училища въ педагогическомъ и гнѣніиическомъ отношеніи, нашли, что въ настоящую пору рѣшеніе вопроса въ положительномъ смыслѣ о постройкѣ новаго зданія подъ училище невозможно, такъ какъ церкви и духовенство округа, неся значительныя затраты по содержанію мѣстныхъ мужскаго и женскаго училищъ и имѣя сверхъ того на долгіе годы обязательство погашенія долга въ Св. Синодѣ по постройкѣ общежитія въ семинаріи, другихъ средствъ къ осуществленію проекта училищнаго правленія, кромѣ тѣхъ, какія могутъ получиться отъ продажи теперешняго училища, не имѣютъ.

— Сдѣланъ «Другомъ Истины» разборъ еще одного подложнаго раскольническаго сочиненія, извѣстнаго подъ названіемъ: «Разсужденіе Іосифа, патриарха московскаго и всея Руссїи». Это «разсужденіе» доставлено «Другу Истины» о. Стефаномъ Лукашинымъ, миссіонеромъ пермской епархіи, который списалъ его съ книги—Большого Цвѣтника, хранящагося въ пермской духовной консисторіи и вѣроятно конфискованнаго отъ стороообрядцевъ. Въ этомъ сочл-

неніи раскольниковъ, по словамъ московскаго журнала, пользуются именемъ патріарха Іосифа для распространенія своихъ заблужденій и «явно, ложно приписываютъ ему богопротивныя богохульныя мысли, за которыя, если бы они принадлежали патріарху Іосифу, его никакъ нельзя назвать православнымъ, напротивъ, скорѣе слѣдовало бы назвать еретикомъ». Въ этомъ раскольническомъ документѣ патріархъ Іосифъ представленъ «якобы заповѣдавшимъ христіанамъ безпоповщическія мысли».

Н Е К Р О Л О Г Ъ .

13 января настоящаго 1889 года послѣ продолжительной болѣзни, умеръ отъ упадка силъ заштатный протоіерей Павелъ Алексѣевичъ Грековъ, служившій при Вознесенской церкви, въ подгородней г. Изюма слободѣ Пескахъ. Надѣленный отъ природы свѣтлымъ умомъ, живымъ воображеніемъ и отличною памятію, Павелъ Алексѣевичъ, еще находясь въ семинаріи, отличался въ средѣ своихъ товарищей выдающимися успѣхами въ ученіи. Окончивъ курсъ ученія въ Харьковской Семинаріи, въ 1847 году, въ числѣ первыхъ учениковъ, съ серебряною медалію, онъ предназначенъ былъ начальствомъ къ отправленію въ Кіевскую духовную академію для дальнѣйшаго образованія; но имѣя отъ природы слабое здоровье, уклонился отъ поступленія въ академію и поступилъ въ Епархіальное вѣдомство. Исполняя службу приходскаго священника около 40 лѣтъ, умершій протоіерей и на избранномъ имъ скромномъ поприщѣ не зарылъ въ землю данныхъ ему отъ Бога талантовъ; но усердно трудился и развивалъ свои способности. Выдающеюся чертою характера покойнаго въ молодыхъ лѣтахъ была его любознательность и любовь къ преніямъ и разсужденіямъ о предметахъ Христіанскаго вѣроученія и по вопросамъ текущей жизни. Гдѣ только въ обществѣ священниковъ или свѣтскихъ образованныхъ лицъ находился о. Павелъ, тамъ почти всегда велась горячіе споры и разсужденія, которыми онъ руководилъ съ замѣчательнымъ тактомъ, живостію и основательностію. Обладая остротою ума и свѣжестію памяти, знакомый при этомъ хорошо съ свящ. Писаніемъ и ученіемъ отцевъ Церкви, о. Павелъ въ такихъ преніяхъ почти всегда бралъ верхъ надъ совопросниками и оппонентами не только своею находчивостію и изворотливостію, но силою доводовъ и убѣжденія. Такая особенность о. Павла побуждала другихъ священниковъ, въ недоумѣнныхъ вопросахъ по службѣ или въ другихъ встрѣтившихся затрудненіяхъ чаще всего за разрѣшеніемъ обращаться именно къ нему, и о. протоіерей всегда съ любовью помогалъ своимъ собратіямъ своими знаніями и опытностію въ дѣлахъ житейскихъ.

Какъ духовный настырь, о. Павелъ усердно исполнялъ свои обязанности, любилъ торжественность при Богослуженіи; для этого онъ при Вознесенской Песчанской церкви завелъ хоръ пѣвчихъ, славившійся во всей округности стройнымъ пѣніемъ и отличными голосами, который при поддержкѣ его средствами прихожанъ, собственными о. протоіерея, существовалъ почти до выхода его за штатъ. Обладая даромъ слова, умершій протоіерей при каждомъ Богослуженіи являлся ревностнымъ проповѣдникомъ и учителемъ своихъ духовныхъ чадъ. Проповѣди онъ говорилъ всегда изустно, съ увѣренностію, спокойствіемъ и убѣдительностію.

Какъ хозяинъ дома, о. Павелъ отличался искреннимъ радушіемъ, привѣтливостію и гостепримствомъ. Кто только не зналъ уважаемаго о. Павла, кто не пользовался его хлѣбосоольствомъ? И близкихъ себѣ по пріязни, и далекихъ знакомыхъ онъ всегда радушно принималъ въ своемъ домѣ, ко всѣмъ былъ ласковъ и привѣтливъ, всѣмъ готовъ былъ оказывать вниманіе и услуги. При добротѣ сердца о. Павелъ никогда не былъ притязательнымъ при полученіи доходовъ за службу отъ своихъ прихожанъ и готовъ былъ помогать всякому нуждающемуся, такъ что охотно отдавалъ людямъ бѣднымъ то, что получалъ отъ людей достаточныхъ, и всегда былъ отзывчивъ на нужды общественныя и частныя. При такой нестяжательности умершій протоіерей, проживъ много лѣтъ на одномъ изъ богатыхъ, сравнительно, приходоу, не оставилъ дѣтямъ никакого почти состоянія; но оставилъ по себѣ память добраго настыря и милостиваго отца бѣдствующимъ и нуждающимся.

Священническую службу покойный протоіерей началъ при Архангело-Михайловской церкви въ слоб. Волосеной-Балаклійкѣ Купянскаго уѣзда, куда посвященъ былъ 25 марта 1848 г. Пробывъ на томъ приходѣ два года и потомъ одинъ годъ при Александро-Невской церкви. на Сабуровой дачѣ, въ г. Харьковѣ, онъ переведенъ былъ 12 іюля 1851 года къ Вознесенской церкви слоб. Песокъ на открывшемся мѣсто старшаго священника, гдѣ и оставался до поступленія за штатъ. Здѣсь о. Павелъ, какъ выдающійся по энергіи и способностямъ, кромѣ службы приходскаго священника, несъ на себѣ разныя другія служебныя обязанности, по назначенію Епархіальнаго начальства, по духовному и другимъ вѣдомствамъ. Такъ съ 1852 по 1875 годъ онъ состоялъ 23 года наставникомъ и выѣстѣ законоучителемъ народнаго училища въ сл. Пескахъ; былъ членомъ Изюмскаго комитета общественнаго здравія, въ 1855 году, депутатомъ по духовному вѣдомству съ 1856 по 1858 годъ; благочиннымъ съ 1858 по 1863 годъ, блюстителемъ по преподаванію Закона Божія въ народныхъ училищахъ, наконецъ состоялъ членомъ Изюмскаго уѣзднаго училищнаго совѣта

Служебную дѣятельность покойнаго протоіерея епархіальное начальство

поощрило отличіями и наградами. Такъ, чрезъ годъ послѣ посвященія, въ 1849 году священникъ Павелъ Грековъ за усердное служеніе и проповѣданіе слова Божія награжденъ набодренникомъ; въ 1859 году, за отлично усердную и полезную службу въ должности священника, наставника сельско-приходскаго училища и благочиннаго, удостоенъ благословенія Святѣйшаго Синода. Въ 1860 году награжденъ бархатною, фіолетовою скуфьею; въ 1868 году камлавкою; въ 1877 году награжденъ наперснымъ крестомъ отъ Святѣйшаго Синода. Въ 1883 году возведенъ въ санъ протоіерея. Имѣлъ бронзовый крестъ, въ память войны 1853—1856 годовъ, въ 1885 году онъ вошелъ прошеніемъ къ начальству о зачисленіи его за штатъ по случаю перелома ноги при выходѣ изъ церкви. Это несчастное обстоятельство было причиною тяжкихъ страданій для о. протоіерея къ во всеѣ остальную его жизнь. Подъ конецъ жизни нога онѣмѣла и не дозволяла покойному протоіерею выходить изъ дому; но онъ переносилъ свои страданія съ христіанскимъ терпѣніемъ. Чувствуя приближеніе смерти и упадокъ силъ, о. протоіерей приготовилъ себя къ переходу въ загробную жизнь таинствами покаянія, причащенія и елеосвященія и 13 числа тихо скончался.

Погребеніе уважаемаго всеѣми знавшими протоіерея о. Павла совершенно было, въ Воскресенье, 15 января, по чину іерейскому, восемью священниками и 2 діаконами, при предствоятельствѣ протоіерея Изюмскаго Преображенскаго собора. Во время погребенія произнесено было низидательное слово священникомъ о. Стефаномъ Роменскимъ; а предъ отданіемъ послѣдняго дѣлованія умершему сказано были прочувствованная рѣчь протоіереемъ о. Теофиломъ Макухинымъ. Знаменательно здѣсь совпаденіе: погребеніе умершаго протоіерея происходило 15 января въ день памяти преп. Павла Фивейскаго, котораго покойный читалъ, какъ своего ангела-соименника; протоіерей о. Ѡ. Макухинъ воспользовался въ своей рѣчи къ умершему этимъ совпаденіемъ и поручилъ его предствоятельству чтимаго умершимъ небеснаго ходатая и заступника. Множество народа, во время погребенія, наполнило не только всю церковь, но и всю площадь предъ церковію, и сопровождало тѣло о. протоіерея до приходскаго кладбища, на разстояніе не менѣе трехъ верстъ отъ церкви, что ясно свидѣтельствовало о любви и уваженіи, какими пользовался умершій отъ своихъ прихожанъ. Тѣло умершаго протоіерея предано землѣ вблизи церкви, устроенной стараніемъ почившаго на кладбищѣ, съ правой стороны алтарной стѣны. До упокоитъ Госнодь и душу его въ обителяхъ небесныхъ!

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и собращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проеетъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по-полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.